

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

97

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

97

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии

Е. А. Векилова, Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Е. И. Крупнов, А. Ф. Медведев,
Н. Я. Мерперт, Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), Д. Б. Шелов и секретари
секторов Института археологии АН СССР

1. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Д. А. КРАЙНОВ

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Благодаря археологическим исследованиям 30-х годов, развернувшимся при строительстве «Большой Волги», многие вопросы древнейшей истории Верхней Волги были широко освещены в литературе, особенно вопросы, касающиеся памятников мезолита, неолита, фатьяновской и дьяковской культур. Здесь необходимо прежде всего упомянуть большие работы П. Н. Третьякова¹, статьи О. Н. Бадера и М. В. Воеводского², из более поздних — исследования О. А. Кривцовой-Граковой о фатьяновской культуре³ и Н. Н. Гуриной по вопросам неолита Костромской низины⁴. Следует особо указать на значение больших монографий А. Я. Брюсова⁵ и М. Е. Фосса⁶. Наконец, вопросам неолита Волго-Окского междуречья посвящены некоторые работы В. М. Раушенбах⁷ и И. К. Цветковой⁸.

За последние годы на верхней Волге (в пределах Калининской, Ярославской, Ивановской и Костромской областей) проведены широкие работы Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР⁹, подтвердившие многие выводы указанных выше авторов. В то же время работы экспедиции позволили поставить новые вопросы, и важнейший из них — об основных этапах в развитии древнейшей истории Верхнего Поволжья и их хронологии. Возникли спорные вопросы, которые и будут затронуты в настоящей статье:

а) Время первичного заселения Верхнего Поволжья.

¹ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья, ИГАИМК, вып. 106, 1935; его же. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941; его же. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950; его же. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, № 2, 1961.

² О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. ИГАИМК, вып. 106, 1935; О. Н. Бадер. Первобытное хозяйство на Оке и Верхнем Поволжье. ВДИ, № 3, 1939; его же. Фатьяновские могильники Северного Подмосковья. МИА, № 13, 1950; М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

⁴ Н. Н. Гурина. Неолитическое поселение Борань. МИА, № 79, 1960.

⁵ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.

⁷ В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы. Труды ГИМ, вып. XXII, 1953.

⁸ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Труды ГИМ, вып. XXII, 1953.

⁹ Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1959—1962 гг. Архив ИА.

- б) Характер мезолита на верхней Волге и фазы его развития.
- в) Смена основных этапов неолитических культур.
- г) «Сосуществование» неолитических культур с фатьяновской и их взаимоотношения.

Вопрос о последовательности основных этапов в истории Верхнего Поволжья до сих пор не получил должного освещения. В результате многолетних раскопок многослойных стоянок Золоторучье I, II и III, расположенных на правом берегу р. Волги ниже с. Золоторучья в 3 км от г. Углича Ярославской области¹⁰, удалось, проведя стратиграфическую корреляцию, установить следующую картину смены культурных наслоений, расположенных в соответствующих хорошо датированных геологических пластах.

1. Конец верхнего палеолита. В слое красновато-бурого суглинка, лежащего в основании первой надпойменной террасы, датированного геологически концом Валдайского оледенения¹¹, на большой площади обнаружены мастерские по выработке кремневых изделий конца верхнего палеолита. К настоящему времени найдено свыше 10 мастерских, характеризующихся большим количеством крупных кремневых валунов, желваков, осколков, отщепов, нуклеусов, заготовок орудий, отбойников, каменных плит-наковален, кремневых орудий и костей животных. Некоторые мастерские, очевидно, размещались в каких-то наземных сооружениях (шалахах)¹². Среди кремневых орудий встречаются всевозможные резцы палеолитического облика на крупных отщепах и пластинах (рис. 1), например резцы-скребки. Из других орудий следует отметить разнообразные скребки, проколки, острия, скобели и разрубленные пластинки. Найдено пикообразное крупное орудие и несколько «топоровидных» примитивных заготовок. Большая часть нуклеусов со скошенной площадкой. Наряду с призматическими нуклеусами найдены и дисковидные. Надо отметить двойную тенденцию в выделке кремневых изделий: макролитическую и микролитическую.

Из костей животных удалось определить кости первобытного быка и северного оленя. Формы кремневых орудий, техника их выделки, кости животных и геологические условия залегания культурного слоя позволяют отнести его к концу верхнего палеолита.

Открытие стоянки этого времени на верхней Волге в корне изменяет наши представления о первоначальном заселении края.

2. Мезолитические наслоения прослежены в аллювиальных голоценовых отложениях на стоянке Золоторучье III¹³, хорошо коррелируемой стратиграфически со стоянкой Золоторучье I. Обнаружено три мезолитические прослойки:

а) Нижняя залежала в аллювиальных отложениях выше суглинка с палеолитическими остатками, на глубине 1,95—2,2 м. В ней найдено значительное количество кремневых изделий, характеризующих древнюю мезолитическую культуру Верхнего Поволжья. Среди орудий следует отметить: боковой резец на пластинчатом отщепе, так называемый резчик на конце узкого нуклеуса, четырехугольники-вкладыши из разрубленных пластинок с ретушью и без ретуши, микропластинки, два небольших конических нуклеуса с одной прямой ударной площадкой и круговыми негативами

¹⁰ Д. А. Крайнов. Дюнная стоянка Золоторучье I. КСИИМК, вып. 75, 1959; его же. Отчеты Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1959—1962 гг. Архив ИА.

¹¹ А. А. Величко. Краткий отчет о геологическом обследовании условий залегания археологических стоянок в районе с. Золоторучье под Угличем осенью 1962 г. Архив ИА.

¹² В мастерской 3 прослежены остатки тлена от деревянных свай и кольев; в мастерской 4 — углубление пола и остатки костра. Мастерская 5 была окружена крупными валунами, служившими, по-видимому, креплением для наземной деревянной постройки с углубленным продолговатым выходом.

¹³ На стоянке Золоторучье I встречаются в тех же геологических слоях отдельные кремни эпохи мезолита.

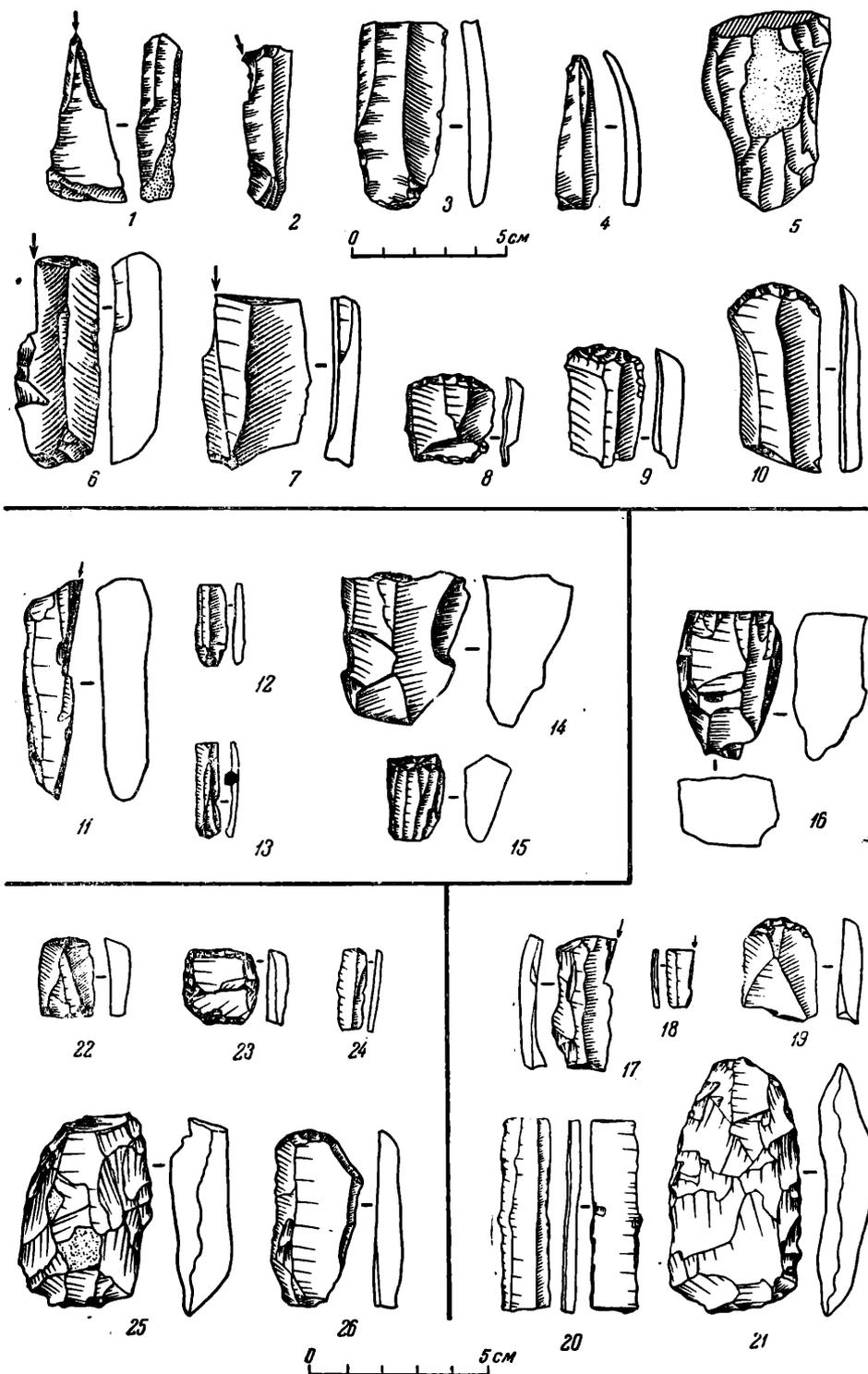

Рис. 1. Кремневые орудия со стоянки Золоторучье I

1—10 — палеолитический слой (1, 2, 6, 7 — резцы; 3, 4 — пластинки; 5 — нуклеус; 8—10 — скребки);
 11—15 — раннемезолитический слой (11 — резец; 12, 13 — микропластинки, 14, 15 — нуклеусы);
 16—21 — средний мезолитический слой (16 — нуклеус, 17, 18 — резцы, 19 — скребок, 20 — пластинка,
 21 — топорovidное орудие); 22—26 — позднемеолитический слой (22, 23 — скребки, 24 — микропластинка,
 25 — топорovidное орудие, 26 — скребок)

отжатых микропластинок. Наряду с ними найдены заготовки крупных орудий топоровидных, скребковидных и нуклевидных.

б) Средняя прослойка, расположенная также в аллювиальных голоценовых отложениях на глубине 1,6—1,8 м, включала несколько иные кремневые изделия. Наряду с коническими нуклеусами, призматическими пластинками, разрубленными пластинками-вкладышами, микропластинками, найдены скребки на сколах и отщепях (дуговые, скошенные и др.) и крупные заготовки тесловидных и топоровидных орудий. Они уже откristаллизовались в форме.

в) Верхняя прослойка залегала в несколько иных аллювиальных отложениях — в слое рыжеватой супеси (песке), на глубине 1,4—1,6 м. Здесь увеличивается количество орудий и особенно макролитических форм. Найдены: нуклеусы, призматические пластинки, микропластинки, скребки на сколах и пластинчатых отщепях, острия-проколки, резчики на концах пластинок и продолговатых отщепов, ножи на отщепях и др. Обнаружены в большем количестве, чем в нижних прослойках, макролитические формы: топоровидные, пикообразные, тесловидные, скребковидные и нуклевидные орудия. Эта прослойка относится, по-видимому, к позднему мезолиту.

3. Ранний неолит обнаружен на стоянке Золоторучье I в переясном дюнном песке на разной глубине от 0,2 до 0,8 м¹⁴. Культурный слой залегал в рыжеватом песке под погребенной почвой. В нем обнаружено много разнообразных кремневых изделий (рис. 2), обломков глиняной посуды, костей животных и пр. Найдены очаги и кострища. Среди кремневых орудий преобладают микролитические формы: резцы на углу сломанных пластинок, микрорезцы, скребки на отщепях и концах пластинок, наконечники стрел «скнятинского типа» на пластинках с подработкой черешка и острия, четырехугольники-вкладыши из разрубленных пластинок, микропластинки, пластинки с ретушью по краям и на концах, карандашевидные конические и цилиндрические нуклеусы, ножи на пластинках и отщепях, скобели, острия, проколки и пр. Вместе с ними найдены и крупные орудия (пикообразные, скребковидные и топоровидные) и ямочно-гребенчатая (ранняя) керамика льяловского типа. По условиям залегания, археологическим находкам и фауне этот слой может быть датирован временем раннего неолита. Он, по-видимому, одновременен Скнятинской, Копринской и Соболевской стоянкам на верхней Волге.

4. Поздний неолит прослежен на двух стоянках Золоторучье I и III внизу погребенной почвы. Особенно мощным он был на стоянке Золоторучье III.

Слой характеризуется большим количеством гребенчато-ямочной керамики (с преобладанием отпечатков гребенчатого штампа). Форма сосудов еще неолитическая, остродонная, без выраженной шейки, но есть и круглодонная со слабо выраженным венчиком. Из орудий встречены: полированные сланцевые долота, топоры, тесла, стамески и заготовки этих орудий; много всевозможных кремневых заготовок крупных макролитических орудий пиковидных, топоро- и теслообразных, долотовидных, скребковидных и пр. Среди них есть «гигантолиты». Продолжают существовать и микролитические формы: пластинки всевозможные с ретушью и без ретуши, асимметричные наконечники стрел на пластинках, четырехугольники-вкладыши из разрубленных пластинок и др. Найдены наконечники стрел и дротиков разной формы с двусторонней обработкой (черешковые, листовидные, ромбические и пр.). Встречено много всевозможных скребков на пластинках, отщепях и сколах. Среди них есть микроскребки. Из других орудий найдены: резцы, резчики, проколки, сверла, ножи, скобели, скребковидные орудия и пр. (рис. 3). Этот слой датируется поздним неолитом.

¹⁴ На стоянке Золоторучье III между поздним мезолитом и поздним неолитом идет прослойка почвы без находок, соответствующая ранне-неолитическому слою стоянки Золоторучье I.

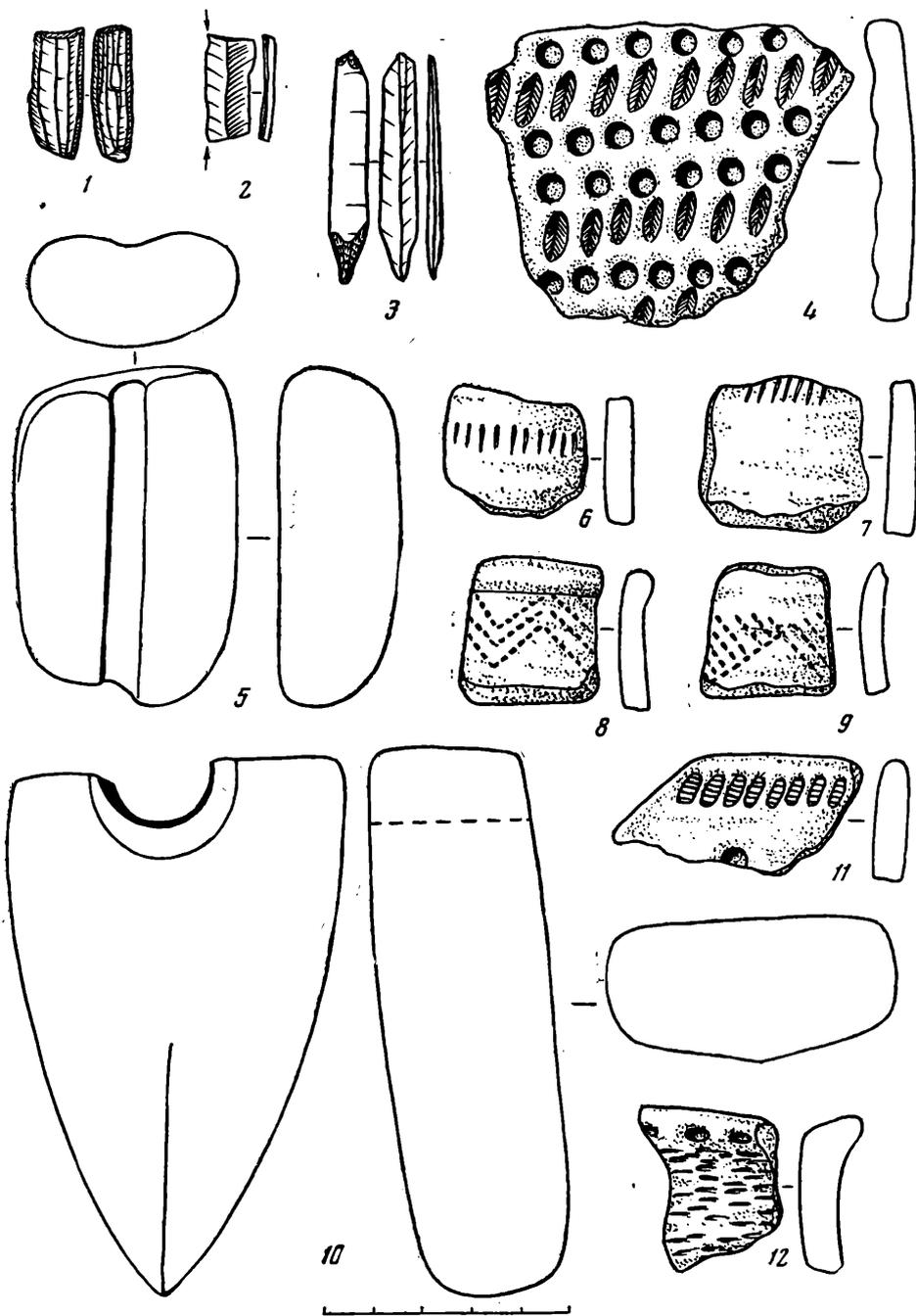

Рис. 2. Керамика, кремневые и каменные орудия со стоянки Золоторучье I и II

1 — 4 — раннеолитический слой (1 — нуклеус, 2 — микролезец, 3 — наконечник стрелы, 4 — обломок сосуда);
 5 — 12 — слой эпохи бронзы (5 — «выпрямитель стрел»; 6 — 9 — обломки фатьяновских сосудов, 10 — обломок каменного сверленного топора со стоянки Золоторучье II, 11, 12 — обломки сосудов конца бронзового века)

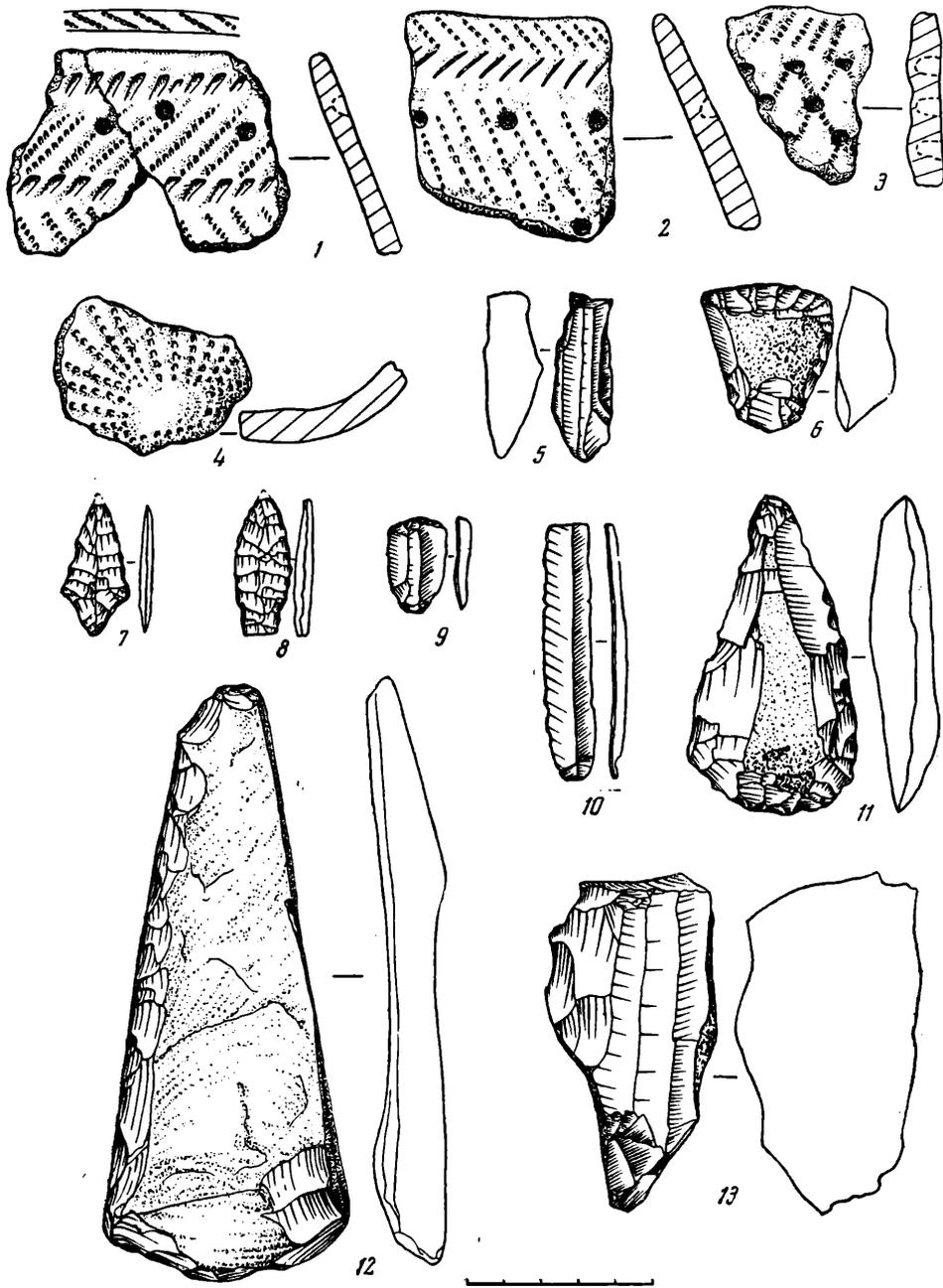

Рис. 3. Керамика и кремневые орудия со стоянки Золоторучье III

1 — 13 — поздненеолитический слой (1 — 4 — обломки сосудов, 5 — нуклеус, 6, 9 — скребки, 7, 8 — наконечники стрел, 10 — пластинка, 11, 12 — топорovidные орудия, 13 — нуклеус)

5. Бронзовый век. Культурные остатки этого времени обнаружены на стоянках Золоторучье I, II, III в нижних горизонтах погребенной почвы. Здесь встречены отдельные обломки фатьяновской керамики (рис. 2—6—9), каменные сверленные топоры, «выпрямители стрел» и кремневые орудия эпохи бронзы (рис. 2—5, 10). Вместе с ними встречаются: керамика поздней бронзы с особого типа ямочно-гребенчатым орнаментом, а также ранняя «текстильная» и «фатьяноидная» (круглодонная) керамика. Эти материалы особо интересны в связи с решением вопроса о хронологии фатьяновской культуры.

6. Железный век. В верхних горизонтах погребенной почвы на всех трех стоянках обнаружены разнообразные вещи позднediaковского и славяно-мерянского времени. На территории стоянок располагались курганы X—XIII вв., славянское кладбище и мерянского кладбище XI—XIV вв.

В окрестностях золоторучьинских стоянок зафиксировано много разнообразных и одновременных археологических памятников, подтверждающих смену культур, прослеженную на стоянках у с. Золоторучье.

В других районах верхней Волги для неолита и бронзы установлена та же последовательность.

Таким образом, по всему Верхнему Поволжью наблюдается одинаковая смена культур, характеризующая основные этапы древнейшей истории Волго-Окского междуречья.

Однако остается спорным вопрос о первичном заселении Волго-Окского междуречья. Большинство исследователей XIX в. считало, что впервые человек здесь появился в новокаменный век. Открытие Карачаровской палеолитической стоянки заставило А. С. Уварова опровергнуть это ошибочное представление о необитаемости европейской части России в древнекаменную пору¹⁵. Позднее И. А. Тихомиров¹⁶ не соглашался с А. С. Уваровым и считал Карачаровскую стоянку поздним пережиточным культурным явлением. В. А. Городцов отнес стоянку к ранней поре палеолитической эпохи¹⁷.

Позднее под г. Владимиром была открыта вторая палеолитическая стоянка — Сунгирь¹⁸, подтвердившая существование палеолитического человека на Оке. Что касается верхней Волги и Севера Европейской части СССР, то большинство исследователей (П. Н. Третьяков, А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, М. В. Воеводский, А. А. Формозов и др.) считали, что широкое заселение Севера СССР началось только в бореальное время (стоянки Ягорба, Кунда, Скнятино и другие так называемые мезолитические стоянки верхней Волги и Оки).

Открытие стоянки Сунгирь и нижнего слоя стоянки Золоторучье I заставляет прийти к выводу о более древнем заселении территории Волго-Окского междуречья¹⁹. Возможно, пути проникновения палеолитических людей на эту территорию были разными, на Оку они могли прийти с Дона, а на верхнюю Волгу — с Десны и Днепра. Открытие мустьерских стоянок на Десне (Ф. М. Заверняев) и палеолитических стоянок на Оке и верхней Волге в корне изменяет наши представления о древнейшей истории Севера Европейской части СССР.

Второй спорный вопрос — это различное понимание Волго-Окского мезолита.

¹⁵ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. 1. М., 1881, стр. 112—117.

¹⁶ И. А. Тихомиров. Кто насыпал Ярославские курганы. «Труды II областного Тверского археологического съезда», Тверь, 1903, стр. 94—95.

¹⁷ В. А. Городцов. Археология. Каменный период, т. 1. М., 1923, стр. 197—199.

¹⁸ О. Н. Бадер. Палеолитическая стоянка Сунгирь на Клязьме. СА, № 1, 1959.

¹⁹ Карачаровская стоянка. Сунгирь и Золоторучье I относятся к раннему времени верхнего палеолита.

П. Н. Третьяков²⁰, М. В. Воеводский²¹ и А. А. Формозов²² считают, что волго-окский мезолит по своему характеру микролитический, близкий свидеро-гарденуазским стоянкам Польши. А. Я. Брюсов и Д. А. Крайнов²³ высказали другую точку зрения на характер «северного» мезолита, отличного от южного и польского мезолита.

Сейчас нельзя согласиться с мнением П. Н. Третьякова, М. В. Воеводского и А. А. Формозова об отнесении Скнятинской стоянки к мезолиту и бореальному времени²⁴:

1. Геологические условия залегания «эпипалеолитического» слоя на Скнятинских дюнах противоречат выводу П. Н. Третьякова о его бореальном времени. Они относятся к более позднему времени.

2. Правильность интерпретации пыльцевой диаграммы, приведенной П. Н. Третьяковым как основное доказательство бореального времени слоя, также вызывает сомнение. С. Н. Тюремнов и Г. Н. Лисицына относят время формирования скнятинского культурного слоя к фазе «верхнего максимума ели» или к суббореальному периоду по схеме Блитта-Сернандера²⁵.

3. Характер кремневого инвентаря в Скнятинской стоянке не чисто микролитический. В слое наряду с микролитическим инвентарем (наконечниками стрел «свидерского типа», карандашевидными нуклеусами, микро-резцами, пластинками-вкладышами и пр.) встречаются: крупные нуклеусы, заготовки топоровидных и пиковидных орудий, шлифованные орудия, ямочно-гребенчатая керамика и т. д. Выделить из слоя «мезолитические» орудия невозможно. Слой небольшой мощности и однороден геологически.

4. Слой погребенной почвы, под которым залегает основной культурный слой, не может быть отнесен к неолитическому периоду, так как в нем располагаются находки позднего времени.

5. Во время разведки на Скнятинских дюнах, проведенной нами в 1957 г., обнаружен нижний культурный слой, залегающий в голоценовых отложениях на глубине 0,9—1,1 м под так называемым мезолитическим слоем. В нем обнаружен иной кремневый инвентарь, относящийся ко времени мезолита²⁶.

6. Верхний же скнятинский слой не может быть отнесен к мезолиту и к бореальному времени, так как он идентичен и по условиям залегания, и по кремневому инвентарю, и по керамике подобным же слоям большинства верхневолжских дюнных стоянок, также залегающих под ископаемой почвой и относящихся к неолитическому времени: это стоянки Золоторучье I (ранне-неолитический слой), Коприно, Соболево и др. На стоянке Золоторучье I в ранне-неолитическом слое, залегавшем под слоем погребенной почвы, встречаются и карандашевидные нуклеусы и наконечники стрел «свидерского типа» и наряду с ними ранняя керамика льяловского типа.

Необходимо отметить, что наконечники стрел так называемого свидерского типа, на которых в основном строится теория о мезолите Волго-Ок-

²⁰ П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн.

²¹ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы.

²² А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

²³ Д. А. Крайнов и А. Я. Брюсов. Проблема северного мезолита. «Материалы по изучению четвертичного периода», т. 1. М., 1961, стр. 479—482.

²⁴ На основе, главным образом, этой стоянки и делаются выводы указанных авторов о характере и времени волго-окского мезолита.

²⁵ Г. Н. Лисицына. Заключение к пыльцевой диаграмме (приведенной П. Н. Третьяковым как доказательство датировки Скнятинских дюн бореальным временем). Приложение к отчету Верхневолжской экспедиции за 1962 г. Архив ИА.

²⁶ Д. А. Крайнов. Отчет Ярославского отряда Среднерусской экспедиции за 1957 г. Архив ИА. Р-1, № 1537.

ского междуречья, найдены на многих стоянках вместе с ранней неолитической керамикой²⁷. А. А. Формозов упоминает десятки мест находок этих наконечников на стоянках «пережиточного неолита»²⁸.

7. Наконец, открытие разновременных мезолитических стоянок у с. Золоторучье (I и III), Богоявленской²⁹ и Скнятинской — нижний слой — показывает совершенно иное геологическое залегание мезолитических культурных остатков, расположенных ниже, чем скнятинский «эпипалеолитический слой» и подобный же на стоянке Золоторучье I (ранненеолитический).

Таким образом, стоянки типа Скнятино, по-видимому, относятся не к мезолитическому, а более позднему времени. Стоянки Золоторучье III и Богоявленская рисуют картину смены разных этапов мезолита, который характеризуется наличием микролитической и макролитической техники в выработке кремневых изделий. Появление микролитических форм в мезолите дает возможность перехода к развитию макролитических орудий эпохи неолита.

Оставляя в стороне вопросы генетической связи волго-окского мезолита с неолитом и происхождение неолитических культур этой территории, остановимся на другом важном вопросе — хронологической смене неолитических культур.

Наши исследования на верхней Волге³⁰ и особенно раскопки таких стоянок, как Золоторучье I, II и III; Уницкой на озере Неро в городе Ростове Ярославском; Польцо на р. Вексе Переславского района; стоянок на берегах озера Сомино того же района; Сахтышской I и II на озере Сахтыш Тейковского района Ивановской области; Гоголевской («Поляна») на р. Лух Пестяковского района Ивановской области и др., подтверждают смену культур волго-окского неолита, установленную Б. С. Жуковым, П. Н. Третьяковым, О. Н. Бадером, А. Я. Брюсовым, М. Я. Фосс, Н. Н. Гуриной, В. М. Раушенбах, И. К. Цветковой и др. Всюду на этих стоянках в нижних слоях встречается ямочно-гребенчатая керамика льяловского или балахнинского раннего типа, выше залегают слои, где ямочно-гребенчатая керамика бывает вместе с волосовской, а в самых верхних горизонтах встречается ямочно-гребенчатая, волосовская и «текстильная» керамика. Грубо говоря, везде наблюдаются три основные группы: ранняя — льяловского типа; средняя — волосовская и верхняя — «текстильная» (сетчатая)³¹. Такая же картина наблюдается и на стоянках Костромской низины³², Молого-Шекснинской низины³³, на стоянке Николо-Перевоз³⁴, и других верхневолжских неолитических стоянках³⁵. На окских стоянках культуры балахнинская и рязанская также переживают три стадии, правда,

²⁷ Стоянки Золоторучье I и III, Польцо, Сушевская стоянка у Николо-Перевоза, Оленеостровский могильник и др.

²⁸ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 99.

²⁹ Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1959—1962 гг. Архив ИА. Богоявленская мезолитическая стоянка находится в 7 км ниже по течению Волги от стоянки Золоторучье I.

³⁰ Там же.

³¹ О находках в этих слоях вещей фатьяновской и других культур бронзового века я пока не упоминаю. Почти всюду фатьяновские вещи встречаются в слоях с волосовской и сетчатой керамикой.

³² Н. Н. Гурина. Указ. соч., стр. 188—238; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э., стр. 14—15.

³³ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 16.

³⁴ Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы, по данным изучения керамики. «Этнография», № 1, 1929; В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. Труды ГИМ, вып. 37, 1960.

³⁵ В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы; И. К. Цветкова. Указ. соч.

несколько отличные от верхневолжских³⁶. Подобная же смена культур прослеживается и в Прибалтике и на верхнем Днепре³⁷.

Для решения последующих спорных вопросов мы остановимся на хронологии этих этапов неолитических культур. Почти все авторы датируют ранний этап (льяловский) серединой III тысячелетия (начало) и первой четвертью II тысячелетия до н. э. (Б. С. Жуков, П. Н. Третьяков, А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, Н. Н. Гурина, В. М. Раушенбах, И. К. Цветкова и др.).

Второй, волосовский этап всеми датируется началом II тысячелетия и третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Наконец, раннюю «текстильную» керамику — третий этап — относят к концу II тысячелетия до н. э.³⁸

Исследования последних лет показывают, что неолитические племена занимали всю территорию Волго-Окского междуречья, и если нанести на карту все стоянки, обнаруженные здесь к настоящему времени, то они распределятся по всем основным рекам, речкам и озерам. Особенно густо были заселены берега озер (Плещеево, Неро, Галичское, Сахтыш и др.). Верхневолжской экспедицией установлены места свыше 20 поселений на берегах озера Неро, около 10 поселений на берегах озера Сомино, свыше 15 поселений на берегах озера Сахтыш и т. д. Во втором тысячелетии до н. э. большая часть Волго-Окского междуречья была занята волосовскими племенами³⁹, а затем поздняяковскими⁴⁰. Встает вопрос: куда же и когда помещать в Волго-Окском междуречье фатьяновские племена? Они ведь занимали огромную площадь, далеко выходящую за рамки Волго-Окского междуречья. В ряде мест Ярославской, Калининской, Костромской, Ивановской и Владимирской областей наблюдается значительная густота в расположении фатьяновских могильников, что исключает точку зрения о временном прохождении фатьяновцев по этой территории. В связи с этим возникает один из основных спорных вопросов — о «сосуществовании» на одной и той же территории неолитических культур с фатьяновской. Решение его затрудняется неточностью в определении хронологии фатьяновской культуры, а также невыясненностью границ распространения культур в Волго-Окском междуречье, недостаточной изученностью и нечеткой датировкой культур конца бронзового века, бытовавших на части территории Волго-Окского междуречья (сейминской, абашевской и раннетекстильной — дьяковской и поздняяковской). В связи с этим прав Б. С. Жуков, указавший на степень влияния фатьяновской, абашевской, поздняяковской и других культур на развитие поздних фаций неолитической культуры Волго-Окского междуречья⁴¹.

Нам представляется, что основное затруднение в выяснении этого вопроса заключается в неправильной, заниженной датировке фатьяновской культуры. У исследователей нет единой точки зрения о хронологии этой культуры. А. А. Спицын и В. А. Городцов относили ее к расцвету бронзового века и к первой половине II тысячелетия⁴². Такой же даты придержи-

³⁶ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Указ. соч.; Б. С. Жуков. Указ. соч.; И. К. Цветкова. Указ. соч.; А. Я. Брюсов. Указ. соч.

³⁷ Мы не отрицаем существования отдельных локальных вариантов неолитических культур разных районов Волго-Окского междуречья, а также различных переходных этапов. Мы о них не упоминаем. Нам важна общая тенденция — смена основных этапов.

³⁸ Я здесь не упоминаю отдельно ни дьяковскую, ни поздняяковскую культуры, условно называя «третью» фацию ранней «текстильной».

³⁹ И. К. Цветкова. Указ. соч.; ее же. Неолитические поселения с могильником у с. Ибердус. Тезисы доклада на сессии Ученого совета ГИМ в феврале 1963 г.

⁴⁰ Т. Б. Попова. Некоторые новые данные о поздняяковской культуре. Тезисы доклада на сессии Ученого совета ГИМ в феврале 1963 г.; И. К. Цветкова. Указанные работы.

⁴¹ Б. С. Жуков. Указ. соч., стр. 70—72.

⁴² А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903, стр. 79; В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, стр. 48.

вался и я в своей работе о Вауловском могильнике⁴³. О. А. Кривцова-Гракова⁴⁴, А. Я. Брюсов⁴⁵, М. Е. Фосс⁴⁶, В. М. Раушенбах⁴⁷, И. К. Цветкова⁴⁸ и другие относят появление фатьяновской культуры в Волго-Окском междуречье к концу III тысячелетия и ее дальнейшее распространение — к началу II тысячелетия до н. э. А. Я. Брюсов считает, что фатьяновцы прочно осели в Волго-Окском междуречье, заняв в течение II тысячелетия до н. э. огромную территорию, до средней Волги⁴⁹. По мнению указанных авторов, фатьяновская культура просуществовала на территории Волго-Окского междуречья до середины II тысячелетия, но некоторые исследователи продолжают ее существование дольше⁵⁰. В. М. Раушенбах, например, признает существование фатьяновского могильника на стоянке Николо-Перевоз во второй-третьей четвертях II тысячелетия до н. э.⁵¹ О. Н. Бадер датирует балановский вариант фатьяновской культуры временем от конца III и до первых веков I тысячелетия до н. э. Датировка дается для всех четырех этапов «балановской» культуры⁵².

Итак, твердой и единой хронологии фатьяновской культуры пока не установлено. Если принять дату от конца III тысячелетия до середины II тысячелетия, то как тогда быть с такой же датировкой неолитических культур? Получается факт их одновременного существования с фатьяновской, а если согласиться с О. Н. Бадером и О. А. Кривцовой-Граковой о позднем длительном существовании восточнофатьяновских племен вплоть до грани I тысячелетия до н. э., то вопрос еще более усложняется. В связи с этим многие из указанных авторов вынуждены были встать на точку зрения «сосуществования» фатьяновской и неолитических культур.

О. А. Кривцова-Гракова⁵³ считала, что в развитии фатьяновской культуры все время происходила трансформация в соответствии с изменениями в территории распространения. По ее мнению, в конце III тысячелетия до н. э., т. е. к моменту появления фатьяновцев на территории Московской группы, льяловские неолитические племена здесь уже не существовали, а поздние появились после ухода фатьяновцев на территорию Ярославской группы. Это утверждение опровергается датировкой неолитических льяловских стоянок у д. Б. Буньково, у Бисерова Озера, у Святого Озера первой и второй четвертью II тысячелетия до н. э.⁵⁴

Далее, приняв точку зрения П. Н. Третьякова⁵⁵ относительно расселения неолитических племен на верхней Волге, О. А. Кривцова-Гракова пришла к мысли о «сосуществовании» фатьяновцев и неолитических племен на одной территории, но в разных ее районах. К моменту появления поздних неолитических племен фатьяновцы передвигаются к востоку. Этот вывод также опровергается существованием по всей верхней Волге, Мологе, Шексне и другим рекам наряду с неолитическими и фатьяновскими

⁴³ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Труды ГИМ, вып. XII, 1941.

⁴⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч.

⁴⁵ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 12, 91, 94; Он же. Об экспансии «культур с боевыми топорами». СА, № 3, 1961, стр. 22, 23.

⁴⁶ М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 182.

⁴⁷ В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки верхней Клязьмы, стр. 12; Т. В. Попова, В. М. Раушенбах. Археологические материалы в краеведческих музеях. М., 1954, стр. 89; В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз, стр. 36.

⁴⁸ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена, стр. 49.

⁴⁹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 94.

⁵⁰ О. А. Кривцова-Гракова, В. М. Раушенбах, О. Н. Бадер, П. Д. Степанов, А. Х. Халиков и др.

⁵¹ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз, стр. 36.

⁵² О. Н. Бадер. Балановская культура. СА, № 4, 1961, стр. 61.

⁵³ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч.

⁵⁴ В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы, стр. 13, 16.

⁵⁵ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья...

памятников⁵⁶. Существование неолитических стоянок на территории фатьяновцев в районе озера Неро (Уницкая стоянка) О. А. Кривцова-Гракова представляет возможным потому, что эти и окружающие районы (не занятые фатьяновскими могильниками), по ее мнению, были свободным промежуточным пространством между Московской и Ярославской группами. Однако изучение Ростовского края Верхневолжской экспедицией показывает иную картину. Во-первых, вокруг озера Неро сейчас насчитывается около 20 неолитических стоянок, распространены они и по направлению к Переславлю, например Ивановская стоянка, Вашутинская и стоянки на берегу Плещеева озера. Здесь же обнаружены и фатьяновские могильники: Пужбольский, Халдеевский, Карашский, Ильинский, Коркинский, Романцевский и др. На берегах озера Неро и по рекам Устье, Которосль и другим всюду, даже на самих неолитических стоянках (Сулость, Борисовское, Твердино, Поречье, Угодичи, Ростов, Уница и пр.), встречаются в большом количестве сверленные топоры и отдельные обломки фатьяновской посуды. Как мы видим, в противоположность построению О. А. Кривцовой-Граковой, всюду, где есть неолитические памятники, в Волго-Окском междуречье встречаются и фатьяновские. Приблизительно ту же точку зрения поддерживает и А. Я. Брюсов⁵⁷. Он считает, что фатьяновские племена, занявшие пространство между Клязьмой и Волгой, в течение ряда столетий расширяли свои земли к востоку и длительное время находились во враждебных отношениях с неолитическими племенами⁵⁸. Это «враждебное сосуществование» фатьяновской и неолитических культур длилось на протяжении более 500 лет без всяких признаков какой-либо культурной связи между ними⁵⁹. Находки боевых фатьяновских топоров-молотков на ряде окских неолитических стоянок, отсутствие обмена и заимствования неолитическими племенами скотоводства у фатьяновцев А. Я. Брюсов объясняет враждебными отношениями и противоречиями⁶⁰. О. Н. Бадер в своих работах⁶¹, так же как и О. А. Кривцова-Гракова, считает возможным «сосуществование» тех и других на одной территории, но в разных местах. В отличие от О. А. Кривцовой-Граковой и А. Я. Брюсова, О. Н. Бадер в своих ранних работах признает сосуществование фатьяновцев с более поздним неолитическим населением.

Следует еще особо остановиться на точке зрения М. Е. Фосс о продвижении фатьяновцев на территорию Волго-Окского междуречья, занятую неолитическими племенами, и о возможности сосуществования на той же территории фатьяновских скотоводческих племен и охотничье-рыболовческих неолитических племен⁶². Для подкрепления своих положений М. Е. Фосс пишет о слабой заселенности, о неустойчивости границ этих племен, и этим объясняет отсутствие столкновений. В то же время она пишет о вторжении фатьяновцев в Волго-Окское междуречье, повлиявшее на переселение неолитических племен на север⁶³. Этому также противоречит утверждение М. Е. Фосс, что между фатьяновской культурой и неолитическими племенами не было тесного соприкосновения. Это показывает,

⁵⁶ Краснохолмский, Вельегонский, Рыболовский, Борковский и другие могильники; находки топоров по Шексне у г. Рыбинска и на месте, где теперь Рыбинское море, могильники в Пошехонском районе Ярославской области, могильники и отдельные фатьяновские находки в Костромской низине и т. д. Они обнаружены на той же территории, что и стоянки, упоминаемые П. Н. Третьяковым.

⁵⁷ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 255—258.

⁵⁸ А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами», стр. 31.

⁵⁹ Там же, стр. 33.

⁶⁰ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 31 и 94.

⁶¹ О. Н. Бадер. Первобытное хозяйство на Оке и Верхнем Поволжье, стр. 112—115; его же. Лихачевский могильник. СА, II, 1937, стр. 34; его же. Фатьяновские могильники Северного Подмосковья, стр. 87, 89; его же. Балановская культура.

⁶² М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 189.

⁶³ Там же, стр. 191.

«несколько изолированно протекало существование тех и других племен»⁶⁴. «Только на последнем этапе развития фатьяновской культуры,— писала М. Е. Фосс,— наблюдается как бы растворение ее в появившихся новых культурах, что и приводит к заключению об ассимиляции фатьяновского населения»⁶⁵.

Приведенные примеры показывают большую противоречивость взглядов исследователей на историю фатьяновских племен. Подведем итоги этим противоречиям.

1. Все исследователи отрицают наличие фатьяновских вещей на стоянках льяловского типа (III и начало II тысячелетия до н. э.), но в то же время большинство из них (М. Е. Фосс, О. А. Кривцова-Гракова, А. Я. Брюсов, О. Н. Бадер, В. М. Раушенбах и др.) продолжают настаивать на дате «вторжения» фатьяновцев в Волго-Окское междуречье в конце III и начале II тысячелетия до н. э., т. е. тогда, когда здесь жили льяловцы. Пытаясь объяснить это противоречие, одни из них считают, что к приходу фатьяновцев льяловские племена не существовали на территории Московской области (О. А. Кривцова-Гракова); другие вынуждены под напором фактов признать, что льяловцы на территории Московской области были, но связей между ними и фатьяновцами не было, так как последние здесь не задерживались и быстро прошли (А. Я. Брюсов). Отсутствие связей также объясняют по-разному: одни враждебными отношениями (А. Я. Брюсов), другие замкнутостью, изолированностью (М. Е. Фосс), третьи — сосуществованием на одной территории, но в разных районах (О. А. Кривцова-Гракова, О. Н. Бадер и др.), четвертые — большими свободными пространствами и редким населением (М. Е. Фосс). Все пишут о «вторжении» воинственных фатьяновцев, а с кем они воевали, не указывают. С льяловцами? — но их уже не было, с волосовцами? — они появились позднее, с поздняяковцами или еще с кем? Твердого ответа нет.

2. Отвергая связи фатьяновцев с неолитическими племенами, исследователи в то же время подчеркивают, что с отдаленными территориями у фатьяновцев были связи (Кавказ, степи, Днепр, районы распространения унетичской культуры и пр.). Невозможно себе представить, что, занимая огромную территорию, фатьяновцы 500 лет жили рядом с неолитическим населением без всякой связи, а «исчезли», не оставив после себя следа. Как же согласовать с таким положением одновременное признание теми же авторами более высокой, по сравнению с неолитическими аборигенами, культуры фатьяновцев, боевой их силы, вынудивших неолитические племена в их движении на север идти в обход территорий, занятых фатьяновцами (А. Я. Брюсов). Все эти противоречия вытекают из невыясненности последовательной смены культур.

На вопрос об одновременном существовании неолитических и фатьяновских племен на одной и той же территории мы должны ответить отрицательно. Почему всюду в Волго-Окском междуречье фатьяновские памятники находятся на тех же местах, что и неолитические, причем последние разновременны, начиная от ранних и кончая поздними.

В Калининской области и по рекам и по озерам всюду встречаются и неолитические стоянки и фатьяновские памятники: стоянки Скнятинские и на р. Корожечне и тут же находки топоров-молотков и рядом могильники фатьяновские Олочинский и Таскаихский; вокруг г. Калинина открыты десятки неолитических стоянок и здесь же найдены фатьяновские вещи и могильники. В Ярославской области на неолитических стоянках у с. Золоторучье найдены фатьяновские вещи; Рыболовский могильник — и недалеко Учемская неолитическая стоянка; в Ростове на озере Неро десятки стоянок — и рядом фатьяновские могильники: Пужбольский,

⁶⁴ Там же, стр. 188.

⁶⁵ Там же, стр. 189.

Халдеевский и др.; на озере Плещеево крупнейшие неолитические многослойные стоянки (Польцо) и здесь же находки фатьяновских вещей и могильники Талицкий, Рахмановский и др.; Петровский район; на озере Караш разновременные неолитические стоянки и Карашский фатьяновский могильник; Берендеевское болото — неолитические стоянки и фатьяновские находки и др. Костромская область: на стоянках у озера Святое в пригороде Костромы стоянки неолитические, здесь же находки фатьяновских топоров-молотков и рядом Говядиновский могильник; находки фатьяновской керамики на Галичской стоянке и другие места.

Такие же примеры можно привести и по другим областям Волго-Окского междуречья. Получается, что на одной и той же территории, на одних и тех же местах по берегам озер, рек и речек размещаются неолитические и фатьяновские памятники. Это совпадение территорий может быть объяснено только разновременностью этих памятников. Прав был Б. С. Жуков, когда писал, что «если на расстоянии 10 км друг от друга находятся три столь различных по своему инвентарю памятника, как Горшиха, Балахна III и Чуркино, едва ли может быть допущена мысль об одновременном существовании хотя бы двух из них, что свободно допускалось бы, если бы они были разбросаны в различных географических провинциях на расстоянии сотен километров»⁶⁶.

Встает вопрос не о сосуществовании и не об одновременности памятников, а о появлении фатьяновцев в Волго-Окском междуречье на каком-то определенном этапе существования здесь неолитических племен. Продвижение фатьяновцев было не мирным, а боевым, о чем свидетельствуют находки боевых топоров-молотков на всей территории и могилы воинов с боевым инвентарем. Шло, по-видимому, или покорение, или вытеснение неолитических племен. Фатьяновцы заняли огромную территорию от Новгорода Великого до Камы и от границ Вологодской области до Пензы. В какое же время это происходило?⁶⁷

Нам представляется, что нет никаких оснований утверждать о продвижении фатьяновцев в Волго-Окское междуречье в конце III и начале II тысячелетия до н. э. А. Я. Брюсов, утверждая эту датировку, в то же время и опровергает ее ссылкой на обнаружение Буньковского могильника на неолитической стоянке и могильника на стоянке Николо-Перевоз⁶⁸. Буньковская стоянка синхронна Волосовской (и по керамике и по орудиям) и датируется второй четвертью II тысячелетия до н. э.⁶⁹, а могильник на стоянке Николо-Перевоз — третьей четвертью II тысячелетия до н. э.⁷⁰

Выше мы установили, что ни на одной стоянке с ранней так называемой льяловской керамикой не найдено ни одной фатьяновской вещи, это признают все. Если допустить, что фатьяновцы вторглись в Волго-Окское междуречье в III тысячелетии или начале II тысячелетия, то обязательно на стоянках с льяловской керамикой мы встретили бы фатьяновские вещи. Следовательно, время вторжения более позднее, по всей вероятности, не ранее второй четверти II тысячелетия до н. э. Эту дату подтверждают следующие факты.

1. Связи фатьяновской культуры с катакомбной («выпрямители стрел», булавы, костяные булавки, бронзовые проволочные привески, употребление углей и кремней в обряде погребения и т. д.). Памятники катакомбной

⁶⁶ Б. С. Жуков. Указ. соч.

⁶⁷ Мы присоединяемся к точке зрения о проникновении фатьяновцев в Волго-Окское междуречье извне. Говорить сейчас о местном происхождении фатьяновцев вряд ли можно.

⁶⁸ А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами», стр. 20—21.

⁶⁹ В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы, стр. 15—16.

⁷⁰ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз, стр. 29.

культуры, граничившие с фатьяновскими, датируются первой половиной II тысячелетия⁷¹.

2. Никто сейчас не отрицает, если не генетической, то культурных связей фатьяновских памятников Московской группы с днепро-деснинскими памятниками среднеднепровской культуры, датируемыми второй четвертью и серединой II тысячелетия до н. э.⁷²

3. На многослойных неолитических памятниках: Борань⁷³, Сахтыш 1⁷⁴, Уницкой стоянке⁷⁵, Николо-Перевозе⁷⁶ и др. — фатьяновская керамика и вещи появляются вместе с волосовской керамикой, а ранняя стадия воловской культуры датируется первой четвертью II тысячелетия до н. э.

К этому можно добавить мнение А. А. Спицына относительно керамики стоянки Борань. Он разделил ее на три основные группы: неолитическую, фатьяновскую и сетчатую. Соглашаясь с этим делением, Н. Н. Гурина отмечает преемственность этих групп и стратиграфическую, а следовательно, и хронологическую последовательность в размещении керамики: ранняя залегает по преимуществу внизу, а фатьяновская и сетчатая — в верхних горизонтах⁷⁷.

4. Наконец, на многих стоянках Волго-Окского междуречья встречены вещи и керамика фатьяновской культуры или с волосовской керамикой или с поздненеолитической (сетчатой).

Таким образом, перед нами встает вопрос: когда же и на каких стоянках появляются фатьяновские памятники и вещи. Перечислим наиболее характерные из них.

На территории Московской области фатьяновские могильники — на стоянках волосовского времени у д. Б. Буньково и у с. Николо-Перевоз. Кроме того, на стоянке Николо-Перевоз найдено значительное количество фатьяновской керамики в одном слое с волосовской.

В Ярославской области таких мест значительно больше. В Переславском районе фатьяновская керамика и каменные сверленные топоры-молотки найдены на стоянках Польцо⁷⁸ и Вашутинской⁷⁹ в слоях с волосовской керамикой, а на поселении Дикариха⁸⁰ — с поздняяковской и сетчатой. Каменные сверленные топоры, черешковые и клиновидные кремневые топоры встречены на поселениях с сетчатой керамикой на Плещеево III⁸¹, Александровой горе⁸² и у Талицкого болота⁸³.

В Ростовском районе: на Уницкой стоянке с волосовской керамикой найдена фатьяновидная керамика и обломок каменного сверленного топора-молотка⁸⁴. Каменные сверленные топоры-молотки обнаружены в значительном количестве на берегах озера Неро на территориях неолитических

⁷¹ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 59; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Труды ГИМ, вып. 24, 1955.

⁷² Т. С. Пассек. К вопросу о Среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1957; И. И. Артеменко. Племена Среднеднепровской культуры. Автореферат канд. дисс. М., 1963.

⁷³ Н. Н. Гурина. Указ. соч.

⁷⁴ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1962 г. Архив ИА.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз.

⁷⁷ Н. Н. Гурина. Указ. соч., стр. 203—204.

⁷⁸ А. Л. Никитин. Отчеты о раскопках стоянки Польцо в 1958 и 1961 гг. Архив ИА.

⁷⁹ И. К. Цветкова. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского. Труды ГИМ, вып. 37, 1960, стр. 51; коллекция из раскопок И. К. Цветковой (ГИМ).

⁸⁰ А. Л. Никитин. Отчеты о раскопках стоянки и могильника Дикариха за 1959—1960 гг. Архив ИА.

⁸¹ А. Л. Никитин. Отчет о разведочных работах в 1958 г. Архив ИА.

⁸² Коллекция Переславского краеведческого музея.

⁸³ А. Л. Никитин. Отчет о разведочных работах в 1958 г.

⁸⁴ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1961 г. Архив ИА.

стоянок, а на Рождественском острове встречено много фатьяновской керамики в слое с поздней неолитической (поздняковского типа)⁸⁵. На Сарском городище вместе с керамикой конца бронзового века найдены каменные сверленные топоры-молотки и клиновидные топоры⁸⁶.

В Угличском районе на стоянках Золоторучье I и II найдена фатьяновская керамика, обломок каменного сверленного топора-молотка и кремневые орудия, располагавшиеся внизу погребенной почвы выше неолитического слоя с керамикой льяловского типа. Вместе с ними обнаружена керамика конца эпохи бронзы⁸⁷. На стоянках Золоторучье II и III вместе с поздней неолитической керамикой найдены фатьяновские «выпрямители стрел»⁸⁸.

В Некрасовском районе на дюнах у д. Вороксы вместе с кремнями и ранней «текстильной» керамикой найдена типичная фатьяновская⁸⁹ и здесь же рядом фатьяновский могильник.

В Ивановской области на стоянке Сахтыш I⁹⁰ обнаружено скорченное погребение и в слое с волосовской керамикой — обломки фатьяновской и фатьяноидной керамики. На стоянке Сахтыш III обнаружены каменные сверленные топоры-молотки, а в двух километрах — фатьяновский могильник.

На стоянках Костромской низины (Борань, Станок, озеро Святое и др.)⁹¹ найдена фатьяновская и фатьяноидная керамика, каменные сверленные топоры-молотки и другие вещи в верхних слоях с неолитической (волосовской и сетчатой) керамикой⁹². Фатьяновская керамика обнаружена и на Галичской стоянке совместно с керамикой типа сейминско-турбинской⁹³.

Во Владимирской области на многих стоянках волосовского типа (Панфиловской, Волосовской, Мало-Окуловской и др.) найдена фатьяновская керамика и каменные сверленные топоры-молотки фатьяновского типа.

На окских стоянках вместе с неолитической и керамикой поздняковского типа найдены обломки фатьяновской керамики и сверленных топоров-молотков (Коренец, Ибердус, Черная Гора, озеро Великое, Нарма, Козарь, Куземки, Фефелово, Борок, у д. Сумбуловой, Лужки под Серпуховом и других местах). На Оке можно назвать еще не менее десяти мест с находками фатьяновских вещей на стоянках волосовского и поздняковского типа.

Такая же картина наблюдается и на территории расселения восточных фатьяновских племен (балановских). Почти все их основные стоянки включают сверху городищенскую керамику (П. Д. Степанов, А. Х. Халиков, М. В. Трубникова и др.). Следует подчеркнуть, что фатьяновских поселений здесь открыто очень много и все они относятся к так называемым ош-пандинскому и хула-сучскому периодам и датируются авторами от XIV до X вв. до н. э. (О. Н. Бадер).

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 17; коллекция Ростовского музея-заповедника.

⁸⁷ Д. А. Крайнов. Отчеты Ярославской и Верхневолжской экспедиции за 1956—1962 гг. Архив ИА.

⁸⁸ Там же. Коллекции Ярославского музея-заповедника и коллекции ГИМ.

⁸⁹ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1961 г. Архив ИА.

⁹⁰ Д. А. Крайнов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1962 г. Архив ИА.

⁹¹ Н. Н. Гурина. Указ. соч.; коллекции Костромского музея-заповедника и ЛОИА (раскопки Н. Н. Гуриной).

⁹² Фатьяновская керамика со стоянок Станок и Борань идентична по орнаментике, тонкостенности и составу теста с керамикой из фатьяновских могильников Ярославской группы.

⁹³ В. А. Городцов. Галичский клад и стоянка. ТСА РАНИОН, вып. III. М., 1928. Коллекция ГИМ и коллекция Ярославского музея-заповедника из Галичской стоянки. В последней есть несколько обломков днищ фатьяновских сосудов с типичной фатьяновской орнаментикой. М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 190.

Кроме того, необходимо отметить находки фатьяновских вещей (каменных сверленных топоров-молотков, черешковых клиновидных топоров, «литейных форм», фатьяновидной керамики, кремневых клиньев и ножей фатьяновского типа и пр.) на многих «дьяковских» городищах (Кропотовское городище, Топорок, Городецкое городище, Устье, Грехов Ручей, Прислон, Попадьянское селище и т. д.). Многие фатьяновские могильники расположены на селищах и городищах с «текстильной» керамикой (Юрьевский, Говядиновский, Верейский, Истринский, Лихачевский, Ворокский и др.).

Итак, перечисленные факты заставляют нас по-иному взглянуть на развитие древнейшей истории Волго-Окского междуречья. Массовое появление фатьяновских вещей на неолитических стоянках в волосовское время неоспоримо свидетельствует о первом появлении фатьяновских племен в Волго-Окском междуречье только в это время. В дальнейшем древнейшая история Волго-Окского междуречья развивалась не без влияния фатьяновской культуры. Последняя не исчезла и не растворилась среди неолитических культур, а оставила глубокие следы. Почти на всех «поздних» неолитических стоянках появляется фатьяноидная керамика⁹⁴ (Борань, Станок, Галичская, Федоровская, Уница, Золоторучье I и III; Сахтыш I, Алеканово, Сейма, Карашская, стоянки Мологи и Шексны, стоянки Оки и т. д.). Появление бомбовидной тонкостенной керамики с выраженным горлом и фатьяноидным орнаментом на стоянках с «текстильной» керамикой (дьяковских, поздндьяковских и др.) безусловно есть результат смешения фатьяновской и местных культур. От фатьяновцев заимствовали и скотоводство, которое начинает свое развитие у фатьяновцев и продолжается непрерывно и дальше. Здесь уместно отметить, что в Прибалтике, в Белоруссии и на Днестре культуры типа фатьяновской сменяются поселениями со штриховой и сетчатой керамикой.

Мы рассмотрели некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. В процессе разбора выяснилось, что эта территория была заселена уже в палеолитическое время и дальше ее история развивалась непрерывно в переплетениях местной мезолитической культуры золоторучьинского типа с пришлыми культурами, в результате чего возникает на огромной территории культура ямочно-гребенчатой керамики с отдельными локальными вариантами. В дальнейшем в Волго-Окском междуречье распространяется волосовская и близкие к ней неолитические культуры II тысячелетия до н. э. Примерно в конце первой четверти II тысячелетия здесь распространяются фатьяновские племена, расселившиеся на огромной территории и принесшие в Волго-Окское междуречье скотоводство и более высокую культуру. Под влиянием ее у волосовских племен появляются домашние животные, сходный обряд захоронения (скорченные погребения)⁹⁵, металл и пр. Кстати, металлические изделия Панфиловской стоянки имеют точно такой же структурный состав, что и фатьяновские⁹⁶.

Под влиянием фатьяновской культуры на территории Волго-Окского междуречья появляются различные гибридные культуры конца бронзового века, которые в конце II тысячелетия и в начале I тысячелетия до н. э. приводят к широкому распространению «текстильной» керамики.

⁹⁴ Вопрос о фатьяноидной керамике хорошо освещен в работе М. Е. Фосс «Древнейшая история Севера Европейской части СССР». Ею приведены рисунки из разных стоянок. П. Н. Третьяков также писал о сходстве бомбовидной посуды с текстильным орнаментом с фатьяновской («К истории племен Верхнего Поволжья», стр. 15).

⁹⁵ О смешении свидетельствует и наличие лопатоидных черепов в собственно фатьяновском могильнике (Т. А. Трофимова).

⁹⁶ Е. Н. Черныш. Спектральный анализ и проблемы происхождения металлов. Тезисы докладов на Всесоюзном совещании по применению в археологии методов естественных и технических наук. М., 1963.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Л. М. ТАРАСОВ

КОНСТРУКЦИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЖИЛИЩА
В ГАГАРИНО¹

Изучение жилищ на верхнепалеолитических поселениях открытого типа по существу впервые было начато на Гагаринской стоянке. Здесь в 1927 г. С. Н. Замятниным исследованы остатки округлого в плане долговременного утепленного жилища². При раскопках на месте жилища вскрыта линза культурных остатков 4,5—5,5 м в поперечнике, мощностью до 0,6 м, по краям которой находились крупные плиты известняка, кости и бивни мамонта. Основание жилища, как установил С. Н. Замятнин, было углублено примерно на 0,5 м, каркас его сооружался, видимо, из деревянных жердей, а затем перекрывался шкурами животных. Внизу перекрытие укреплялось плитами известняка, костями и бивнями мамонта. Эта строительная деталь отчетливо прослеживалась при раскопках: некоторые плиты находились в вертикальном положении, другие в наклонном и лежали они так же, как крупные кости и бивни, по краю линзы культурного слоя.

Можно предполагать, что в центральной части жилища находился постоянный очаг, о чем свидетельствует насыщенность культурного слоя костным углем. А в 1925 г. при выкапывании хозяйственной ямы очаг этот был уничтожен.

На основании полученных в 1927 г. материалов можно более или менее полно представить облик жилища.

В 1961—1962 гг. было продолжено исследование Гагаринской стоянки с целью более широкого ее изучения. Вместе с материалами, характеризующими территорию поселения в целом, получены также и данные относительно конструктивных особенностей жилища.

При вскрытии участка у северного края жилища обнаружены две большие ямы, примыкающие непосредственно к нему (рис. 4). Восточная яма более крупная (1,5 × 1,35 × 0,7 м), в плане она округлая, несколько вытянута в сторону от жилища, стены отвесные за исключением южной, которая несколько отлога. Дно ямы покрывал культурный слой мощностью 15 см, насыщенный различными находками (расщепленный кремь, в том числе орудия, изделия из кости, украшения, минеральная краска, костный уголь). Выше находились два черепа мамонта, один из них, сильно разрушенный, лежал на более пологой части южного края ямы.

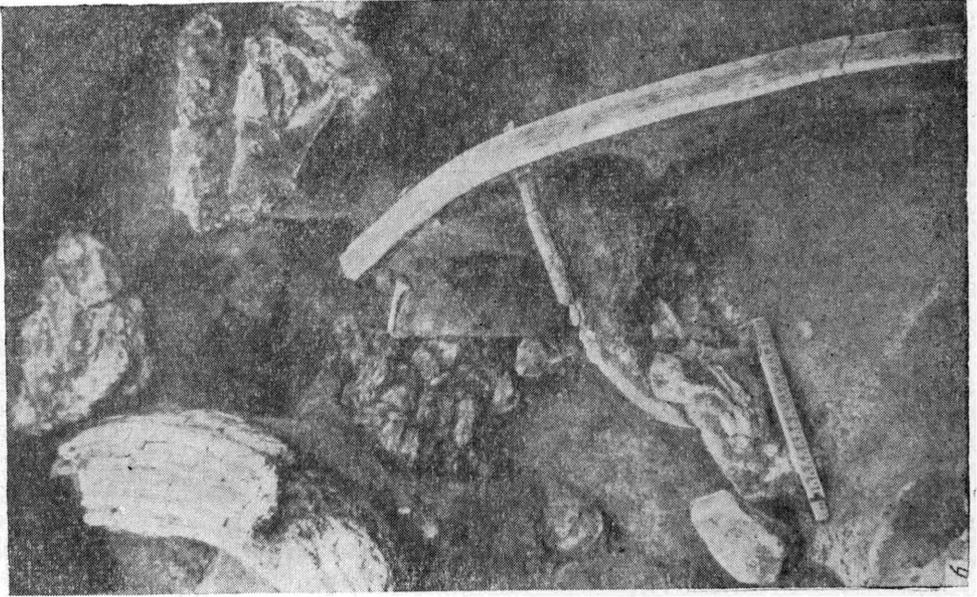
В 1 м к западу вскрыта вторая яма, тоже овальная, вытянутая в направлении от жилища (1,3 × 1,0 × 0,6 м). У северного края ее обнаружены остатки разрушенного очажка в виде углистого скопления, окруженного

¹ Доклад на Секторе палеолита ИА АН СССР 12 февраля 1963 г.

² С. Н. З а м я т н и н. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО). Палеолит СССР. «Известия ГАИМК», вып. 118, 1935, стр. 33—40.

Рис. 4 Гагаринская стоянка. а — ямы у северного края жилища (на переднем плане яма с конструкцией опоры каркаса жилища). б — конструкция опоры каркаса жилища.

небольшими камнями. В северо-восточной части ямы был нишеобразный подбой, в котором находилась женская статуэтка (рис. 5).

Особо интересна южная часть этой ямы, где в своеобразной взаимосвязи расположены крупный бивень мамонта, череп и две известняковые плиты. Здесь, на самом дне, в горизонтальном положении находилась очень крупная массивная известняковая плита (рис. 5—1). Несколько выше над

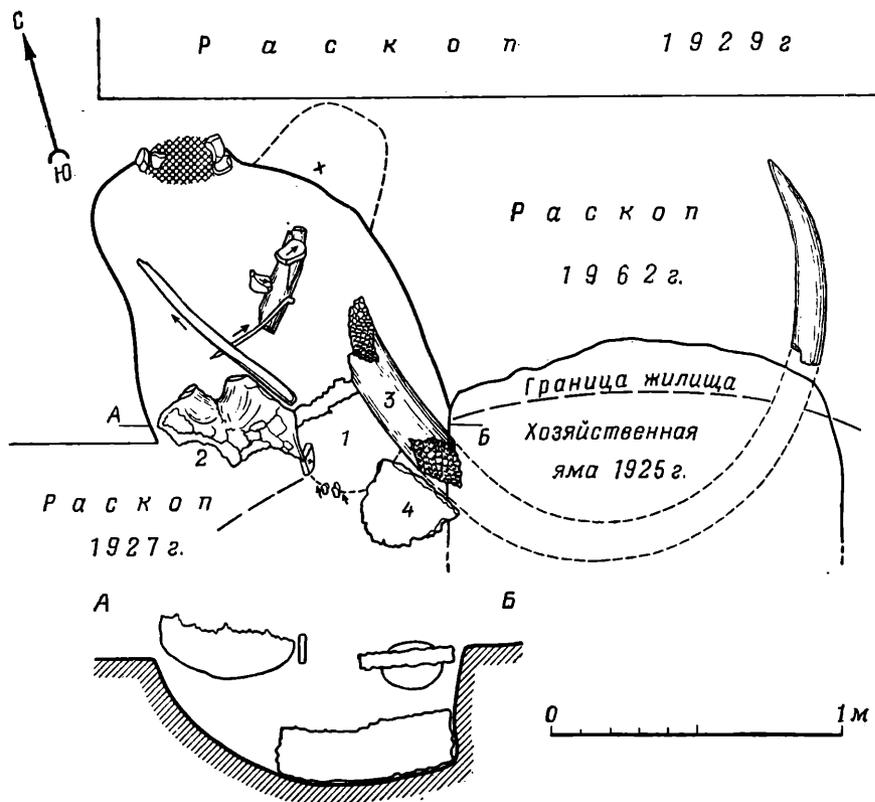

Рис. 5. Гагаринская стоянка. Западная яма. План и разрез конструкции опоры каркаса жилища

х — место находки женской статуэтки; 1 — опорная известняковая плита; 2 — череп мамонта; 3 — бивень мамонта; 4 — известняковая плита

ее западным краем лежал череп мамонта, лобной стороной обращенный вниз, а затылочной частью к северу (рис. 5—2). Большая часть черепа с южной стороны разрушена старым раскопом. У восточного края плиты на уровне черепа — обломок крупного бивня мамонта, ориентированный с севера на юг (рис. 5—3). Толщина бивня в этой части 16,5 см. Над южным краем плиты на том же уровне лежала горизонтально сравнительно небольшая известняковая плита (рис. 5—4). У восточного края черепа на одном с ним уровне в вертикальном положении размещена небольшая плитка красноватого песчаника. На том же уровне между черепом и верхней известняковой плитой находились два небольших обломка известняка тоже в вертикальном положении. Крупные куски щебенки встречались у края черепа и верхней плиты, но особенно много ее было ниже бивня (рис. 4—б). Бивень мамонта был обрублен при сооружении упомянутой выше хозяйственной ямы, граница которой здесь четко прослеживается. Сохранилась и концевая часть бивня; она в 1,5 м восточнее ямы, концом

ориентирована на север и при этом частично перекрывает восточную яму³. Концевая часть бивня обломана тоже по границе хозяйственной ямы, уничтожившей, таким образом, среднюю часть (1,5 м) очень крупного, около 3 м длины бивня. Недостоящая часть его хорошо проектируется в плане (рис. 5 — 3). Раньше бивень, вероятно, находился в вертикальном положении у стены жилища, а при его разрушении свалился.

Взаиморасположение известняковых плит, черепа и бивня мамонта во второй яме несомненно связано с деятельностью человека. Из них образована достаточно четко выраженная и понятная конструкция строительной детали жилища — одна из опор его остова. По всей вероятности, остов округлого в плане жилища образовывали крупные жерди. Каждая из них ставилась на подкладку-опору. В данном случае жердь была поставлена на массивную известняковую плиту, положенную горизонтально в специально выкопанную у края жилища яму. Со всех сторон жердь подпиралась черепом, бивнем и плитой, а затем укреплялась мелкими камнями, часть из которых и обнаружена в вертикальном положении.

Опорная плита расчищена пока лишь частично, с целью сохранения всей конструкции в ненарушенном виде. Размеры плиты довольно крупные, что установлено при помощи шупа. Обнажен лишь северный ее край, другие остались нерасчищенными. В средней части поверхность плиты как бы раздавлена и несколько вмята. Нижняя плита, так же как и верхняя, представляет собой желтоватый известняк с неровной поверхностью.

Безусловно, что каркас гагаринского жилища опирался на несколько подобного рода опор, расположенных по всему его краю. В 1927 г. гагаринское жилище было раскопано на всей площади, и при исследовании памятника в 1962 г. остатки таких опор удалось обнаружить лишь на двух других участках: в 2 м восточнее первой и на противоположной стороне жилища, по его южному краю.

Остатки второй опоры находились в южной части восточной ямы у края жилища. Здесь обнаружен разрушенный череп мамонта, второй череп находился в средней части ямы, куда он сместился, по-видимому, во время разрушения жилища. Вполне вероятно, что и эти черепа были приспособлены в качестве одной из опор каркаса.

Остатки третьей опоры прослежены на участке южного края жилища. Здесь обнаружена небольшая (40 × 20 × 10 см) известняковая плита плохой сохранности, лежащая на плотном суглинке с наклоном к северу, т. е. в сторону жилища, и ориентированная вдоль его края. Это, видимо, лишь часть крупной опорной плиты. Нивелировочная отметка ее та же, что и у плиты в западной яме; тождественны они и по качеству известняка.

Изучение конструкции опор каркаса жилища дает возможность на подлинном материале проследить особенности строительства верхнепалеолитического долговременного жилища, а вместе с учетом данных прошлых исследований этого памятника — воссоздать реальный облик такого жилища на Гагаринской стоянке.

Следует отметить, что мощность культурного слоя, достигающая 0,6 м, свидетельствует о долговременном существовании гагаринского жилища. При сооружении его прежде всего примерно на 0,5 м углублялась округлая площадка. Именно такая разница уровня основания культурного слоя и древней дневной поверхности отмечена при раскопках 1927 г. Затем по краю углубленной площадки с ее внешней стороны выкапывались небольшие ямы, которые служили гнездами основных опор каркаса.

Ямы для опор, видимо, соединялись с углубленной площадкой и были с ней одинаковой глубины. Что касается ям у северного края жилища, вскрытых в 1962 г., то здесь для конструкций опор использовалась лишь

³ Восточная яма на чертеже не показана.

южная их часть, где проходит граница жилища. Сами же эти ямы, несомненно, были определенного хозяйственного назначения. Об этом свидетельствуют и довольно большие их размеры, и хорошо выраженный культурный слой в восточной яме, а в западной — небольшой очажок и женская статуэтка.

Каркас жилища, вероятно, укреплялся тонкими жердями, а сверху покрывался шкурами животных. Внизу перекрытие крепилось поставленными на ребро плитами известняка и крупными костями. Углубление основания обеспечивало надежную прочность нижней части стен и облегчало сооружение перекрытия. Большое внимание, безусловно, уделялось строительству основных опор каркаса, что должно было способствовать долговременному существованию жилища. Положенная в специальное гнездо известняковая плита, а в других случаях, видимо, и череп мамонта, предохраняла дерево нижней части каркаса от быстрого гниения. Кроме того, опоры обеспечивали прочность жилища, так как суглинистые поверхностные отложения, насыщенные дождевыми и тальными водами, вряд ли могли противостоять значительной осадке довольно тяжелого перекрытия жилища.

До настоящего времени на целом ряде стоянок (Мезин, Мальта, Юдиново, Елисеевичи, Костенки II, Аносовка II и др.) изучены остатки жилищ, которые дали много ценных сведений для реконструкции верхнепалеолитического жилища, но такого рода конструкции опор встречены впервые только на Гагаринской стоянке.

Таким образом, материалы, полученные во время старых и наших раскопок, дают возможность достаточно полно воссоздать облик гагаринского верхнепалеолитического жилища и получить реальное представление о наличии в эпоху верхнего палеолита довольно сложной строительной техники.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Доклад Л. М. Тарасова вызвал оживленные прения. Выступавшие указали на важность проведенных исследований на Гагаринской стоянке. Однако были высказаны и критические замечания.

С. А. Семенов отметил факт трудности реконструкции археологических объектов, особенно жилищ. Было создано несколько неверных усложненных реконструкций, например, жилища на палеолитическом поселении Костенки I и Тимоновской палеолитической стоянке, что идет вразрез с данными этнографии. Л. М. Тарасов также делает попытку излишне усложнить устройство исследованного им жилища. Найденные им черепа и плиты являются дополнительным строительным материалом, а не частью жилища.

А. Н. Рогачев указал на необходимость при дальнейших исследованиях увязать находки, сделанные Л. М. Тарасовым, со слоем, исследованным С. Н. Замятниным.

Г. П. Григорьев высказал сомнение в необходимости, заставлявшей палеолитических людей сооружать для опоры столь большие ямы. Плиты, по его мнению, служили не для опоры, а употреблялись для укрепления перекрытия.

Л. М. Тарасов прав, сказал, резюмируя, П. И. Борисковский, вновь ставя вопрос о Гагаринском жилище. При реконструкции необходимо учитывать строительную технику примитивных народов. Большое значение для реконструкции археологических объектов имеют экспериментальные работы, проведению которых надо уделять большое внимание.

Л. П. Хлобыстин

Л. П. ХЛОБЫСТИН

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УЛАН-ХАДА НА БАЙКАЛЕ
(по материалам раскопок Б. Э. Петри)

В 1912 г. Б. Э. Петри открыл в одной из бухт Мухорского залива первое в Прибайкалье многослойное поселение Улан-Хада. Высоко оцененное в силу обилия разновременных находок и их последовательной стратиграфической расчлененности как эталон для определения относительной хронологии и преемственности культур Прибайкалья, поселение было подвергнуто раскопкам в 1913 г. Его исследование, проведенное на прекрасном для своего времени методическом уровне, было ценным вкладом в развитие сибирской археологии¹. Однако периодизации, выработанные на основе материалов Улан-Хады, вызывали сомнения вследствие неполной публикации памятника, неясной стратиграфической аргументации, данной Б. Э. Петри, и, наконец, из-за его эволюционистских воззрений, оказавших сильное влияние на трактовку результатов раскопок². Многолетние исследования Ангарских экспедиций, работавших под руководством А. П. Окладникова, составленная им периодизация культур неолита и бронзы Прибайкалья, а также работы Иркутской экспедиции 1959 г., одним из отрядов которой были вновь предприняты раскопки Улан-Хады³, существенно расширили наши знания по древней истории Байкала и окружающих его областей. Тем не менее благодаря качеству находок раскопки Б. Э. Петри не потеряли своего значения и требуют пересмотра в свете новейших достижений прибайкальской археологии.

Поселение Улан-Хада расположено в удобной бухте у мыса того же названия, образующего оконечность восточного берега Мухорского залива. Ограниченная высокими скальными выходами, долина бухты плавной лукой открывается к северо-западу, навстречу сарме — сильному ветру борового характера, особенно часто дующему в последние дни лета и осенью. Этот ветер уносил с пляжа в глубину долины песок, отлагая его там и последовательно погребая остатки стоянок. Б. Э. Петри предполагал, что процесс навевания происходил равномерно. В действительности же он был прерывистым, что объясняется, видимо, изменением растительности, тектонической подвижностью берегов и колебанием водного уровня Малого моря. Наибольшая толщина отложения песка — по краям долины. Центральную ее часть занимает огромный выдув, на поверхности которого

¹ Б. Э. Петри. Среди кудинских бурят. ИРКИСВА, серия 2, № 2, СПб., 1913; его же. Вторая поездка в Предбайкалье. Там же, № 3, 1914; его же. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопке стоянки Улан-Хада. Сб. МАЭ, т. III, 1916; его же. Программа исследования стоянок под открытым небом. Иркутск, 1923.

² Частичная публикация находок по слоям была сделана только в 1950 г. А. П. Окладниковым («Неолит и бронзовый век Прибайкалья»). МИА, № 18, 1950, стр. 98—103).

³ Начальник экспедиции М. П. Грязнов, начальник отряда М. Н. Комарова. В работах принимал участие автор.

густой россыпью лежат разновременные изделия. Большое количество песка оказалось перенесенным через хребет мыса и отложено на его восточном склоне в виде дюны.

В раскопе АВ, заложенном Б. Э. Петри в северной части долины, где толща напластований достигает наибольшей мощности, судя по фотографиям и описаниям, сделанным автором раскопок, наблюдалась следующая стратиграфия (рис. 6) — 1) современный дерново-почвенный слой с серым подстилающим песком; 2) серия тонких гумусных прослоек; 3) песок. Эти напластования, их общая мощность

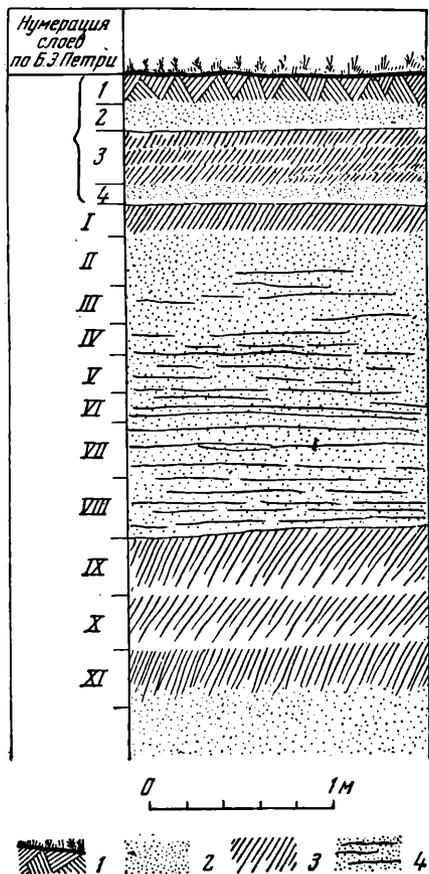

Рис. 6. Стратиграфия поселения Улан-Хада

1 — Дерново-почвенный слой; 2 — песчаные слои; 3 — гумусно-углистые слои; 4 — пески, переслаивающиеся с гумусно-углистыми слоями

0,75—0,95 м, выделены Петри в «0» (нулевой) слой, так как в них, за исключением кострища и одного черепка, видимо, курыканского времени, археологические находки отсутствовали. Ниже залежали: 4) черный сильно гумусированный слой (0,2—0,25 м) — I по стратиграфии Петри; 5) толща желтого и серовато-желтого золотого песка, пронизанная тонкими гумусно-углистыми слоями (их около 15—20) погребенной почвы. Хотя сам исследователь был склонен рассматривать эти наслоения как единое целое, они были разделены им на семь условных слоев (II—VIII) примерно равной мощности. Вся толща измеряется 1,2—1,5 м. 6) Черный, четко ограниченный сверху гумусно-углистый слой (0,2—0,3 м), залегающий с юго-западным уклоном в сторону берега и центра бухты. Выделен Петри как слой IX. 7) Черный гумусно-углистый слой, X слой по стратиграфии Петри (0,2—0,3 м), несколько более песчаный по составу. 8) Черный гумусно-углистый слой, аналогичный предыдущим (0,2—0,3 м); XI по Петри. Основой всех слоев служил дюнный песок. Он же, лишенный каких-либо находок, составлял материк.

На главном раскопе АВ слои I—VIII вскрыты на площади 50 кв. м, а IX—XI слои — на 30 кв. м. Примерно в центральной части бухты был заложен раскоп «а» площадью в 16—17 кв. м. Здесь отмечены лишь три нижних слоя, причем IX слой был уже частично развеян, а все вышележащие развеяны полностью. Насыщенность слоев находками на раскопе «а» почти вдвое большая, чем на главном раскопе, захватившем периферийные части стоянок. В глубине долины, как показал заложенный там раскоп, находки исчезают и слои едва заметны.

По количеству кремневой индустрии (рис. 7), среди которой преобладают мелкие ножевидные пластинки, самый нижний, XI слой превосходит перекрывающие слои. В нем было раскрыто четыре каменных очага. В состав инвентаря входят ножевидные пластинки с ретушью (часть их служила вкладышами составных орудий), проколки, провертка, срединные и угловые резцы, некоторые среди них из-за незначительных размеров

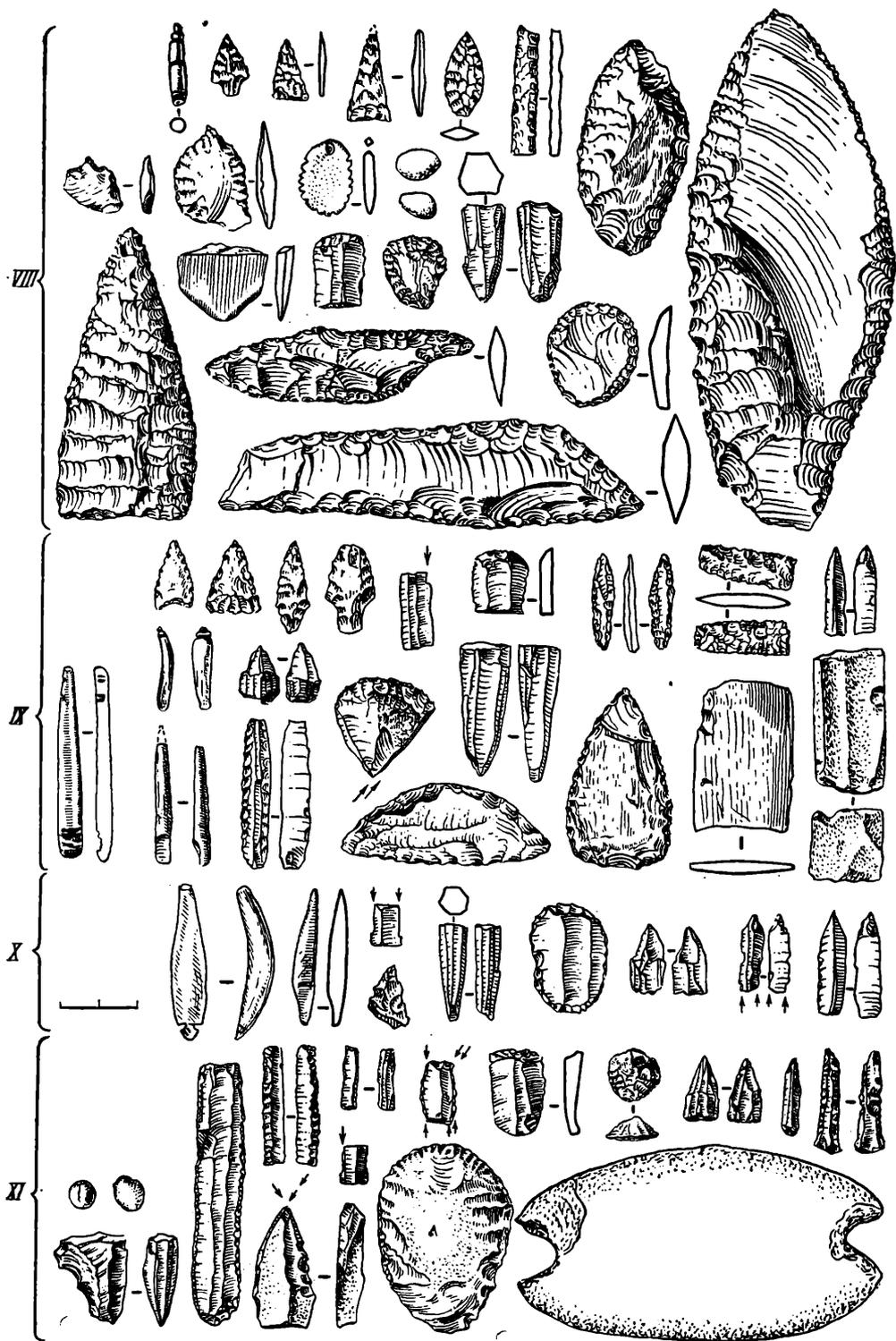

Рис. 7. Каменные изделия поселения Улан-Хада (слой XI—II)

могут быть причислены к микрорезцам, скребки на концах ножевидных пластинок и сделанные из отщепов. Серию из 11 орудий составляют нуклеусы с резцовыми сколами на острие — «дрилы», характерные для конца эпилеолита и раннего неолита Прибайкалья. Трассеологический анализ доказал их употребление в качестве сверл и резцов карусельных устройств. Среди нуклеусов преобладают клиновидные формы. Найдены маленькие железистые конкреции округлой формы — оолиты, возможно использовавшиеся как сырье для красящего вещества или как гадательно-игральные камешки. О хозяйственных занятиях первых жителей Улан-Хады скупое говорят рыболовные принадлежности: грузило, заготовки крючков. Найдена кость нерпы, свидетельствующая об охоте на байкальского тюленя. Среди предметов из нижнего слоя: два куса песчаника, служившие абразивами, куски шифера со следами резания и шлифования. Среди находок из раскопок 1959 г. — небольшое шлифованное сланцевое тесло. Керамические изделия и наконечники стрел в XI слое отсутствуют.

Остатки поселения в нижнем слое Улан-Хады хорошо сопоставляются с материалами нижних слоев стоянки Саган-Нугэ, расположенной в соседней Улан-Хаде бухте, и стоянки Царь-Девица около Иркутска, а также с материалами III слоя Усть-Бельской стоянки на Ангаре и еще некоторых местонахождений. Эти памятники характеризуются комплексом орудий, многие из которых продолжают бытовать и в развитом неолите, наличием шлифованных орудий, отсутствием керамики, постоянными поселениями, связанными с развитием рыболовства, и относятся к периоду, заключающему эпилеолит и непосредственно предшествующему появлению на стоянках керамических изделий, — периоду «бескерамического неолита», сопоставляемому с хиньским этапом. Первые жители Улан-Хады были, вероятно, одними из первых постоянных обитателей байкальских берегов⁴.

Судя по находкам, происходящим из следующего X слоя, после образования XI слоя прошел некоторый промежуток времени, в течение которого берег Улан-Хадинской бухты был необитаем. В X слое уже встречены обломки глиняных сосудов, в подавляющем числе покрытые отпечатками сетки. Сосуды были удлиненных пропорций, со скругленным дном, слабо выпуклыми плечиками, переходящими либо в прямую высокую горловину, без особо выделенного венчика, либо в круто отогнутый наружу венчик. Встречены обломки гладкостенного сосуда, украшенного роликовым штампом. По всему облику эти сосуды следует относить к позднесеровскому времени. Попадались черепки иного облика — части горшков из вышележащего слоя. По основному составу орудий X слой повторяет XI, даже если исключить находки с раскопа «а», где при разборке X слоя на ряде квадратов был частично захвачен нижний, бескерамический слой. В большом количестве встречены части рыболовных крючков (острия и стерженьки) из слюдяного сланца. За исключением одного стерженька с изогнутым, расширяющимся посередине телом и глубокими прямоугольными вырезками на конце, все они относятся к одному типу, заслуживающему наименование «байкальского», ибо за пределами байкальских берегов он встречается крайне редко. Найдены два обломка наконечников стрел подтреугольной формы, обломок песта. В слое много галек, часть которых вместе с большими камнями использовалась в конструкциях очагов, часть, вероятно, служила грузилами-кибасами. В раскопе «а» был расчищен очаг, составленный из наклонно врытых плит, образующих кольцо. Хотя точная принадлежность его X слою не установлена — вершины плит заходят в IX слой, — его связь с этими двумя слоями не вызывает сомнения. Тем самым к слоям привязывается несколько расчищенных Петри подобных

---

⁴ В 1963 г. в Лударской бухте (Сев. Байкал) автором обнаружено местонахождение эпилеолитических орудий и стоянка «бескерамического неолита» более древняя, чем XI слой Улан-Хады.

очагов, вытянувшихся цепочкой вдоль берега Улан-Хадинской бухты. Такие очаги характерны для древних культур Восточной Сибири, где они появляются еще в верхнем палеолите (Кокорево I на Енисее, Макарово на верхней Лене) и продолжают существовать даже в глазковское время (Ленковка и другие стоянки Ангары). В целом X слой датируется позднесеровским временем.

Керамику, найденную в IX слое (рис. 8), можно разделить на четыре группы. Первую составляют сосуды с сетчатыми отпечатками, подобные ранее встреченным. Вторую группу образуют гладкостенные, украшенные гребенчатыми отпечатками. Изготовлены сосуды этих групп способом лепки в сетке и ленточным способом и относятся к позднесеровскому времени. В третью группу входят сосуды с прямыми стенками и налепными треугольными или прямоугольными в сечении валиками, располагавшимися в 1—1,5 см от края. Над валиком, как правило, ряд маленьких сквозных отверстий. Керамика толстостенная (0,5—0,7 см), грубая по виду. Поверхность несет следы выбивания лопаточкой, обмотанной шнуром или орнаментально заглажена. Орнамент состоит из гребенчатых оттисков и линий, сделанных «отступающей» лопаточкой. Нахождение подобной керамики совместно с изделиями китойского времени, отмеченное на стоянке около Посольска и на некоторых ангарских памятниках, позволяет считать ее характерной для китойской культуры. Подобная керамика — редкое явление на маломорских стоянках, а также вообще в северной половине Байкала. Отсутствуют данные и об изготовлении в указанной области рыболовных крючков китойского типа. Это позволяет предполагать, что основным районом распространения китойской культуры были Южный Байкал и Ангара, куда она проникла, вероятно, из юго-восточных областей (верховья Амура?) в конечную фазу серовского этапа и способствовала его перерастанию в глазковскую культуру.

Четвертую группу сосудов IX слоя составляют тонкостенные (толщиной до 1 мм) горшки, изготовленные способом выбивания, оставившим на их поверхности отпечатки тонкого крученого шнура и нарезок. Сосуды эти с округлым дном, прямыми или в верхней части слегка загибающимися внутрь стенками. У некоторых из них выделена горловина. Край венчика прямой или скошен внутрь. Он украшался зацепками, оттисками «отступающей» лопаточки, насечками. Иногда край отогнут наружу и через небольшие интервалы на нем тупоугольные выступы. Орнамент, состоящий из линий и ямок, сделанных «отступающей» лопаточкой, покрывает верхнюю половину сосуда. Последние исследования, проведенные на Ангаре и Фофановском могильнике, подтвердили отнесение сосудов этой группы к глазковскому времени.

Из-за черноты IX слоя Петри с трудом смог выделить в нем только два кострища. Слой богат разнообразными находками. Наряду с ножевидными пластинками-вкладышами, резцами, проколками, крючками «байкальского» типа встречены обломок сланцевого шлифованного орудия, миниатюрное тесло из шлифованного белого нефрита, точильный брусок с глубоким желобком, наконечники дротиков, ножи из плиток, обломок каменной рыбы, грузила и т. д. Наконечники стрел нескольких типов: треугольные с прямыми и вогнутым основанием, листовидные, черешковые. Характер материалов IX слоя говорит о смешении в нем разновременных культурных остатков — позднесеровских, китойских и раннеглазковских.

Образование трех нижних слоев произошло в течение почти трех тысячелетий (примерно с VI—V по начало II тысячелетия до н. э.). Накопление песка в этот период было медленным. Сильную гумусированность слоев следует объяснять как интенсивностью жизни на стоянке, так, вероятно, и степной растительностью.

В раннеглазковское время характер аккумулятивного процесса меняется. На поверхность IX слоя начинает откладываться в большом количестве

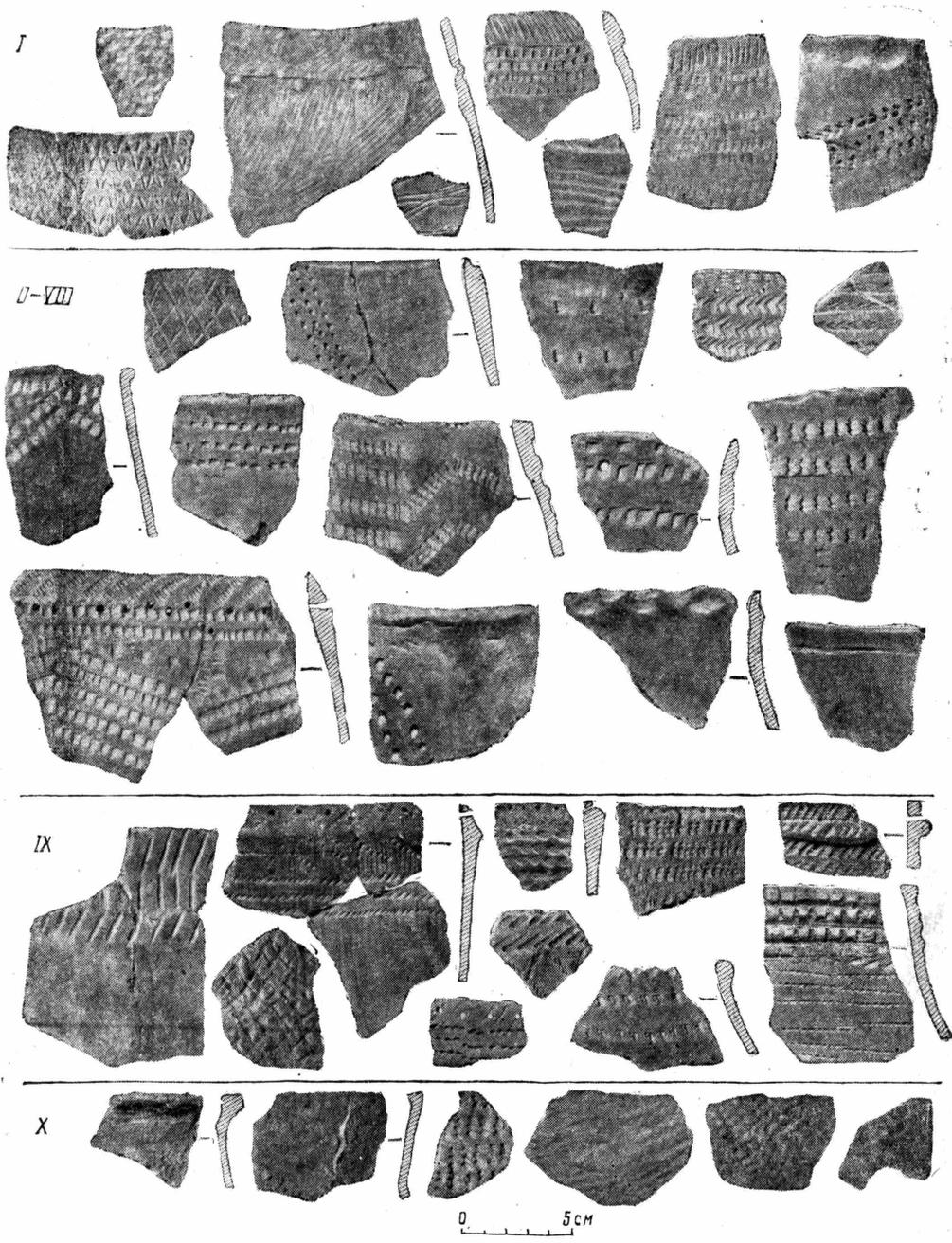

Рис. 8. Керамика поселения Улан-Хада
 (I—X — нумерация слоев по Б. Э. Петри)

золотой песок. Это явление, по-видимому, объясняется резким падением уровня вод в озере, вызванным начавшимся ранее аридным периодом и уничтожением растительности, сдерживавшей наступление песков.

В толще песков, включающих VIII—II слои стратиграфической колонки Б. Э. Петри, идут тонкие гумусно-углистые прослойки, вероятно, древние почвенные горизонты, с которыми связаны остатки сезонных стоянок.

Находки, целиком относящиеся к глазковскому времени, показывают, что

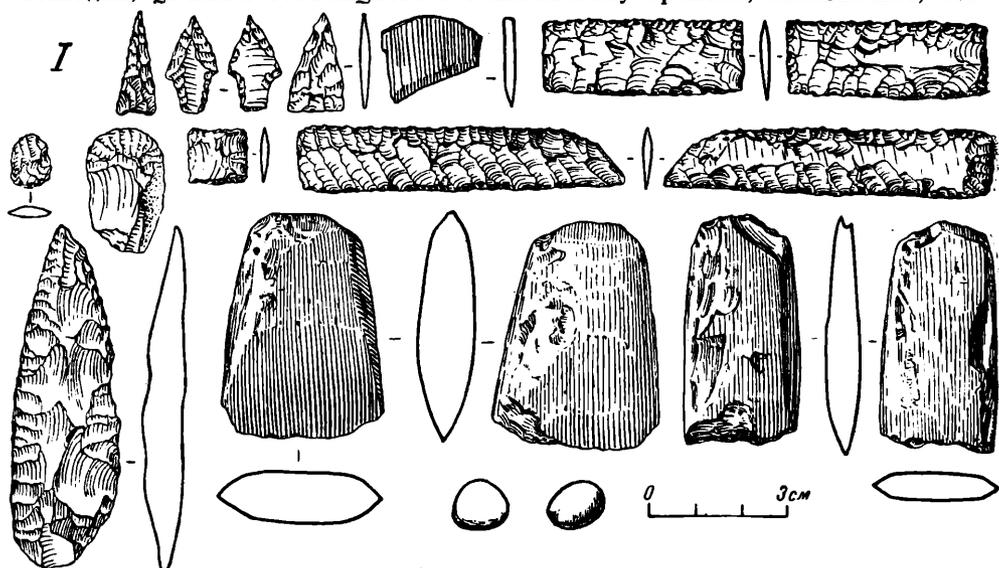

Рис. 9. Каменные изделия поселения Улан-Хада (слой I)

почти полуметровая толща накопилась за сравнительно короткий промежуток времени.

В VIII—II слоях встречены многочисленные кострища, очаги, сложенные из камней, и скопления черепков разбитых сосудов типично глазковского облика; они подобны сосудам IV группы IX слоя. Тонко выбитые из очищенной глины, они покрыты сложными узорами из линий «отступающей» лопаточки, кроме того, нанесены один-два ряда «жемчужин», небольшие ямки у венчика. Венчик слабо утолщен, как правило, скошен внутрь; на скосе его — насечки, сделанные по принципу «отступающей» лопаточки. На одном сосуде прямыми линиями вырезаны изображения змей и косых крестов, позволяющие говорить о женском культе змеи в глазковскую эпоху. В каменном инвентаре продолжают встречаться изделия из ножевидных пластин: острия, вкладыши, резцы, но их процент резко падает. Преобладают двусторонне обработанные орудия: ножи, наконечники копий, проколки, сверла, скребла. Есть маленькие нефритовые ножи, обломки двух каменных рыб, грузила. Мелкозернистые оселки явно служили для заточки металлических орудий. В глазковских слоях продолжают встречаться орудия серовских типов, например ножи подтреугольной формы, что говорит о длительном их переживании. Интересны округлые подвески с зарубками по краям, напоминающие роликовые штампы. Маленькие кварцевые галечки из II слоя аналогичны галечкам, найденным в глазковских погребениях Улярбы I (раскопки Л. П. Зяблина 1959 г.) и других могильников Байкала. Они могут трактоваться как гадательно-игральные камешки.

Такие же галечки оказались и в I слое, куда они попали вместе с другими глазковскими изделиями, вероятно, потому, что раскопками была захвачена часть подстилающей толщи песков. Коллекция из I слоя выделяется двусторонне обработанными вкладышами и крупными шлифованными

орудиями из сланца и нефрита: тесло, долотце, топорик. Наконечники стрел и копий, скребки (рис. 9) повторяют по форме изделия глазковских слоев. Частично повторяются глазковские сосуды, но наряду с ними в слое содержатся обломки грубых толстостенных сосудов с валиками и ногтевым орнаментом. Они могут относиться к бронзовому веку и датировать I слой шиверским (1200—800 гг. до н. э.) и несколько более поздним временем (рис. 8).

Нулевой слой, как уже говорилось, беден находками. С ним следует связывать курьканские изделия, найденные на выдувах. Заселение Улан-Хады курьканами произошло уже после разрушения центральной части стоянки, что подтверждается расположенными на выдуве основаниями трех округлых жилищ, выложенными из камней.

С верхними слоями следует связывать бронзовые изделия, найденные Б. Э. Петри, но не включенные им в коллекцию как предметы, противоречащие его представлениям об исключительно неолитическом характере слоев Улан-Хады.

Таким образом, в слоях Улан-Хады последовательно залегают остатки культуры «бескерамического неолита», позднесеровского времени, китойской культуры, стоянок глазковского и шиверского времени, а также времени курькан. Стратиграфия культурных напластований стоянок в бухте Улан-Хада в основном соответствует периодизации древних культур Прибайкалья, разработанной А. П. Окладниковым по материалам могильных комплексов.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

М. П. Грязнов отметил, что докладчиком дана более полная и точная картина жизни поселения, чем предыдущими исследователями. Однако, учитывая возможность вертикального перемещения находок и неточность выделения слоев, при классификации находок автору следовало бы исходить не от их расположения по слоям Б. Э. Петри, а из типологического анализа и на его основе характеризовать культурные напластования. Раскопки 1959 г. подтверждают наличие слоя без керамики. Присутствие керамики китойского облика говорит о существовании китойского поселения в бухте Улан-Хады. Сооружение очагов розеточного типа следует, возможно, относить к недавнему времени.

А. П. Окладников в своем выступлении подчеркнул важность доклада, дающего новое представление о реальном характере напластований на поселении Улан-Хада с учетом свежих материалов. Впервые произведен анализ материалов Улан-Хады на основе естественной стратиграфии, наблюдавшейся и при последних раскопках. Это позволяет теперь проводить сопоставление старых и новых находок и коррелировать отдельные слои с погребальными комплексами Прибайкалья. «Возникновение поселения Улан-Хада следует относить к серовскому времени», — сказал А. П. Окладников, остановившись на проблеме нижнего слоя памятника. Стоянки докерамической культуры в Улан-Хаде, по его мнению, не было. Мезолитических вещей, принципиально отличных от неолитических, в XI слое не найдено, и его материалы не следует отделять от материалов X, серовского слоя. Для решения вопросов культурной принадлежности интерес представляют наблюдения Л. П. Хлобыстина над сменой техники производства керамики.

П. И. Борисовский отметил большую важность доклада Л. П. Хлобыстина. Детально изученная стратиграфия дает чрезвычайно важный и новый материал для понимания относительной хронологии этого поселения, опорного для Прибайкалья.

Сектор счел необходимым скорейшую публикацию доклада, особенно учитывая дискуссионность некоторых его положений.

Л. Я. Крижевская

¹ На секторе палеолита ИА АН СССР 16 марта 1962 г.

Е. А. ВЕКИЛОВА

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЗУЯ I ПОД СИМФЕРОПОЛЕМ¹

В последнее время усилился интерес к неолиту Крыма. Появились работы, содержащие публикации материалов вновь открытых и изученных стоянок и отдельных пунктов находок, и статьи, где пересматриваются и анализируются некоторые из многочисленных собраний, накопленных исследователями в предвоенные годы и в течение длительного времени относимых к заключительным этапам мезолита. В этой связи особо следует отметить недавно вышедшую работу А. А. Формозова², посвященную неолитическим памятникам Крыма и Кавказа. В этой работе на основе анализа кремневого инвентаря стоянок (Ат-Баш, Юсуповский бассейн, Кая-Арасы, Ай-Петри и др.) автор выделяет ведущие формы кремневых орудий, характерные для неолита Крыма, высказывает соображения относительно хронологического соотношения неолитических памятников и приходит к ряду общих заключений. Несмотря на известные успехи, неолит Крыма продолжает оставаться наименее разработанной областью древнейшей истории полуострова.

Настоящая статья посвящена одному из ранее известных, но не опубликованных местонахождений — стоянке Зуя I. В литературе попадают противоречивые данные о памятнике (или памятниках) под этим названием. Краткая информация о разведочных работах Т. Ф. Гелаха на открытой микролитической стоянке Зуя I под Симферополем помещена в «Отчете о деятельности Академии наук СССР» за 1929 г.³ Об этих же работах писал Н. Л. Эрнст⁴. Имя В. В. Лоренца в связи с ними не упоминается. Открытая стоянка Зуя указана на карте Г. А. Бонч-Осмоловского⁵.

А. А. Формозов⁶ неоднократно ссылается на материалы пещерной стоянки Зуя I, происходящие из раскопок В. В. Лоренца 1927 г. и хранящиеся в Областном Симферопольском музее краеведения⁷. О тарденуазской стоянке в скальном навесе Зуя пишет и Н. А. Береговая⁸.

¹ Доклад на Секторе палеолита ИА АН СССР 13 марта 1963 г.

² А. А. Ф о р м о з о в. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962.

³ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 г., ч. II. Л., 1930, стр. 191—192.

⁴ Н. Л. Э р н с т. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930). «Известия Таврического об-ва истории, археологии и этнографии», т. IV. Симферополь, 1931, стр. 19.

⁵ Г. А. Б о н ч - О с м о л о в с к и й. Итоги изучения Крымского палеолита. Труды II Международной конференции по изучению четвертичного периода, вып. V. М.—Л., 1934, стр. 119, карта.

⁶ А. А. Ф о р м о з о в. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР. Автореферат канд. дисс. М., 1954, стр. 41; его же. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, XXI, 1954; его же. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа, стр. 149.

⁷ Коллекция в Симферопольском музее краеведения, № 5243, 5246, 9156.

⁸ Н. А. Б е р е г о в а я. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 81, 1960, стр. 149.

Мы остановимся на материалах, происходящих из раскопок Т. Ф. Гелаха, в работах которого принимал участие и симферопольский краевед С. И. Забнин. Общие сведения о стоянке исключительно скупы. Известно только, что это открытая стоянка, расположенная у д. Зуя, в 12 км от Симферополя, по одним данным, обнаружена С. И. Забниным⁹, по другим — комсомольцем Вербовским, впоследствии убитым кулаками¹⁰. Точное время и обстоятельства открытия остаются неясными.

В 1929 г. на площади стоянки Т. Ф. Гелах заложил 17 метровых шурфов глубиной до 0,8 м, в которых под мощной толщей чернозема на глубине 0,52—0,53 м обнаружено совместное залегание кремневых изделий микролитического облика с фрагментами тонкостенной неорнаментированной керамики. Для подтверждения совместного залегания микролитов и керамики был взят монолит, переданный вместе с археологической коллекцией на постоянное хранение в отдел археологии Института этнографии АН СССР в Ленинграде¹¹. Кроме шурфовки, на поверхности стоянки проведены сборы подъемного материала. Всего со стоянки собрана коллекция, содержащая 470 кремней и около 50 фрагментов разновременной керамики. Изделия из кости отсутствуют, так же как нет никаких сведений об остатках костей животных. Наиболее выразительную часть коллекции составляют 25 кремневых изделий и обломки керамики архаического облика. Кремень, который употребляли обитатели стоянки, желтоватого, реже серого цвета, изредка покрыт легкой белой патиной. Большинство кремней сохраняют остатки желвачной корки, что свидетельствует о первичной обработке на месте стоянки.

Среди находок представлены:

нуклеусы — 4, пластинки с выемками — 3, пластинки с ретушью — 3, скребки — 4, острия — 3, геометрические микролиты — 8, призматические пластинки — около 200 и их обломки, длина 4—5 см, ширина около 1 см; обломки и осколки кремня — около 250.

Из четырех нуклеусов три относятся к распространенному типу плоских, описанных А. А. Формозовым¹² и выделенных им в качестве формы, характерной для крымского неолита. Нуклеусы Зуи I изготовлены не на плитках, а на относительно массивных желваках.

Первый нуклеус¹³ (рис. 10 — 23) длиной 4,5 см, шириной 4,6 см, подчетырехугольной формы, с двумя скошенными, специально подправленными и неоднократно подживляемыми ударными площадками, разных размеров. Кремень темно-серый, слегка патинизирован. Отделение пластин происходило с одной стороны, но с обоих концов попеременно. Тыльная сторона орудия обработана несколькими сколами.

Второй нуклеус (рис. 10 — 21) длиной 3,5 см, шириной 4,5 см найден на кв. 17¹⁴; одна ударная площадка расположена почти под прямым углом, другая скошенная, обе они с подправкой. Рабочая плоскость носит следы отделения узких пластин. Тыльная сторона оформлена несколькими сколами, как и у предыдущего. На одной из боковых граней остатки желвачной корки. Кремень желтовато-серый, патинизирован.

Третий нуклеус (рис. 10 — 20) длиной 3,8 см, шириной 3,1 см, также найденный на кв. 17, по характеру оформления сходен с предыдущим. У него также одна прямая, а вторая скошенная ударная площадка, неоднократно подживленная. Как и у второго нуклеуса, одна из боковых гра-

⁹ Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 г., стр. 191—192.

¹⁰ Н. Л. Эрнст. Указ. соч., стр. 19.

¹¹ Коал., № 3985. Автор приносит благодарность Т. Ф. Гелаху за предоставление материала для публикации.

¹² А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 97.

¹³ Отсутствие указания места находки свидетельствует о том, что находка происходит из сборов.

¹⁴ Обозначение «квадрат» (так зашифрована коллекция), видимо, соответствует обозначению шурфа.

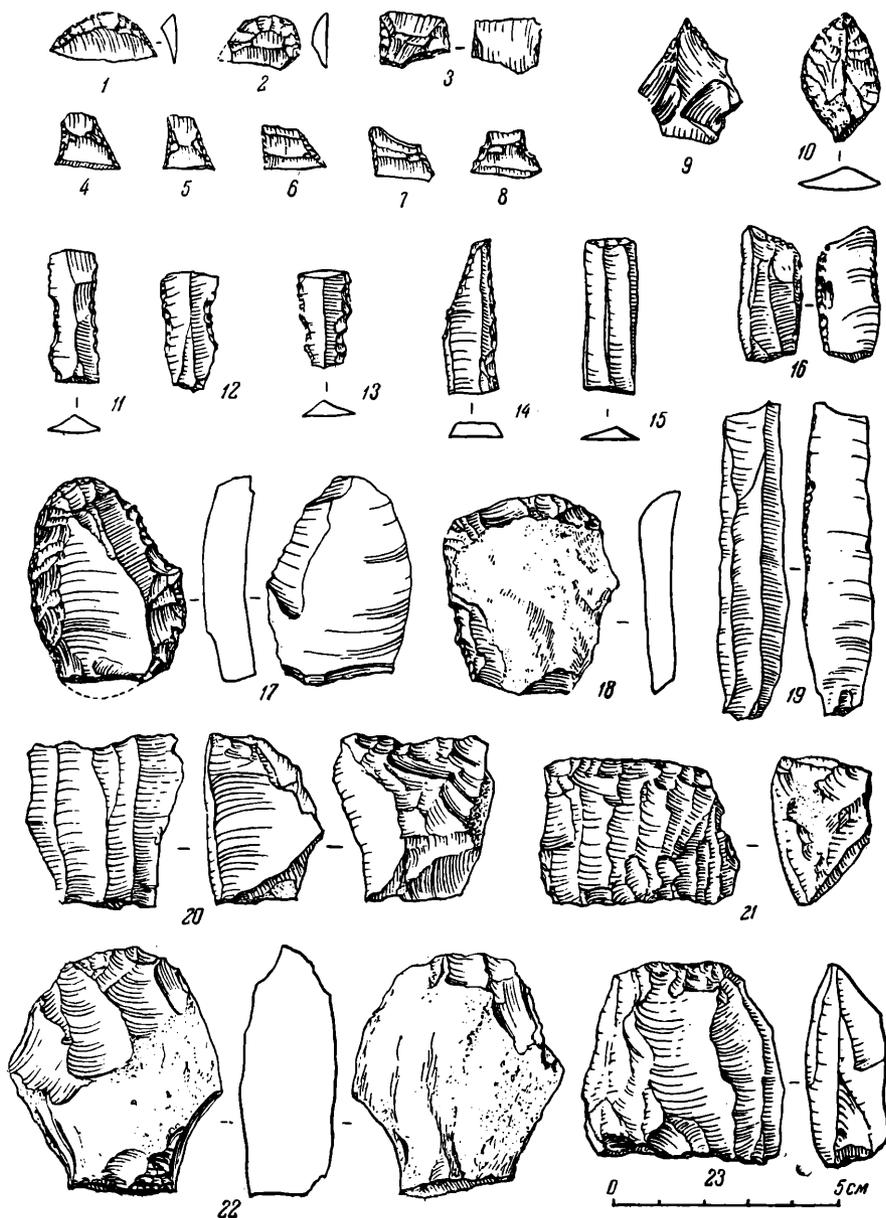

Рис. 10. Стоянка Зуя I. Кремневый инвентарь

1, 2 — сегменты; 3—8 — трапеции; 9, 10, 14 — остря; 11—13 — пластинки с выемками; 15, 16, 19 — пластинки с ретушью; 17, 18 — скребки; 20, 21, 23 — плоские нуклеусы; 22 — заготовка нуклеуса

ней сохраняет остатки желвачной корки. Кремль светло-серый, с белой неравномерной патиной.

К заготовкам нуклеуса нами отнесена неправильно-овальная плитка длиной 3,7 см, шириной 3,5 см, с двух сторон покрытая желвачной коркой. С широкого конца ее несколькими противолежащими сколами снята желвачная корка, следы подправки видны и на противоположном конце (рис. 10 — 22).

Скребки (4 экз.). Первый, длиной 4,5 см, шириной 3,7 см (рис. 10—18), изготовлен на плоском пластинчатом отщепе с обломанным нижним

концом. Рабочее лезвие слегка выпуклое, краевая ретушь оформляет левый край отщепа. Почти вся поверхность спинки сохраняет желвачную корку. Кремень серый, покрыт белой патиной со стороны брюшка.

Второй скребок (рис. 10 — 17) из массивного отщепа овальных очертаний. Высокая крутая ретушь оформляла до поломки, видимо, всю его округлость. В процессе работы орудие сломано в двух местах. Сначала был обломан небольшой участок одного из его концов, затем двойным сложным изломом повреждено продольное лезвие, но и после этого орудие могло употребляться. Кремень светлый, желтоватый, со стороны спинки покрыт густой патиной, с брюшка — более легкой. Длина орудия 4,5 см, ширина 3,3 см. В коллекции есть еще 2 менее выразительных скребка на отщепах и 2-3 отщепа с частичной ретушью.

Острия (3 экз.). Первое (рис. 10 — 10) — миниатюрный отщеп листовидной формы с застроенным верхним концом. Ретушь оформляет почти все орудие, кроме небольшого участка на нижнем конце. Можно допустить употребление данного орудия не только в качестве острия, но и скребка. Кремень светлый, на спинке на небольшом участке сохранились остатки желвачной корки. Длина 2,7 см, ширина 1,7 см.

Второе острие (рис. 10 — 14) изготовлено из сломанной призматической пластинки, удлиненный, скошенный конец которой обработан притупляющей ретушью, самый кончик его обломан. Длина 3,5 см, ширина 1,1 см.

Третье острие (рис. 10 — 9) на небольшом отщепа (длина 2,7 см, ширина 2,2 см) обнаружено на кв. 7. Жальце проколки оформлено противоположной ретушью.

Пластинки с ретушью (6 экз.): Среди них три сломанные, относятся к типу пластин с выемками (рис. 10 — 11—13). Две ножевидные пластинки оформлены краевой ретушью с брюшка. Одна, почти целая, наиболее крупная среди ножевидных пластин стоянки (длина 7 см, ширина 1,6 см) обнаружена на кв. 17, обработана частичной краевой ретушью с левой стороны (рис. 10 — 19). Вторая (рис. 10 — 16) представляет собой обломок средней части, отретушированный с двух сторон и со стороны брюшка. У шестой пластинки, сломанной в древности (длина сохранившейся части 3,4 см, ширина 1,1 см), притупляющей ретушью обработан верхний конец (рис. 10 — 15).

Среди немногочисленного кремневого инвентаря стоянки Зуя I наиболее интересна серия м и к р о л т о в (8 экз.), в том числе два сегмента и шесть трапеций. Кроме одной трапеции, все они обнаружены в шурфах (три — на кв. 15, две — на кв. 14, один сегмент — на кв. 16 и последний — на кв. 2). Большинство их относятся к типам, характерным для неолитических местонахождений Крыма. У обоих сегментов вершина обработана плоской ретушью. Первый сегмент со сломанным кончиком с левой стороны (рис. 10 — 2) — характерный экземпляр этого типа. У второго (рис. 10 — 1) удлиненных очертаний (длина основания 2,3 см, высота 1 см) наблюдаются элементы обработки вершины плоской ретушью. Трапеции относятся к типу высоких. Пять из них асимметричных очертаний, шестая обычного облика. По характеру оформления все, кроме одной (рис. 10 — 6), относятся к экземплярам, у которых налицо элементы подтески, но плоская ретушь еще не заходит далеко на спинку (рис. 10 — 3—5, 7, 8). Боковые грани их оформлены мелкой ретушью. Наиболее выразительный экземпляр трапеции со струганной спинкой изображен на рис. 10 — 3. В процессе употребления у нее сломана часть нижнего основания, и вдоль противоположного ретушированного края заметен узенький скол, напоминающий режцовый, подобно часто наблюдаемому на трапециях из тарденуазских горизонтов крымских пещер — Алимовский навес, Шан-коба и т. д.

Другие типы кремневых орудий на стоянке Зуя I отсутствуют.

Описанный кремневый инвентарь Зуйской стоянки сопровождался находками мелких фрагментов (30 обломков) неорнаментированной керами-

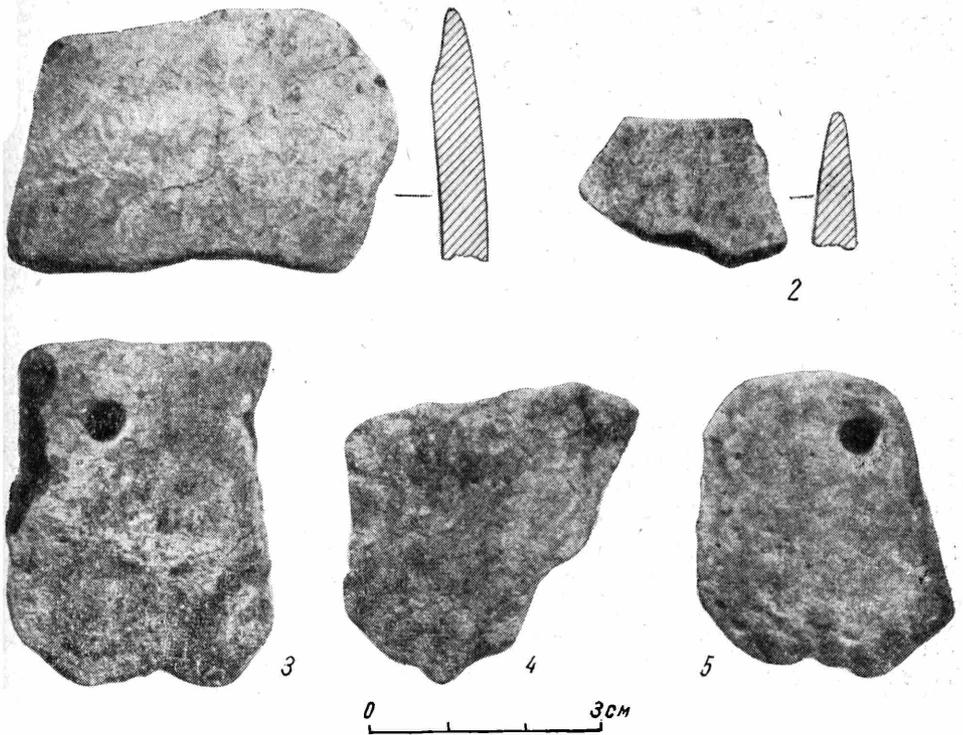

Рис. 11. Стоянка Зуя I. Фрагменты керамики
1, 2 — обломки венчиков; 3—5 — обломки боковых стенок сосудов

ки (рис. 11 — 1—5). Черепки принадлежат тонкостенной посуде небольших размеров, поверхность серая или желто-серая, венчик прямой, слегка выпуклые стенки. По характеру примеси различаются две разновидности керамики: одна с органической, другая с толченной раковинной или известняком. Черепок этой посуды рыхлый, ломкий, слабого, нередко неравномерного обжига, черный, реже красный в изломе. На трех фрагментах — сквозные отверстия, с помощью которых укреплялись треснувшие стенки сосуда. Ближайшей аналогией посуде Зуи I можно считать керамику второй группы стоянки Кая-Арасы, выделенную А. А. Щепинским. Отсутствие в материалах стоянки Зуи I фрагментов днищ не позволяет точно восстановить форму и размеры сосудов. Видимо, она была весьма близкой описанной А. А. Формозовым в Кая-Арасы и принадлежала «сосудам с круглым или слегка уплощенным дном и высоким прямым венчиком, довольно резко переходящим в округлые бока. Диаметр горла сосудов этой группы колеблется от 6,5 до 22 см»¹⁵.

Вышеописанные орудия из кремня и керамика архаичного облика, совместно залегающие и в основной своей части происходящие из шурфов, дополненные сборами на поверхности, составляют, на наш взгляд, одновременный единый археологический комплекс. Неолитический возраст его не может вызывать сомнений. Формы геометрических микролитов, присутствие пластинок с выемками, столь характерных для тарденуазских комплексов, а также отсутствие двусторонне обработанных наконечников стрел как будто бы говорят за раннюю дату в пределах неолита. Материалы стоянки Зуя I дают нам пример памятника с чертами, общими для

¹⁵ А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 112.

всех неолитических местонахождений Крыма, и вместе с тем показывают особенности кремневого инвентаря, присущие данной стоянке.

Первая особенность стоянки Зуя I — полное отсутствие резцов, в большом числе встречающихся в неолите Крыма как на Яйле¹⁶, так и в степном Крыму¹⁷; вторая — отсутствие концевых скребков, представленных в неолите Крыма и новыми разновидностями¹⁸. Наконец, отсутствуют здесь и двусторонне обработанные наконечники стрел. Вряд ли это можно объяснить только небольшими масштабами работ или неполнотой дошедшего до нас материала¹⁹. Нам кажется, будет правильнее предположить существование памятников разного типа, со своими специфическими особенностями. Специфику памятников может составлять различная техника расщепления кремня, представленная разными типами нуклеусов, преобладание того или иного типа геометрических микролитов, присутствие или отсутствие других категорий орудий. Начиная с эпохи неолита, важнейшим материалом для суждения о различиях памятников приобретает керамика, формы и орнамент посуды, те или иные примеси в глиняной массе. Развитие послепалеолитической культуры Крыма нельзя представлять себе как этапы единой эволюционной линии развития, для которого характерно появление и совершенствование вкладышевой техники. На фоне многих стоянок с инвентарем, характеризующимся геометрическими микролитами, появляются такие памятники, как Сюрень II (нижний слой) и Кукрек, каждый из которых отличается специфическими особенностями. Эти факты позволяют предполагать о связях мезолитического населения полуострова с населением соседних, иногда достаточно удаленных территорий. Конкретная история неолитических племен Крыма была, видимо, не менее сложной и многообразной, а связи с племенами смежных территорий более частыми и тесными.

¹⁶ А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 98.

¹⁷ Ю. Г. Колосов. Разведки памятников неолита и бронзы в степном Крыму. КСИА АН УССР, вып. 6, 1956.

¹⁸ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 98.

¹⁹ Последнее обстоятельство, впрочем, всегда надо иметь в виду, когда речь идет о стоянках открытого типа.

Е. Е. КУЗЬМИНА

АНДРОНОВСКИЕ МОГИЛЬНИКИ НА р. БАЙТУ

(О некоторых деталях андроновского погребального обряда)¹

В 1961 г. отрядом Оренбургской экспедиции, изучающим Еленовский микрорайон андроновской культуры на юго-востоке Оренбургской области, открыты два новых могильника. Они расположены на левом берегу Байту, притока Киимбая, относящегося к системе р. Ори. Могильник Байту II находится примерно в 1,5 км от места впадения Байту в Киимбай, на склоне, в 300 м от берега. Могильник распахан, однако по расположению частично смещенных плит можно заключить, что в древности он состоял не менее чем из 20 погребальных сооружений. Это кольца диаметром 4,5—6 м, изредка до 9 м, сооруженные из камней, врытых вертикально на ребро. В одном кольце диаметром 9 м в центре была земляная насыпь. В 800 м к востоку от могильника на высоком холме, господствующем над степной равниной, располагается другой — Байту I. Он состоит из 7 сооружений, более монументальных; это кольца диаметром более 7 м; некоторые составлены из довольно больших глыб, а в центре — земляная насыпь. Диаметр самого крупного кольца 12 м, высота 0,5 м. В 120 м к северу от могильника у подножия холма найдена вытесанная из белого известняка стела высотой 2,5 м, прямоугольная в сечении (0,2 × 0,25 м), расширяющаяся к основанию. Подобные стелы довольно часто встречаются вблизи андроновских могильников.

Для выяснения вопроса о соотношении могильников были произведены рекогносцировочные раскопки трех колец в Байту II (№ 8, 9 и 12) и двух — в Байту I (№ 4 и 7), позволившие установить, что погребальный обряд в обоих могильниках единообразен. Во всех случаях в центре кольца на глубине 0,6 м от поверхности — грунтовая могильная яма прямоугольных очертаний, ориентированная северо-восток — юго-запад. Размеры ям приблизительно 1,5—1,75 × 0,9 м, глубина незначительная — 0,2—0,35 м. Погребения в кольцах 7 и 8 оказались разграбленными. В кольце 12 (диаметром 4,6 м) рядом с центральным, потревоженным захоронением взрослой женщины, открыто детское погребение в отдельной яме. В кольце 9 (диаметр 9 м) в центре расположено парное погребение, а рядом в отдельной яме скорченно на левом боку захоронен ребенок. В кольце 4 (Байту I) диаметром 7 м в центре совершенно парное погребение взрослых, а рядом — парное захоронение детей, тоже в отдельной яме. Во всех случаях погребенные лежат скорченно на боку. В юго-западной части каждой могильной ямы стоят по два сосуда (в центральной могиле кольца

¹ Доклад на заседании Сектора неолита и бронзы ИА АН СССР 1 декабря 1962 г.

4 их три), у камней колец 9 и 12 вкопаны еще сосуды тризны. Погребальный обряд, прослеженный в Байту, в некоторых деталях отличался от распространенного у соседних групп андроновского населения Еленовского микрорайона: здесь, по-видимому, отсутствуют каменные ящики, столь обычные в могильниках Ушкатты и Атакен-сай, не было и перекрытия могильных ям плитами, как в Атакен-сае и на Шандаше; могилы были во всех случаях грунтовые с деревянным перекрытием, поверх которого насыпалась земля.

Подобная конструкция прослежена в могильниках Турсумбай I и II и Купухта, однако в последнем над погребением обычно сооружался большой курган, на могилу клались черепа животных, а сами ямы были значительно большего размера.

Керамика, найденная в погребениях обоих могильников Байту, совершенно сходна (рис. 12). Это горшковидные сосуды, средние и крупные по величине, среди которых выделяются два типа: сосуды с раздутыми боками, слегка намеченным уступом, образованным иногда тремя узкими желобками, и маленьким донцем (I) и более вытянутых пропорций сосуды с подчеркнутым уступом, широким дном и часто с одной широкой каннелюрой (II). Третий тип керамики составляют маленькие, напоминающие баночки горшочки с уступом. Горшки вылеплены из глины, содержащей значительную примесь черных частиц и слюды; в тесте некоторых небольших горшков, кроме того, примесь талька, а у крупных сосудов II типа — примесь дресвы. Наружная поверхность большинства сосудов ярко-красного или черно-коричневого цвета и покрыта высококачественным лощением, остальные сосуды заглажены. По форме выделяются два сосуда (Байту II) — очень приземистый с широко раздутыми боками и подчеркнутым уступом асимметричный горшочек с меандровым узором, найденный в парном погребении в кольце 9, и грубо вылепленная мисочка диаметром 6,5 см, высотой 2,5 см из детского погребения того же кольца.

Из 19 сосудов Байту 8 орнаментированы. В одном случае орнамент нанесен среднезубчатым штампом, в остальных — гладким. По венчику располагаются равнобедренные или прямоугольные треугольники, иногда без отграничивающей полосы, один раз изображен зигзаг и один раз — косые углы; по плечу в верхней части тулова идет орнаментальная полоса, образованная противостоящими треугольниками, зигзагами, меандром или зетобразными фигурами. Сосуды, по форме и орнаментации аналогичные байтинским, найдены в других могильниках Еленовского микрорайона. Горшки I типа — с сильно раздутыми боками — напоминают по профилю керамику самых ранних еленовских могильников — Ушкатты I и Кожумберды; с керамикой этих могильников сосуды Байту сближает также высококачественное лощение, орнамент в виде меандра, треугольных фестонов и зетобразных фигур. Однако здесь совершенно отсутствуют горшки без уступа со сложным и разнообразным орнаментом, отличающие весь комплекс ушкаттинской керамики. Вместе с тем сосуды II типа — вытянутых пропорций с подчеркнутым уступом — более всего сходны с горшками позднееленовских могильников Атакен-сай и Шандаша. Большой процент неорнаментированных горшков, преобладание гладкого штампа также типичны для керамики указанных памятников. Но орнаменты Байту все же гораздо богаче, чем на керамике Атакен-сае. Наиболее близок комплекс сосудов, найденных в могильнике Купухта, где также еще сохраняются некоторые формы и орнаментальные мотивы, характерные для сосудов ранних могильников, но появляются и черты, получившие развитие в керамике поздних памятников. Это позволяет хронологически сближать могильники Купухта и Байту и относить их к среднему этапу развития андроновской культуры в Еленовском микрорайоне.

Вне пределов микрорайона выделенные три типа сосудов Байту находят широкий круг аналогий в алакульской керамике, но орнаментальные мотивы особенно характерны для сосудов Орско-Актюбинской группы. Так,

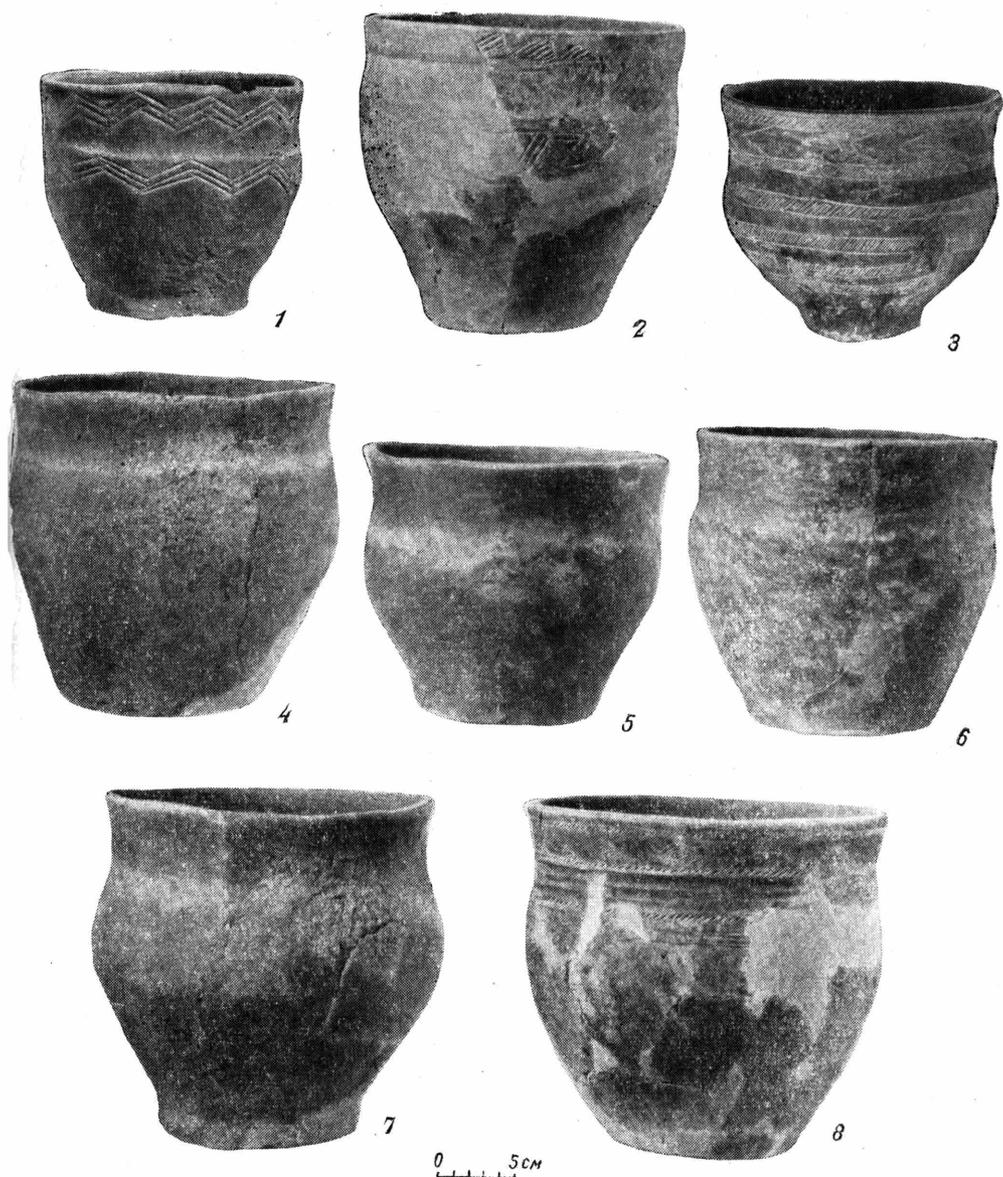

Рис. 12. Сосуды из могильников Байту

1, 4, 5, 7 — могильник Байту II, кольцо 12; 2, 8 — могильник Байту I, кольцо 4, погребение I; 3, 6 — могильник Байту II, кольцо 9

правильный меандр в верхней части тулова встречается на сосудах Урал-
сая², Тасты-Бутака³, неправильный меандр и прямоугольная волна — на

² М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Кавкази», вып. 11. Л., 1927, рис. 20 — 6.

³ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I. МИА, № 120, 1962, сосуды 14, 26.

сосудах Ново-Аккермановки⁴, Бугета II, Тасты-Бутака⁵, Киргильды I⁶, зетобразный узор многократно повторяется на сосудах Киргильды⁷, Тасты-Бутака⁸, Ново-Аккермановки⁹. Сочетание сходного погребального обряда (погребения в каменных кольцах или, реже, курганах с кольцом, ориентированные на запад и юго-запад), типов горшков и единообразной по сюжетам и композиции орнаментации (отсутствие орнамента на шейке сосуда, господство зет- и иксобразного узора, преобладание гладкого штампа) позволяет объединить орско-актюбинские памятники в единую группу и рассматривать их как особый вариант андроновской культуры алакульского этапа.

Тождество деталей погребального обряда, а также форм и теста сосудов обоих могильников Байту свидетельствуют о том, что они не только синхронны, но и принадлежали в древности одной общине. Как же в таком случае объяснить их топографию и некоторые различия в размерах сооружений? Соотношение могильников Байту I и II напоминает топографию могильников Ушкатты I и II. В последнем, как и в Байту I, на высоком холме размещалось несколько монументальных сооружений, господствовавших над расположенными на первой надпойменной террасе многочисленными небольшими кольцами могильника Ушкатты I. Аналогичное соотношение пар могильников наблюдается еще в двух случаях: в некотором отдалении от рядовых могильников Шандаша I и Турсумбай I, состоящих из большого числа мелких колец, компактной группой размещаются немногочисленные, но более крупные по величине кольца и курганы могильников Шандаша II и Турсумбай II. Подобная картина прослежена В. С. Сорокиным в Тасты-Бутке¹⁰. Каково же соотношение этих пар могильников? По-видимому, предполагать, что каждый из них принадлежал особой фратрии, нельзя, поскольку как в Байту, так и в других парах один могильник всегда значительно меньше другого по количеству сооружений и в то же время каждое сооружение крупнее, чем в соседнем рядовом могильнике¹¹. Не наводит ли это на мысль, что в расположенных на холме малых могильниках типа Байту I были погребены наиболее почитаемые представители рода?

В могильниках Байту найдено довольно много украшений (рис. 13). Особенно интересными оказались два женских захоронения. В кольце 9 за черепом и у шеи женщины найдены 2 бронзовые обоймочки, у уха — 2 бронзовые пронизки; в области груди одна на другую наложены две круглые бляхи диаметром 4 см с умбообразным выступом в центре и пунсонным орнаментом. На правую руку был одет браслет, на левой — два браслета, на пальцах левой руки — следы меди от колец. Выше таза на уровне талии — украшения пояса; обоймочки и овальные привески с прямоугольным отверстием. На ногах у шиколотки — низки бус, на левой ноге от колена вниз располагались несколько пластин и пронизок. Не менее богат был набор украшений в погребении 1 кольца 4. (Байту I). Судя по интенсивной окрашенности окислами меди костей женского скелета, можно заключить, что на женщине были надеты шейная гривна, браслеты. К поясу привешены просверленные клыки собаки и лисы. Около черепа лежала раковина *Pectunculus*. В парном погребении 2 в том же кольце на скелете девочки найдены 2 бронзовых браслета. Наконец, и в жен-

⁴ Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА, № 1, 1941, табл. 1, 1, 5.

⁵ В. С. Сорокин. Указ. соч., сосуд 69.

⁶ М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 20 — 8.

⁷ Там же, рис. 20 — 12, 15—17.

⁸ В. С. Сорокин. Указ. соч., сосуды 113—115, 142.

⁹ Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., табл. 1, 4.

¹⁰ В. С. Сорокин. Указ. соч., рис. 1.

¹¹ Следует обратить внимание на то, что если из 12 сосудов Байту II орнаментированы только 2, то из 7 горшков Байту I лишь один без узора.

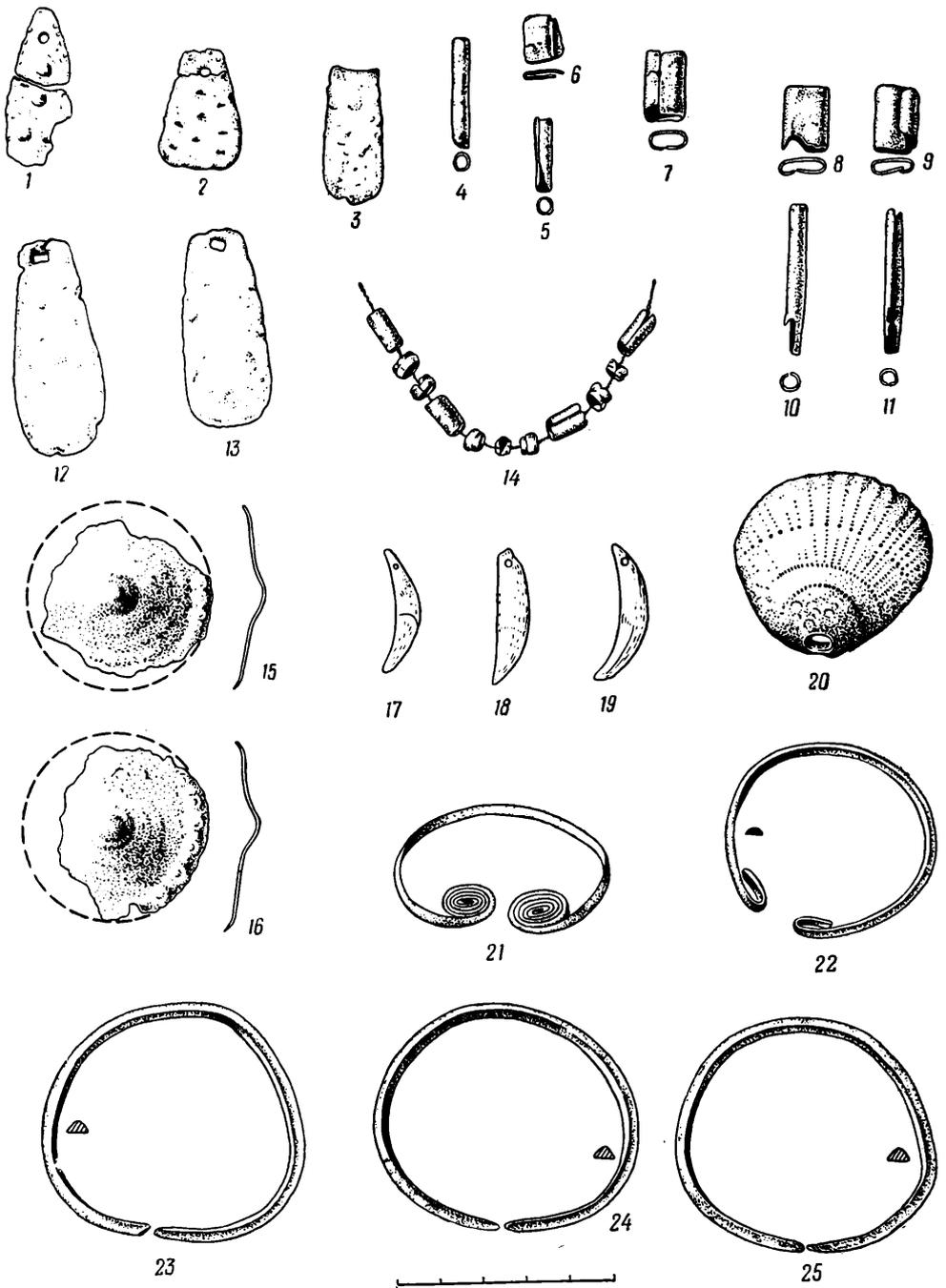

Рис. 13. Украшения из могильников Байту

1—16, 23—25 — могильник Байту II, кольцо 9, женское погребение; 17—20 — могильник Байту I, кольцо 4, женское погребение; 21, 22 — там же, погребение девочки (17—19 — кость, 20 — раковина, остальное — бронза)

ском погребении в кольце 12 (Байту II) найдены остатки украшений — обломки желобчатого браслета, 3 бронзовые пронизки и круглая бляшка с двумя отверстиями. Синхронность обоих могильников позволяет заключить, что все эти типы украшений бытовали одновременно.

Находки просверленных раковин *Rectunculus* в андроновских погребениях довольно часты. Раковины входят в инвентарь женских погребений Турсумбай I и II, Тасты-Бутака¹², Ново-Аккермановки¹³, Урал-сая и Кунакбай-сая¹⁴, Алакуля¹⁵, Петропавловска¹⁶, Былкылдака, Ата-су¹⁷, Малого Койтаса¹⁸. Известны они и в срубных памятниках¹⁹. Не менее обычны находки привесок из клыков хищных животных. Они известны в Тасты-Бутаке²⁰, Алакуле²¹, Петропавловске, Ефимовке²², Ата-су²³, Малом Койтасе²⁴ и др. Бронзовые бусы, пронизки и обоймочки столь типичны для всех андроновских памятников, что на них не стоит останавливаться. С привесками из Байту весьма сходны многие экземпляры из Тасты-Бутака²⁵, Урал-сая²⁶, Алексеевки²⁷, Борового. Круглые бляшки с отверстиями для нашивания известны во многих андроновских комплексах (Боровое, Былкылдак, Исаково, Орак, Ата-су, Малый Койтас, Алексеевка, Тасты-Бутак, Алакуль и др.), но экземпляров, тождественных байтинским, среди этой большой серии найти не удается. Столь же своеобразен и бронзовый браслет из детского погребения в кольце 4, полуовальный в сечении, отличающийся от обычных тем, что концы его отогнуты внутрь. Три браслета из кольца 9 относятся к широко распространенному типу браслетов с несомкнутыми концами, но изготовлены не из выпукловогнутой, а из трехгранной в сечении пластины, как и браслет со спиральными концами из Урал-сая²⁸. Эти трехгранные в сечении браслеты сближаются с некоторыми из Турбинского могильника²⁹. Классический тип андроновских желобчатых браслетов представлен в Байту в кольце 12 и в детском погребении в кольце 4; в последнем концы у браслета свернуты в плоскую спираль, что характерно для западных районов распространения андроновской культуры³⁰. Два описанных женских погребения в Байту напоминают четыре богатых женских захоронения — в Алакуле³¹ (курган 13, погребение 9), Алексеевке³² (погребения 13 и исследованное Б. С. Соколовым) и в Тасты-Бутаке³³ (погребение 1, ограда 44). Набор

¹² В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 60, табл. XXXVIII, 6—7; XXXIX, 18, 19.

¹³ Г. В. Подгаецкий. Указ. соч.

¹⁴ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 178, 186, 189, 207.

¹⁵ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, № 24, 1952, стр. 68.

¹⁶ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии», т. V. Алма-Ата, 1958, стр. 231, 261.

¹⁷ К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Л., 1953, стр. 7.

¹⁸ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 207, 210.

¹⁹ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел. Иловатка и Политотдальское. МИА, № 60, 1959, стр. 315.

²⁰ В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 60, табл. XXXVII, 16; XXXVIII, 8.

²¹ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 69.

²² А. М. Оразбаев. Указ. соч., стр. 261, 263, рис. 30, табл. VII, 3—12.

²³ К. А. Акишев. Указ. соч., стр. 7.

²⁴ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 209, 210.

²⁵ В. С. Сорокин. Указ. соч., табл. XXXVIII, 12; XLI, 12.

²⁶ М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 24—16, 17, 19.

²⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, 1948, рис. 35—1; 39.

²⁸ М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 24—1.

²⁹ О. Н. Бадер. Новые раскопки Турбинского могильника. «Отчеты Камской экспедиции», вып. 1. М., 1959, рис. 13—1.

³⁰ Е. Е. Кузьмина. Купухта — могильник андроновской знати. КСИА, вып. 93, 1963.

³¹ К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 58—59, рис. 6, 8.

³² О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 65—68; е е же. Une trouvaille de l'âge du bronze dans la région du haut Tobol. ESA, t. IV, стр. 19—20, рис. 3—11.

³³ В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 60—64.

и расположение украшений в этих погребениях во многом повторяют картину, прослеженную в Байту, и различаются только отдельными деталями.

Открытие этих погребений, выделяющихся богатством инвентаря, привело исследователей к выводу о намечающейся социальной дифференциации внутри андроновского рода³⁴. Такое решение проблемы кажется весьма вероятным, однако в Байту привлекает внимание тот факт, что исследованные погребения принадлежали женщинам, похороненным совместно с мужчинами. В кольце 9 имело место повторное захоронение: в могильной яме (размерами 1,5 × 0,9 м) на левом боку скорченно лежал мужчина; кости его правой руки отсутствовали, зубы лежали в беспорядке; рядом была захоронена женщина, скорченно, на правом боку, причем ее ноги перекрывали ноги мужского скелета, правая рука была положена под щеку и прижата к плечу, в то время как левая рука лежала на руке и груди мужчины. Положение скелетов в яме не оставляет сомнения в том, что первоначально погребен мужчина, а затем, когда часть его скелета, уже, может быть, распалась, была похоронена богато одетая женщина. Размеры ямы были малы для парного погребения, и женщину буквально втиснули в могилу, придав ей несколько неестественную позу: ее спина и ребра оказались приподнятыми, а голова касалась сосуда³⁵.

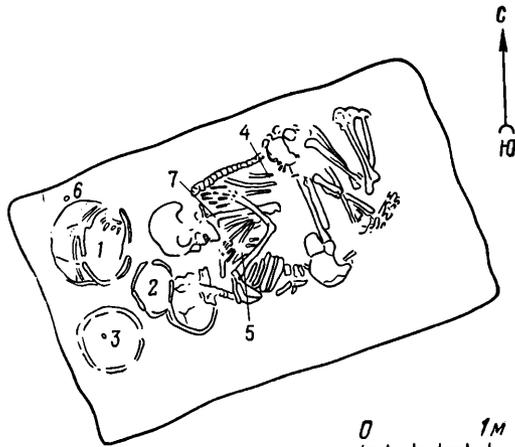

Рис. 14. Могильник Байту I, кольцо 4, парное погребение I

(1-3 — сосуды, 4 — привески из клыков животных; 5 — следы медных браслетов на руках; 6 — раковина; 7 — следы медных украшений на груди и шее)

Иная картина наблюдалась в кольце 4 (рис. 14). В могильной яме размером 1,6 × 1 м совершено парное одновременное захоронение: на левом боку скорченно положен мужчина, скелет женщины на правом боку и перекрывает ноги и левую руку мужчины, в то время как правая рука мужчины обнимает женщину и помещена поверх ее рук и груди. Все кости обоих скелетов находятся *in situ*. Наконец, в том же кольце во второй могиле размерами 1,4 × 0,75 м — парное погребение двух детей-подростков, причем мальчик также положен на левый бок, а девочка — на правый, и ее ноги перекрывают ноги скелета мальчика, а руки положены ему на шею. Утверждать, что оба погребения совершены одновременно, нет достаточных оснований, но это кажется весьма вероятным, поскольку все кости обоих погребенных лежат *in situ*. Как бы то ни было, во всех трех случаях первыми были положены мужчины, а затем или сразу же (в кольце 4), или по прошествии довольно значительного времени (в кольце 9) захоронены женщины, причем ни у одной из них нет следов насильственного умерщвления.

В связи с парными захоронениями Байту встает вопрос: каково социальное положение похороненных женщин и не объясняется ли богатство их погребений какой-то особой ролью, которую они играли в семье и при

³⁴ Предлагалось и другое толкование богатства погребенных — возрастными отличиями (О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 69). Но оно не может быть принято, поскольку в Алакуле погребение принадлежит девочке-подростку, в Тасты-Бутаке — женщине среднего возраста, а в Байту, видимо, молодой женщине (остеологический материал обоих алексеевских погребений неопределен).

³⁵ По размерам ямы и позе это погребение напоминает могилу 4 в Ново-Аккермановке, совершенно правильно интерпретированную В. С. Сорокиным (указ. соч., стр. 105).

особе умершего мужчины? Впервые вопрос о разнополых парных погребениях был рассмотрен М. И. Артамоновым³⁶, пришедшим к заключению, что погребенные женщины — наложницы, а сам обычай отражает процесс становления патриархального строя у восточноевропейских племен. Эта точка зрения была принята С. В. Киселевым³⁷, М. А. Итиной, привлечшей широкий круг этнографических параллелей³⁸ и др. М. П. Грязнов обратил внимание на то, что парные погребения алакульского этапа часто бывают одновременными, что дало ему основания признать их погребениями не мужчины и наложницы, а супружеской пары³⁹. Такая трактовка была поддержана К. А. Акишевым⁴⁰ и С. С. Черниковым⁴¹, причем эти исследователи рассматривали парные разнополые погребения как доказательство господства патриархальных отношений внутри андроновского рода. По-иному подошла к этой проблеме М. А. Итина: изучая материалы могильника Кокча III, она пришла к заключению, что разнополые погребения свидетельствуют об укреплении парной семьи внутри рода, где экзогамия не соблюдается строго и где мужчина и женщина равноправны⁴². Большой статистический материал, полученный при раскопках могильника Тасты-Бутак, позволил В. С. Сорокину еще раз с новыми данными вернуться к проблеме парных погребений⁴³. В. С. Сорокин видит в них погребения супругов, живущих в патриархальной общине, в которой происходит обособление малой семьи; в наличии же одиночных женских захоронений исследователь усматривает намек на возможную полигамию у андроновцев.

Что нового дают для решения этой интереснейшей проблемы материалы могильников Байту? Прежде всего, есть основания полагать, что погребенные в Байту женщины не были наложницами: во-первых, как указывал М. И. Артамонов, наложницы — это собственность, особенно богатых и знатных представителей рода, а рассматриваемые погребения мужчин не отличаются никакими особенностями ритуала, и по размеру колец, и по характеру инвентаря относятся к числу рядовых захоронений; во-вторых, во всяком случае одно из этих погребений (в кольце 9) безусловно не одновременно и, следовательно, речь может идти только о подхоронении жены после ее естественной смерти, а не о насильственном ее умерщвлении и погребении как личной собственности мужчины; наконец, особенно важным кажется тот факт, что в том же кольце рядом вскрыто погребение маленького ребенка, которого есть все основания считать ребенком умершей пары. Следует сказать, что такие парные погребения, сопровождающиеся детским, далеко не единичны: к их числу относится, например, захоронение в могильнике Урал-сай⁴⁴, Купухта⁴⁵, да и в кольце 4 один из детей может быть признан ребенком супругов, погребенных в центральной яме. Все это позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что андроновские парные погребения — это захоронения супругов и свидетельствуют о существовании парного брака у андроновских племен.

³⁶ М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрещенными костяками. ПИДО, № 7—8, 1934.

³⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 10з.

³⁸ М. А. Итина. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов, СЭ, № 3, 1954.

³⁹ М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. КСИЭ, вып. XXVI, 1957.

⁴⁰ К. А. Акишев. Указ. соч., стр. 6—7.

⁴¹ С. С. Черников. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. КСИЭ, вып. XXVI, 1957, стр. 32.

⁴² М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча III. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 5, 1961.

⁴³ В. С. Сорокин. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. СА, № 4, 1959.

⁴⁴ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, стр. 186, рис. 17.

⁴⁵ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч.

Другой вопрос — было ли положение супругов в семье и в обществе равноправным или главенствующая роль принадлежала мужчине? Приведенные В. С. Сорокиным статистические данные, указывающие, что, безусловно, господствующая поза в погребениях — положение на левом боку, и тот факт, что в парных андроновских погребениях женщины обычно положены на правом боку, а мужчины — на левом, по мнению В. С. Сорокина, свидетельствуют о патриархальном строе андроновского общества. Однако в некоторых случаях это правило не соблюдено. Известно несколько одиночных захоронений женщин и мужчин, положенных на правый бок; в парных погребениях также иногда женщины лежат на левом, а мужчины — на правом боку; таковы захоронения 6, 8, 26 в могильнике Турсумбай в Еленовском микрорайоне⁴⁶. На востоке распространения андроновской культуры — в Енисейских степях — в парных погребениях женщины были положены на левом боку за спиной мужчины, лежащего также на левом боку⁴⁷. В могильнике Кокча III — памятнике родственной тазабагъябской культуры — женщины и в одиночных, и в парных погребениях положены на левом, а мужчины на правом боку⁴⁸. Следовательно, в разных районах, а может быть и у разных общин в пределах одного района процесс становления парной семьи проходил неравномерно.

Против тезиса о безусловном господстве патриархальных отношений внутри андроновского рода как будто свидетельствуют весьма многочисленные и в могильниках Еленовского микрорайона и в других андроновских памятниках погребения матери с ребенком, аналогичные погребению в кольце 12 могильника Байту. М. И. Артамонов рассматривал такие погребения как доказательство пережитков матриархата и матрилинейной системы родства⁴⁹. Есть и другая гипотеза — высказанная М. А. Итиной — о насильственном умерщвлении и погребении матери вместе с любимым сыном⁵⁰. Однако, по-видимому, эта гипотеза должна быть отвергнута, потому что погребение матери на левом боку во всех без исключения случаях занимает центр кольца, в то время как детские могилы располагаются на периферии. Приводились этнографические свидетельства того, что младенец умерщвлялся после смерти матери. Материалы Еленовских могильников не позволяют предполагать существования подобного обычая у андроновских племен, поскольку, во-первых, детские погребения, как правило, совершены в отдельной яме и в некоторых случаях есть бесспорные доказательства того, что они не одновременны; во-вторых, часто похоронены в одном кольце с матерью дети уже не младенческого возраста; в-третьих, в нескольких случаях в одном кольце с матерью было похоронено двое или несколько детей разного возраста, каждый в индивидуальной могильной яме (таковы погребения в могильниках Шандаша, Ушкатты, Тасты-Бутак⁵¹ и др.). Эти данные позволяют предполагать, что счет родства в андроновском обществе при наличии парной семьи продолжал вестись по материнской линии. Но тут снова можно возвратиться к анализируемому погребению в кольце 9. Не похоронены ли здесь законная жена и ребенок мужчины вместе с ним в знак того, что они были членами его семьи и ребенок является именно его наследником? Если это так, то тут мы наблюдаем процесс перехода от матрилинейной к патрилинейной системе исчисления родства.

⁴⁶ Следует указать, что эти погребения принадлежат не взрослым, а детям-подросткам, чем, может быть, и следует объяснять особенности ритуала.

⁴⁷ М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 3, Л., 1961, стр. 56.

⁴⁸ М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча III, стр. 56.

⁴⁹ М. И. Артамонов. Указ. соч.

⁵⁰ М. А. Итина. Указ. соч., стр. 55.

⁵¹ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I, ограды 10, 14, 19.

Для доказательства тех или иных реконструкций андроновской семьи исследователи в последнее время привлекли огромный этнографический материал, рисующий семейный строй первобытных народов от меланезийцев до банту. Однако семейно-брачные отношения у каждой этнографической группы очень специфичны, поэтому механическое перенесение обычаев и норм одного общества на другое, иноэтническое, весьма рискованно, даже тогда, когда обе группы находятся примерно на одном уровне социального развития. Более закономерным кажется привлечение материала о семье и браке у генетически родственных народов. Утвердившаяся в последнее время как среди археологов, так и особенно среди лингвистов гипотеза об арийской, точнее иранской принадлежности племен, населявших с середины II тысячелетия до н. э. степную территорию от Приазовья до Казахстана и Средней Азии, позволяет привлечь для реконструкции андроновской семьи новую группу источников; данные о состоянии семьи ариев в момент их прихода с предполагаемой евразийской степной прародины, восстанавливаемые на основании источников конца II — начала I тысячелетия до н. э.: древнейших частей Авесты, Вед и древней санскритской литературы, в частности Законов Ману⁵². Эти источники рисуют общество, разделяющееся на отдельные управляемые выборными, но иногда и наследственными вождями роды, состоящие из большесемейных патриархальных общин. Малая патрилокальная семья внутри общины не играет существенной роли и подчиняется патриарху.

Положение женщины в семье и обществе, особенно у иранцев, высоко; в религиозном и социальном отношении женщина почти равноправна с мужчиной, счет родства ведется по отцу, но прослеживаются пережитки матриархата.

Хозяйственным и культовым центром каждой общины является очаг внутри большого жилища, в котором проживают все ее члены; и у иранцев, и у индусов очень сильна родовая организация, однако об экзогамии в источниках не говорится и все многочисленные брачные ограничения касаются только лиц неарийского происхождения и, позднее, людей низших каст⁵³.

В этих источниках имеются интересные указания на брачный возраст: Заратуштра одобряет браки, заключающиеся в 15-летнем возрасте⁵⁴, в Законах Ману брачный возраст определяется 8—12 годами⁵⁵.

В Атхарваведе рисуется обычай символического ухода жены за своим мужем, а в Законах Ману есть специальные установления, что на том свете муж снова станет супругом своей жены⁵⁶, почему вторичные браки не одобряются и у представителей высших каст получает такое распространение обычай самосожжения вдовы⁵⁷.

Парные захоронения в андроновских могильниках свидетельствуют о появлении подобных воззрений и у андроновцев. Та картина, которую мы можем представить себе, изучая семейный быт западноандоновских племен алакульского этапа, как будто согласуется с данными об арийской семье. Однако, проводя подобные сопоставления, следует помнить, что не

---

⁵² Об общественно-социальном устройстве древних ариев см.: М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 60—65; А. Осипов. Краткий очерк истории Индии. М., 1948, стр. 14—19; Н. Синха, А. Банерджи. История Индии. М., 1954, стр. 39—43; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960, стр. 11—12, также компиляцию: D. Dhallā. Zoroastrian Civilization. N. Y., 1922.

⁵³ Jz. 35, 6; Jt. 9, 26; 17, 46; Jt. 13, 149, 155 и многие другие; Законы Ману. Перевод С. Д. Эльмановича. Труды об-ва русских ориенталистов, № 1, СПб., 1913, III, 56, 119, 235; IV, 180—183.

⁵⁴ Jt. 14, 17.

⁵⁵ Законы Ману, IX, 94.

⁵⁶ Там же, V, 156, 160.

⁵⁷ А. Кудрявский. Древние индийские домашние обряды. СПб., 1911.

только связь андроновцев с ариями Индии и Ирана, но и сама принадлежность их к арийской группе народов все еще является гипотезой. Однако, даже если она не получит подтверждения в дальнейших исследованиях, подобное сопоставление останется вполне правомерным, поскольку авестийские и ведические племена ариев почти синхронны андроновским племенам и основным занятием их, как и у андроновцев, было скотоводство, что дает все основания ожидать известного сходства в социальных отношениях, хотя следует учитывать, что арии, вероятно, достигли более высокого уровня социального развития, что отразилось и на их семейно-брачных отношениях.

А. Х. ХАЛИКОВ

БАЛАНОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ТАТАРИИ¹

Проблема балановской культуры — до сих пор предмет оживленного спора археологов² — настоятельно требует изучения памятников этой культуры и в особенности уточнения границ ее распространения. Западные районы Татарии, так же как и сопредельные районы Чувашской АССР, уже давно привлекали внимание исследователей распространением здесь находок каменных сверленных топоров-молотов фатьяновско-балановского типа³. Близко к границе с Татарской АССР располагается и Балановский могильник⁴, положивший начало изучению этой культуры. Поэтому отсутствие собственно балановских памятников на территории Татарии могло объясняться лишь недостаточно интенсивными их поисками.

В 1957 и 1960 гг. при проведении разведочных археологических работ в западных районах Татарии удалось обнаружить несколько памятников, материалы которых позволяют считать их наиболее ранними во всей балановской серии Поволжья.

Среди них наибольший интерес вызывает Козловский могильник, раскопанный в 1957 г. на дюнном всхолмлении левого берега р. Свяги в 250 м к востоку от с. Козловка Буинского района. Остатки могильника были перекрыты слоями поселений эпохи бронзы и болгарского периода, а также в значительной степени нарушены болгаро-татарским кладбищем XIII—XIV вв. Площадь раскопа превышала 620 кв. м, но удалось обнаружить лишь две расположенные рядом могильные ямы.

Одна из них прямоугольной формы в плане (2,45 × 1,2 м) была вытянута с востока на запад. Ближе ко дну (1,5—0,55 м от древнего уровня) яма немного сократилась (2,2 × 1,1—1,18 м). В засыпи, состоявшей из плотной светло-серой супеси, обнаружены отдельные обломки неолитической керамики (рис. 15—10), осколки кремня и два скребка с угловым лезвием. На дне ближе к северо-восточной части расчищен костяк подростка на левом боку, головой на восток, с вытянутыми руками и согнутыми ногами (рис. 15—1). Сильно раздавленный череп, вероятно, лежал на левом виске. Под черепом и у правого плеча расчищены остатки ожерелья из тонких птичьих трубчатых костей (рис. 15—6). Несколько западнее костей ступни лежали обломок кремневого клиновидного топорика с прямоугольным сечением (рис. 15—4) и глиняный тонкостенный круглодонный сосудик с резным орнаментом в верхней части и по дну (рис. 15—3). У западной стенки найдены два кремневых скола.

¹ Доклад, прочитанный на сессии ИА АН СССР в 1960 г.

² О. Н. Бадер. Балановская культура. СА, № 4, 1961, стр. 41—65.

³ А. Ауряpää. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, VIII, Helsinki, 1933, s. 9; А. М. Ефимова. Сверленные молоты. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 170—176.

⁴ О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. «Советская археология», вып. VI, 1940.

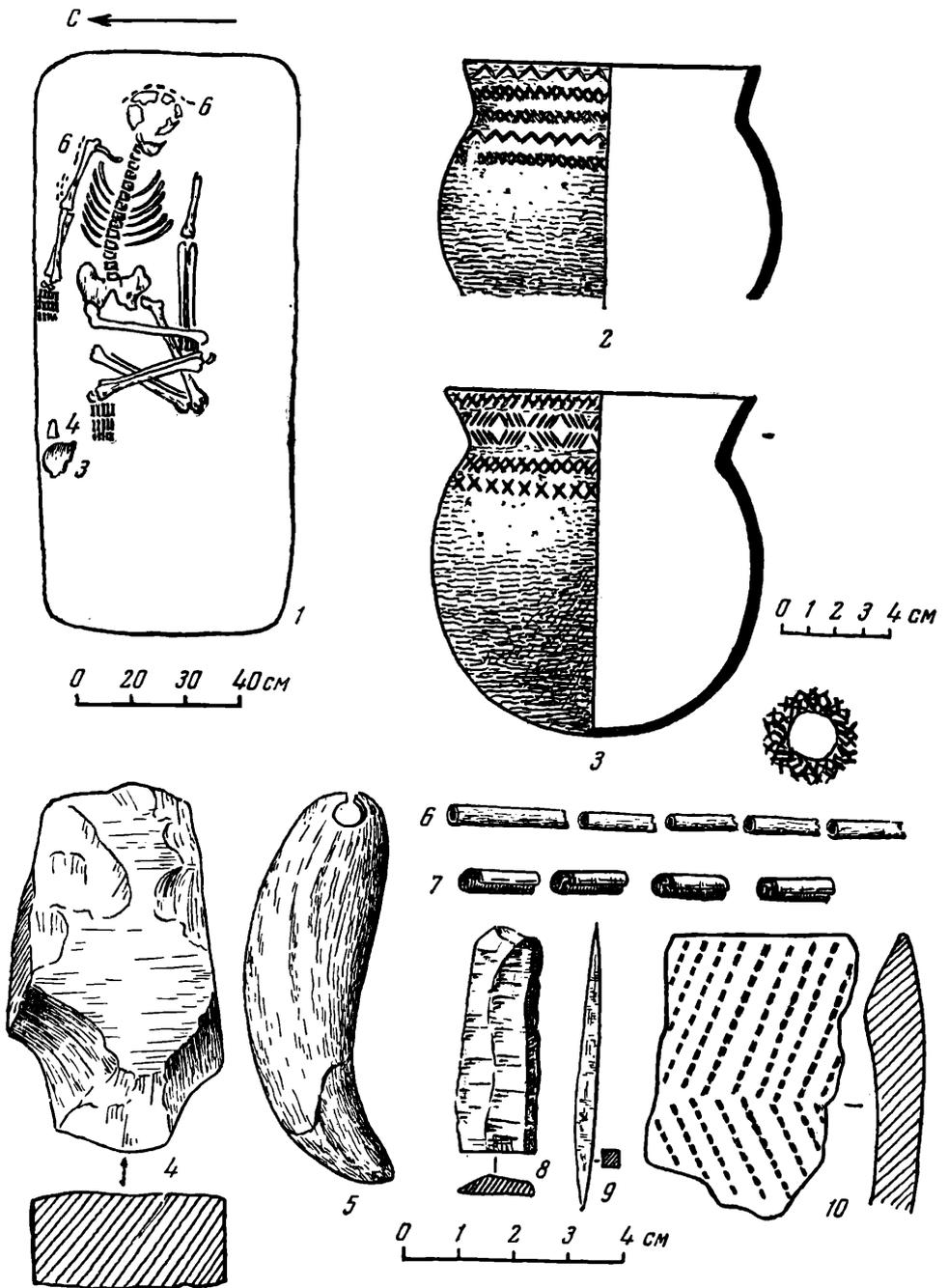

Рис. 15. Козловский могильник. План погребения I и находки из погребений 1 и 2
 1, 3, 4, 6, 10 — погр. I; 2, 5, 7, 8, 9 — погр. II; 2, 3, 10 — глина; 4, 8 — кремний; 5, 6 — кость,
 7, 9 — медь

Цифры на плане соответствуют номерам находок (3, 4, 6)

Во второй яме, четырехугольной формы (2,1—2,4 × 1,15—1,2 м) и вытянутой с востока на запад, на глубине 0,9 м расчищены остатки человеческого костяка, нарушенного грызунами. Судя по расположению отдельных костей, можно полагать, что погребенный лежал головой на восток. В могиле обнаружены: кремневая ножевидная пластина с отретушированными краями (рис. 15—8): на руках — остатки браслета или нарукавной обшивки из медных пронизок (рис. 15—7); подвеска-амулет из медвежьего клыка (рис. 15—5), медное четырехгранное шидо с коротким насадом (рис. 15—9) и обломки небольшого, очевидно, круглодонного сосуда, украшенного в верхней части резным орнаментом (рис. 15—2).

Описанные погребения по обряду захоронения (прямоугольные ямы, восточная ориентация, скорченное положение на боку) и по инвентарю (форма сосудов, клиновидный топорик) близки к погребениям Балановского могильника⁵. В то же время здесь есть и черты различия, объясняемые скорее всего хронологической неодновременностью обоих могильников. В отличие от Балановского могильника, расположенного на высоком плато⁶, Козловский занимает невысокую дюну поймы, т. е. примерно так же, как и наиболее ранние могильники (Протасовский, Вауловский) Московско-Ярославской группы фатьяновской культуры⁷. Козловские сосуды, по сравнению с собственно балановскими, более вытянутых пропорций; прямой или утонщенный край венчика бывает без характерного балановского бортика, что их сближает с сосудами из ранних фатьяновских могильников⁸. Орнаментация на обоих козловских сосудах, выполненная тонкими резными линиями, не делится на четкие зоны, характерные для рисунка на собственно балановских сосудах⁹. Элементы узора — перекрещивающиеся линии, горизонтальный зигзаг, ряды косо поставленных друг к другу наклонных линий — также более сопоставимы с орнаментом ранних фатьяновских сосудов¹⁰. У плоского кремневого клиновидного топорика ярко выражено прямоугольное сечение, тогда как для собственно балановских топориков более характерно линзовидное¹¹. Пронизки из птичьих трубчатых костей неизвестны в Балановском могильнике, но хорошо представлены в ранних фатьяновских (Кузьминский, Сущевский, Ивановогорский, Вауловский и др.)¹². Приведенные отличия едва ли локального характера, так как одновременные Балановскому могильнику такие памятники как Таутовский могильник¹³, поселение Галанкина Гора¹⁴, расположенные на значительно большем расстоянии от Балановского, чем Козловский, содержали керамику и прочие вещи, очень близкие к собственно балановским. Поэтому есть все основания полагать, что Козловский могильник хронологически более ранний памятник, чем Балановский, ибо после Балановского могильника следуют памятники атли-касинского типа, дающие совершенно иную, чем козловские, керамику и другие предметы¹⁵.

⁵ О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 43.

⁶ О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово...

⁷ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. «Труды ГИМ», вып. XII, 1941, стр. 105—106, 119.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 26.

⁹ О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 49.

¹⁰ О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники северного Подмосковья, МИА, № 13, 1950, стр. 80—82.

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 30.

¹² См., например: Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 133.

¹³ Н. В. Трубинова. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 г. «Уч. зап. ЧувНИИ», вып. XVII, 1958, стр. 228—234.

¹⁴ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Труды МАЭ», т. 1, Йошкар-Ола, 1960, стр. 90—91.

¹⁵ А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, № 110, 1963, стр. 264—265.

В последнее время О. Н. Бадер склонен относить возникновение Балановского могильника к XX—XIX вв. до н. э. Козловский могильник, вероятно, хронологически можно поместить, как это, кстати, и делает О. Н. Бадер¹⁶, на рубеже III—II тысячелетий до н. э.

Эта дата подтверждается и близостью керамики (и некоторых других вещей) Козловского могильника керамике ранних фатьяновских могильников (Московская группа), датируемых рядом авторов концом III — началом II тысячелетия до н. э.¹⁷ Медные предметы козловских погребений не противоречат ранней дате. Так, медное четырехгранное шило с коротким основанием имеет ближайšie аналоги в ранних памятниках северокавказской культуры (Крук на р. Ульке), датируемых началом II тысячелетия до н. э. Там же находят себе аналогии и трубчатые пронизи, свернутые из листов меди¹⁸. Немаловажно и то обстоятельство, что в засыпи ям Козловского могильника обнаружены фрагменты неолитической керамики с мелкозубчатой орнаментацией (рис. 15—10), близкие керамике неолитических памятников III тысячелетия до н. э. Прикамья¹⁹.

* * *

Археологической экспедицией ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР в 1960 г. было обследовано три местонахождения памятников раннебалановского или козловского типа.

Одно из них — Больше-Тябердинское местонахождение — располагается на р. Кубне, левом притоке р. Свияги. Здесь на северо-восточной окраине с. Большое Тябердино Буинского района Татарской АССР на развеейной дюне поймы правого берега Кубни обнаружены крупные фрагменты раннебалановского сосуда (рис. 16—1), изготовленного из хорошо отмученной глины; у него шаровидное тулово, от которого отходит слегка расширенное раструбом горло с узким рантоподобным выступом по краю. Поверхность хорошо заглажена и по горлу покрыта орнаментом из густых 6—7 рядов горизонтального зигзага, нанесенного короткими резными насечками. По форме и орнаментации этот сосуд близок к обоим сосудам Козловского могильника (см. рис. 15—2, 3), что заставляет их считать одновременными.

Другой памятник зафиксирован на южной окраине д. Шам-Булахчи Буинского района, расположенного на правом берегу р. Бии, левого притока р. Свияги. Здесь, на усадьбе колхозника К. Насырова неоднократно находили различные предметы — каменные сверленные топоры, кремневый нож, костяные поделки. Одна из этих находок — сверленный и полированный топор из серого диорита, с небольшой лопастью (рис. 16—3) — была приобретена экспедицией в 1960 г. Тогда же был произведен осмотр места находок, занятого огородом. Разведочными траншеями, заложенными вдоль забора, остатков погребений обнаружить не удалось, но в одной из траншей на глубине 0,3 м найден фрагмент венчика сосуда балановского типа, с косой насечкой по краю из коротких резных линий (рис. 16—2). По технике орнаментации и утоньшенному краю этот фрагмент близок сосудам из козловских погребений.

Наконец, третье местонахождение осмотрено около территории «Заготзерно» с. Красновидово Тетюшского района на правом берегу р. Волги,

¹⁶ О. Н. Бадер. Балановская культура, стр. 59 и 61.

¹⁷ О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники северного Подмосковья, стр. 87.

¹⁸ В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, № 1, 1959, стр. 5 и 16.

¹⁹ А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье. МИА, № 61, 1958, стр. 13—15.

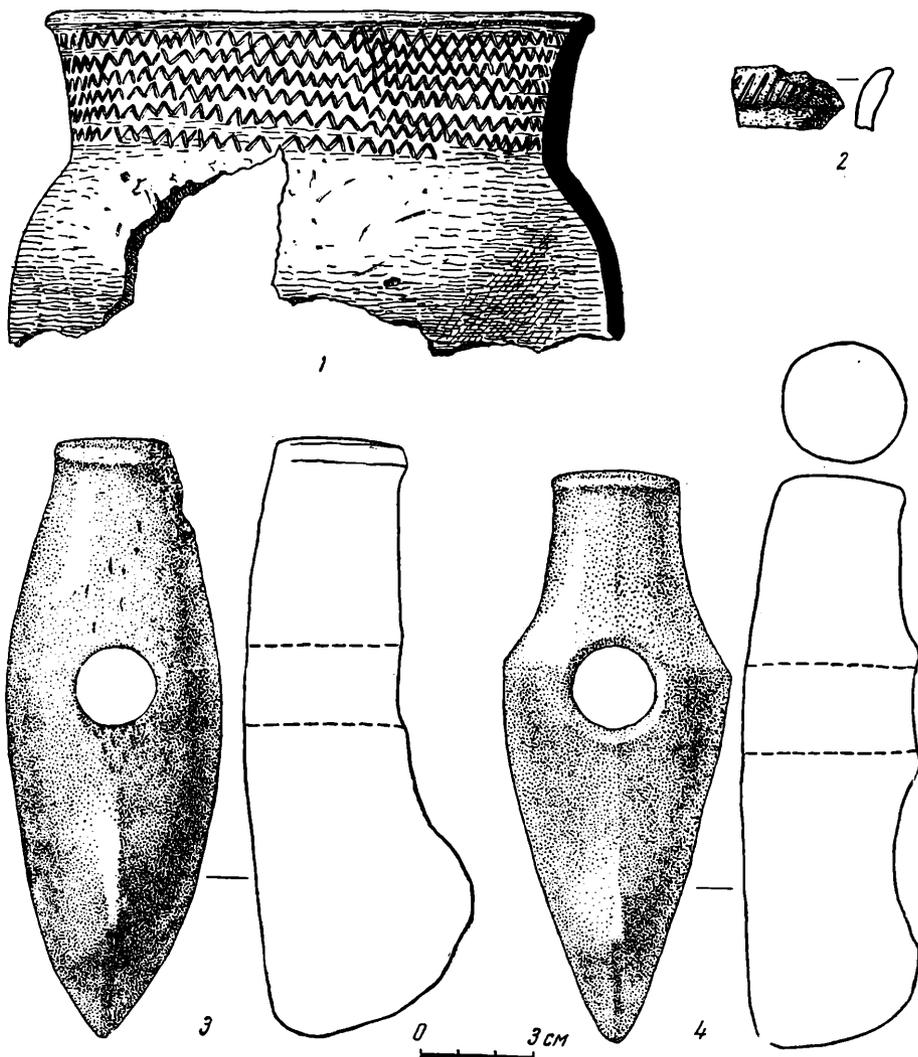

Рис. 16. Предметы из Тябердинского (1), Шам-Булахчинского (2, 3), Красновидовского (4) местонахождений

1, 2 — глина; 3, 4 — камень

где весной 1931 г. рабочим Д. С. Сорокиным при разработке бурового камня найден скелет человека с большим черепом и рядом с ним каменное копьё и сверленный топор²⁰. Скелет был оставлен на месте и вскоре разрушился, копьё утеряно, а топор передан в ГМТР²¹. Топор изготовлен из темно-серого хорошо отполированного диорита. У него расширенная лопасть в лезвийной части (рис. 16 — 4), по форме он близок топору из Шам-Булахчи. Однако в отличие от последнего красновидовский более изящных очертаний и с намеченным выступом втулки вокруг отверстия со стороны брюшка. При обследовании места находки в 1960 г. удалось обнаружить остатки глубокой ямы (1,4 м), от которой сохранился лишь угол. В яме ближе ко дну найдено несколько мелких тонкостен-

²⁰ Рукописный фонд ГМТР.

²¹ ГМТР, колл. номер 13098.

ных фрагментов керамики также раннебалановского типа со следами орнамента из коротких резных линий.

Таким образом, в западных районах Татарии, преимущественно в бассейне р. Свияги, выделяется несколько раннебалановских памятников, хоть и с небольшим, но в достаточной степени выразительным материалом: глиняные сосуды несколько вытянутых пропорций, с орнаментом из коротких нарезных линий, каменные орудия, в числе которых клиновидный топорик прямоугольный в сечении и сверленные топоры со средней лопастью и намеченным выступом-втулкой по краю проушного отверстия со стороны брюшка (рис. 16 — 3, 4).

Для нас особенно интересны каменные орудия, так как из пределов Среднего Поволжья известно большое количество орудий подобного типа, сосредоточенных в коллекциях музеев Хельсинки²², Казани²³, Чебоксар²⁴ и Москвы²⁵, а также в некоторых районных музеях, например в Козмодемьянске. На территории Среднего Поволжья известно более сотни находок клиновидных топориков, но среди них лишь около 30 экземпляров по форме сечения (прямоугольное) близки козловскому. Почти все они собраны в коллекции В. И. Заусайлова²⁶, за исключением одного топорика из бывшей Вятской губ.²⁷, и локализуются в бассейне р. Свияги. В основном это довольно крупные экземпляры с хорошо отшлифованной поверхностью (рис. 17 — 1, 3, 5, 6), хотя встречаются и небольшие топорики (рис. 17 — 4). В большинстве случаев они, так же как и козловский топорик, изготовлены из прочного темно-коричневого и бурого кремня. Как известно, клиновидные топорики с прямоугольным сечением в балановско-фатьяновских памятниках встречаются в основном лишь в ранних могильниках Московской группы, датируемых О. А. Кривцовой-Граковой концом III и началом II тысячелетия до н. э.²⁸ По типологической классификации О. Монтелиуса, клиновидные топорики с прямоугольным сечением ранние и в культурах раннего металла Западной Европы²⁹. Такой же облик имеют топорики в ранних (стретовских) памятниках среднеднепровской культуры³⁰ и Днепро-Деснинской группы³¹, датируемых также в основном концом III тысячелетия до н. э. Таким образом, эти топоры хронологически совпадают со временем Козловского могильника и ареал их распространения может очертить наиболее раннюю территорию балановских памятников в Среднем Поволжье (рис. 18). Правильность выделенной территории подтверждается и другой группой находок: лопастными сверленными топорами, типа найденных в Шам-Булахчи и Красновидово (рис. 16 — 3, 4).

С правобережья Волги и Волго-Вятского междуречья Среднего Поволжья происходят находки около 400 каменных топоров и их обломков,

²² Национальный музей Финляндии. Колл. номер 5384, собрание В. И. Заусайлова. См. А. Аугрæйя. Указ. соч.

²³ ГМТР, археологический кабинет Казанского ун-та; археологический кабинет ИЯЛИ КФАН СССР. См. А. М. Ефимова. Указ. соч., стр. 170—176.

²⁴ Краеведческий музей Чувашской АССР.

²⁵ ГИМ.

²⁶ Из сел Фролово (С. З.—2010) и Убей (С. З.—2669) Буинского р-на ТАССР; из сел Харино (С. З.—942), Коргуза (С. З.—1447, 2673, 2678), Майданы (С. З.—1669—1671), Маматкозино (С. З.—1315—2003), Печищи (С. З.—725) Зеленодольского р-на ТАССР; из сел Бакырчи (С. З.—1438), В. Балтай (С. З.—2668, 2684), Девликеево (С. З.—2675), Имеллибаш (С. З.—1000—1012, 1015), Кайбицы (С. З.—2674), Корноухово (С. З.—1109), Эбалаково (С. З.—1302) Буинского р-на ТАССР.

²⁷ Из Макарята быв. Уршумского уезда (С. З.—279).

²⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 30, 33.

²⁹ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 247—248.

³⁰ И. И. Артеменко. Памятники племен бронзового века Среднего и Верхнего Поднепровья (среднеднепровская культура). Доклад на секции неолита и бронзы Плечума ИА АН СССР в 1961.

³¹ В. В. Кропоткин. Бельенецкие курганы и стоянки. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 55—57.

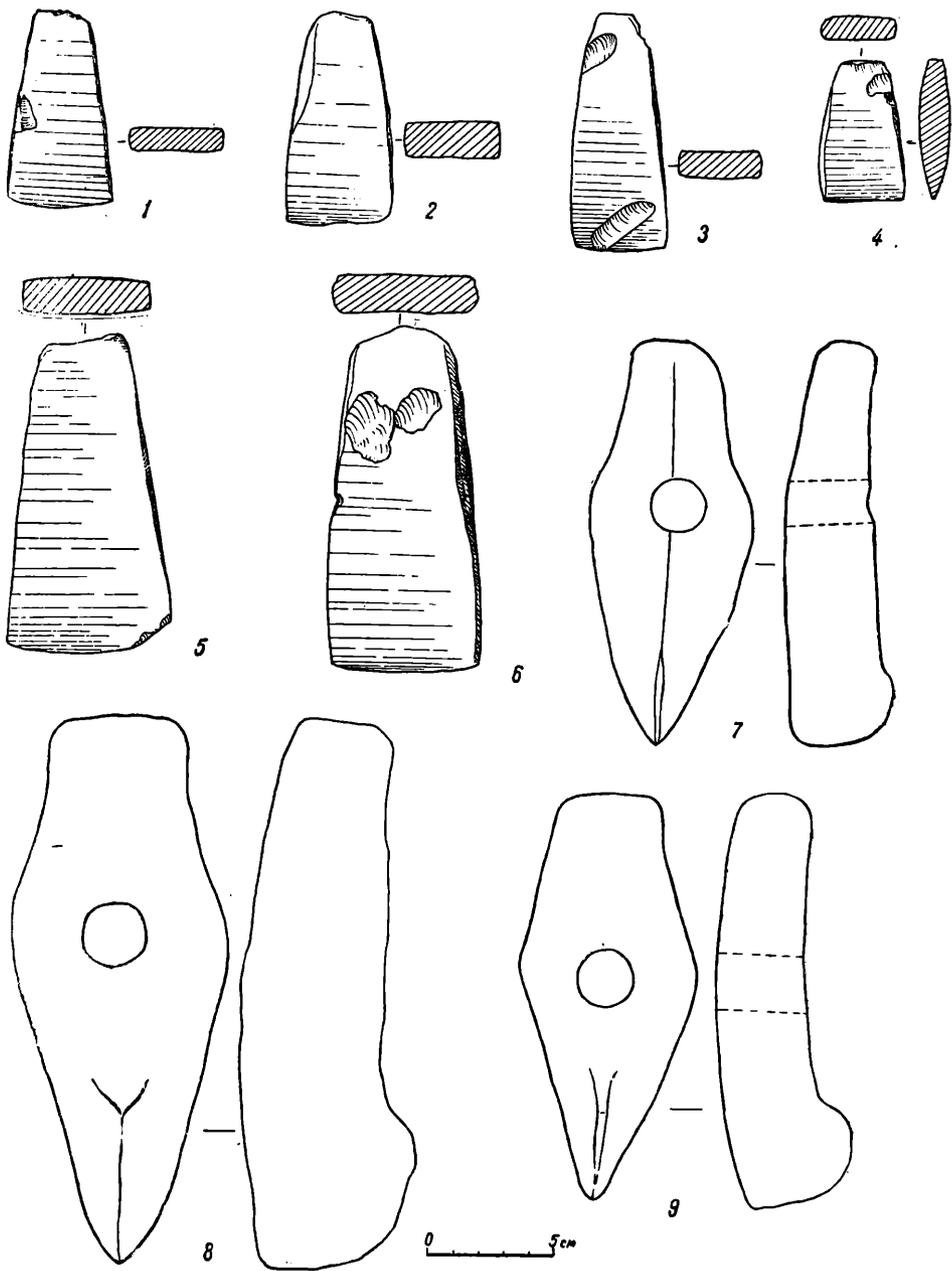

Рис. 17. Клиновидные топорики (1—6) и сверленные топоры (7—9) из Среднего Поволжья

1 — Кайбыцы (С. Z — 2674); 2 — Бакырчи (С. Z — 1438); 3 — Коргуза (С. Z — 1447); 4 — Б. Фролово (С. Z — 2010); 5 — Монастырские (С. Z — 973); 6 — Майданы (С. Z — 1669); 7 — Эбалаково (С. Z — 1245); 8 — Мари-Тушка (Малмыжский музей); 9 — Барышево (С. Z. Z — 727)

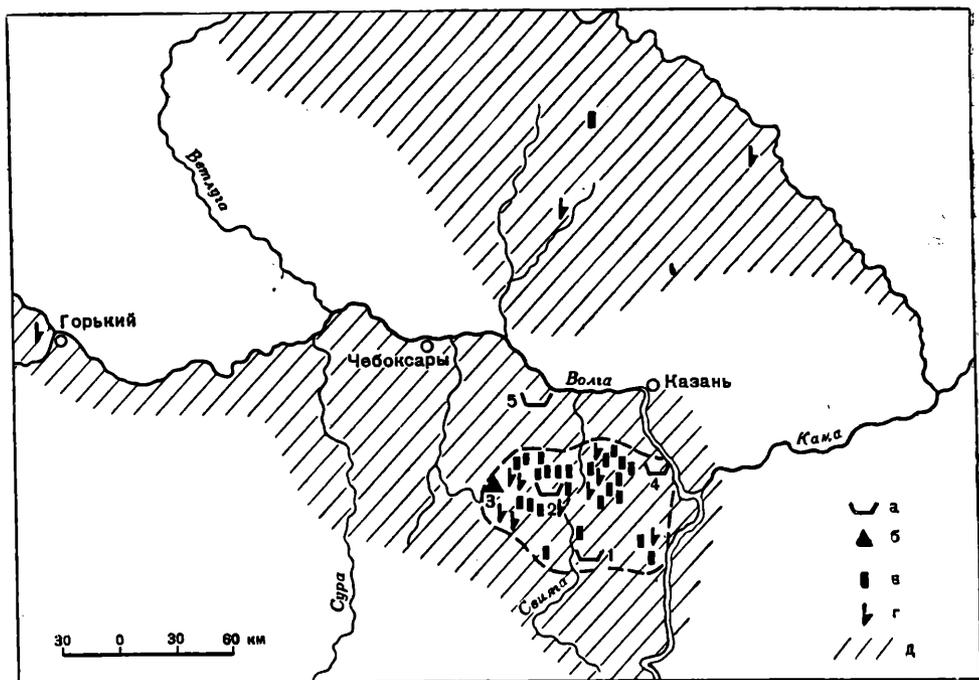

Рис. 18. Карта распространения раннебалановских памятников в Среднем Поволжье
 а — могильник; б — местонахождение; в — клиновидный топорик с прямоугольным сечением; з — лопастной топор; д — площадь максимального распространения балановских памятников. 1 — Козловский могильник расположен на левом берегу Свияги (на карте за недостатком места его значок поставлен на правом берегу). 2 — Шам-Булахчи; 3 — Тябердино; 4 — Красновидово; 5 — Балановский могильник

среди которых выделяется до 20 лопастных топоров, также преимущественно сосредоточенных в интересующем нас районе³² (рис. 18), кроме трех экземпляров, найденных изолированно от основной группы³³. Это средних размеров изящные топоры с выраженной лопастью и плоским, иногда расширяющимся обухом (рис. 17 — 7, 9). Подобного рода находки, обычно называемые топорами фатьяновского типа³⁴, широко распространены в ранних памятниках культуры боевых топоров. Так, А. Ольдеберг³⁵, Глоб³⁶ и Форссандер³⁷ считают, что лопастные топоры являются наиболее ранним типом в Швеции и Дании, так же как в Польше, Саксонии и Тюрингии³⁸. В фатьяновских могильниках лопастной тип топора в основном также встречается в ранних памятниках³⁹. В Балановском могильнике лопастные топоры сохраняются уже лишь в виде пережитка, заменяясь,

³² Из сел Эбалаково (С. Z.—387, 1245), Кайбицы (С. Z.—1413, 1454), Каратун (С. Z.—2301) Буинского р-на; Коргузы (С. Z.—2356). Барышево (С. Z.—727), Бурнашево (С. Z.—2302), Б. Меми (С. Z.—532), Б. Юрты (ГМТР—5337) Зеленодольского р-на; Монастырское (С. Z.—888) Тетюшского р-на ТАССР; 3 экз. из Цивильского р-на Чув. АССР (ЧКМ—6228).

³³ Из г. Горького (ГОМ—4088/2), с. Ронги Советского р-на Мар. АССР (С. Z.) Мари-Туршки Малмыжского р-на Кировской обл. (Малмыжский музей).

³⁴ В. А. Горюдцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. «Отчет исторического музея за 1914 г.», М., 1916, стр. 135—137.

³⁵ A. Oldeberg. Studien über die swedischen Bootaxtkultur. Stockholm, 192, S. 163—164.

³⁶ P. V. Globb. Studier over den jyske Enkeltgravskultur. København, 1945.

³⁷ Forssander. Die Schwedische Bootaxtkultur. Lund, 1933.

³⁸ Г. Чайлд. Указ. соч., стр. 234—239.

³⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 30.

как правило, глиняными моделями — детскими игрушками⁴⁰. Совершенно нет подобных топоров и в более поздних балановских памятниках⁴¹, поэтому с полной уверенностью лопастные топоры следует считать ранними орудиями, характерными для памятников, предшествовавших Балановскому могильнику. Интересно отметить, что большинство лопастных топоров в бассейне р. Свияги найдено совместно с клиновидными топориками прямоугольного сечения (Кайбицы, Эбалаково, Коргузы, Барышево, Монастырское), так же как и в Бельнецком кургане 3, датированном В. В. Кропоткиным концом III — началом II тысячелетия до н. э.⁴²

Таким образом, в западных районах Татарской АССР, тяготеющих к среднему течению р. Свияги, выделяется группа ранних памятников, предшествовавших Балановскому могильнику. Можно сказать, что эти памятники оставлены первыми племенами балановской культуры. Значительное сходство материальной культуры этих племен и ранних фатьяновских заставляет полагать родственное происхождение балановских и фатьяновских племен, которые, оказавшись на разных территориях, начали развивать самостоятельные черты.

---

⁴⁰ О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии; его же. Балановская культура, стр. 50—52.

⁴¹ А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. Указ соч., стр. 264—266.

⁴² В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 66.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Д. ПРАСЛОВ

ГМЕЛИНСКАЯ СТОЯНКА В КОСТЕНКАХ

Систематическое наблюдение над естественным обнажением первой надпойменной террасы близ устья Попова лога в с. Костенки позволило мне в 1956 г. установить наличие новой позднепалеолитической стоянки. Расположена она в 200 м ниже Костенок III по течению Дона. Ввиду близости стоянки к местонахождению четвертичной фауны, где, по общему признанию всех исследователей палеолита, производил свои раскопки С. Г. Гмелин, это новое, 21-е по счету местонахождение в Костенках названо Гмелинской стоянкой в честь первого исследователя Костенок, трагически погибшего в 1774 г.

Геоморфологические и геологические условия Гмелинской стоянки изучались в 1958 г. А. А. Величко и проф. Л. Савицким. (Работы возглавлял А. Н. Рогачев). В целом они сходны с Костенками III и Костенками XIX.

Культурные остатки залегают на глубине 3,5 м от поверхности в серо-коричневом суглинке. В своей самой окраинной части, ближе к берегу, они залегают в слое разбросанно, на разных уровнях, в большинстве случаев в торчащем положении, проникая и в вышележащий слой. Разобщенность культурных остатков, укрупненность породы меловой галькой, сильная выбеленность ее карбонатными солями — все это свидетельствует о деформации культурных остатков какими-то вторичными явлениями, возможно, солифлюкционными истечениями. Но дальше в глубь берега культурные остатки залегают компактнее. Мощность хорошо выраженного культурного слоя приближается к 10—15 см, верхняя и нижняя границы его хорошо прослеживаются благодаря обильному включению частиц серо-черной зольной массы.

Фауна Гмелинской стоянки представлена небольшим количеством мелких осколков и обломков костей мамонта, носорога, лошади, медведя, волка и какого-то крупного грызуна.

Очень интересен кремневый инвентарь Гмелинской стоянки. Всего на вскрытой площади (42 кв. м) собрано 5,5 тыс. расщепленных кремней, в том числе более 350 орудий. Первичная обработка кремня производилась на месте, что почти не наблюдается в костенковских стоянках. Об этом говорит обилие ядрищ (35 шт.), пластин и отщепов с сохранившейся меловой коркой. На этих находках можно проследить весь процесс изготовления кремневых орудий.

Основным материалом для изготовления орудий служили удлиненные, тонкие, до 4—5 см толщиной желваки мелового кремня из сенонских отложений. Заготовки для ядрищ делали путем поперечного раскола желваков и галек; таким образом, сразу получалось ядрище с хорошей прямой ударной площадкой, а иногда и с двумя; от последних отделялись тонкие удлиненные пластинки с правильным ограничением. Были найдены и

частично обработанные ядрища, а также отбойник неправильно округлой формы из гальки мелового кремня со следами многочисленных ударов.

В Костенковско-Боршевском районе первичная обработка кремня была отмечена на Боршевской I стоянке¹ и на стоянке Валукинского².

У ядрищ Гмелинской стоянки так же, как и на большинстве верхнепалеолитических стоянок, часто по две отбивные площадки и лишь у некоторых три. Благодаря узким фасеткам и правильным очертаниям некоторые ядрища приближаются по форме к эпипалеолитическим, однако они еще довольно крупны.

Значительную серию орудий образуют скребки (26 шт.). Изготовлены они на концах целых правильных пластинок. В отбросах таких пластинок почти нет. Для изготовления скребков и резцов использовались самые первые пластины, сколотые еще с массивного ядрища.

Скребки Гмелинской стоянки отличаются от найденных на так называемых маделено-азильских стоянках. Они напоминают скорее всего скребки ориньяко-солютрейского типа (рис. 19—20—22). Длина скребков 4—5,5 см при ширине 2—3 см. Лезвия их располагаются на широком конце пластины и имеют либо правильную дугообразную форму, либо скошены в правую и совсем редко — в левую сторону. Последние напоминают скребки второго слоя Костенок³. Основания, как правило, сужены, иногда сохраняют часть ударной площадки, иногда же обработаны резцовыми сколами (рис. 19—26). Узкий продольный резцовый скол идет по краю пластины и оформляет лезвие бокового резца, аналогичного резцам верхнего слоя Костенок I. Скребков на сечениях пластинок почти нет; единичен двойной скребок.

На лезвиях нескольких орудий есть острые шипы, не снятые ретушью. Видеть в этой форме незавершенные скребки нет никаких оснований. Вероятно, это специальная форма орудия, не связанного с техникой обработки кож и шкур животных. Скребки подобного типа (до 10) отмечены в нижнем горизонте Костенок IV⁴ и один в Боршево I⁵.

Таким образом, скребки Гмелинской стоянки имеют сходство со скребками таких ранних памятников, как Костенки I (второй слой по классификации А. Н. Рогачева), частично Боршево I, Костенки IV, а за пределами Костенок — в Замостье I, и отличаются от скребков Боршево II, Гонцов, Костенок III, Костенок II, Костенок XIX.

Другую группу орудий составляют разнообразные резцы (около 30 экз.). Изготовлены они на более узких, чем скребки, пластинах при такой же длине. Преобладают резцы срединного типа, обычные для многих позднепалеолитических памятников, начиная с самого раннего времени (рис. 19—23, 24). В нескольких случаях на срединных резцах нанесены резцовые сколы по брюшку пластинки, оформляя лезвия плоских резцов, служивших, вероятно, для более тонких работ.

Боковых резцов значительно меньше. Они невелики по размерам, что приближает их к таким орудиям боршевского типа⁶.

Лезвия у резцов на углу сломанной пластинки такие же тонкие, как у боковых и плоских. Вероятно, они выполняли одни и те же функции. Есть экземпляры с несколькими лезвиями, расположенными по всем

¹ Е. А. Векилова. Палеолитическая стоянка Боршево I. МИА, № 39, 1953, стр. 133.

² П. И. Борисковский. Новые раскопки палеолитической стоянки Валукинского (Костенки XIX). КСИА, вып. 84, 1961, стр. 31.

³ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района. МИА, № 59, 1957, стр. 27.

⁴ А. Н. Рогачев. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. МИА, № 45, 1955, стр. 140.

⁵ Е. А. Векилова. Указ. соч., стр. 129.

⁶ П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II. МИА, № 39, 1953, стр. 109.

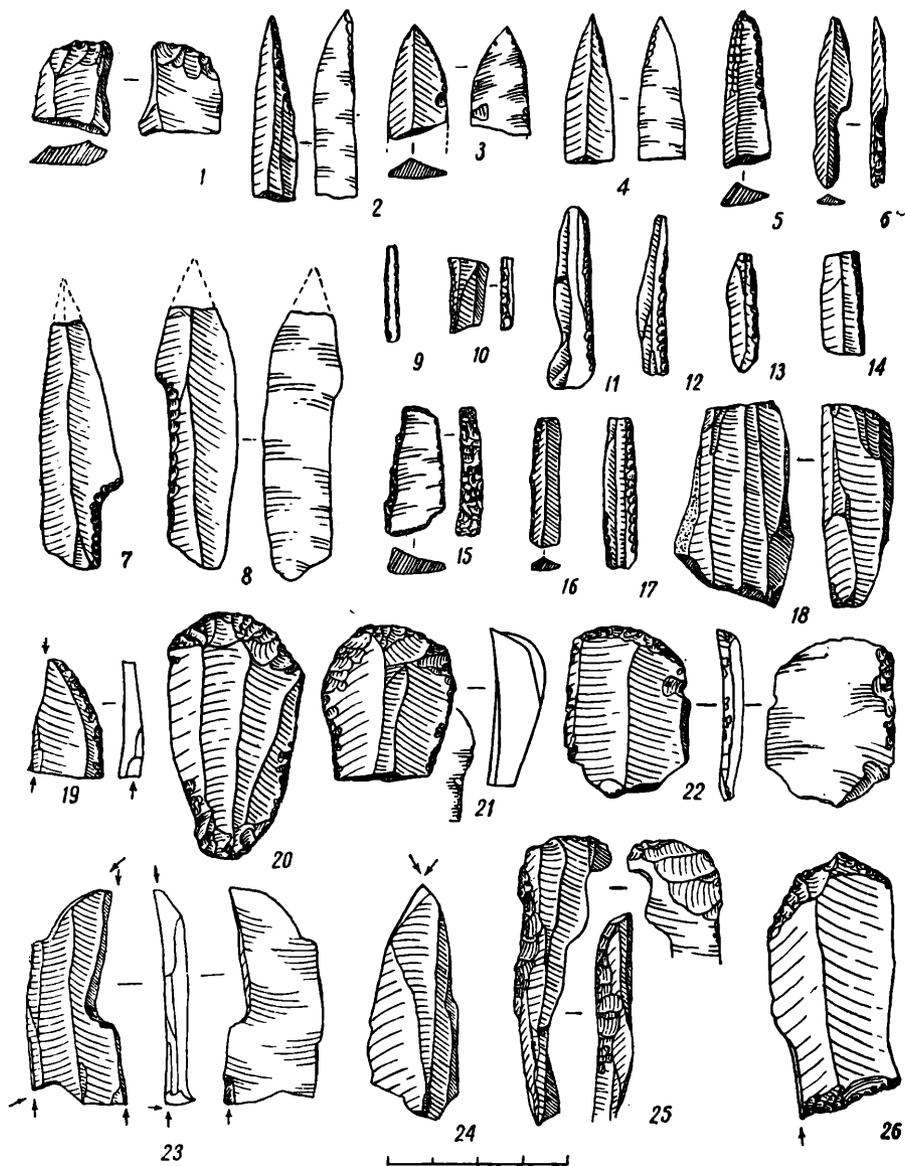

Рис. 19. Каменный инвентарь Гмелинской стоянки

1 — орудие с подтеской с бруска; 2 — 4 — проколки; 5 — сверло; 6 — 8 — остря с боковой выемкой; 9 — игловидное острие; 10 — 17 — пластинки с притупленным краем; 18 — ядрище; 19 — боковой резец; 20 — 22 — скребки; 23, 24 — резцы срединные; 25 — обломок орудия с плоской ретушью; 26 — двойное орудие: скребок с шипом и боковой резец

четырем углам пластинки. Такие же в небольшом количестве известны в самых поздних стоянках позднего палеолита типа Гонцов и Боршево II. Особенно характерны они для стоянок эпохи мезолита ⁷.

В следующей группе орудий представлены всевозможные остря, сверла, проколки и пластиночки с притупленным краем.

Наиболее интересна в данной группе серия острей с выемкой (рис. 19 — 6—8), аналогичных наконечникам с боковой выемкой Боршевской I сто-

⁷ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 101.

янки⁸, Гагарино⁹, Замостья I¹⁰ и т. д. Острия с выемкой изготовлены на правильных удлиненных пластинках с естественно заостренным концом. Длина их колеблется от 5 до 7,5 см, при ширине в 1—2 см. Боковой выем и плечико оформлены крутой притупляющей ретушью по одному из краев. Плоская солотрейская ретушь на них совершенно отсутствует, и этим они сильно отличаются от наконечников с боковой выемкой типа, известного из Костенок I, Авдеева, Бердыжа. Кроме того, сама выемка занимает иногда всего лишь треть длины края пластинки, в то время как в Костенках I, Авдеева и Бердыже она больше $\frac{2}{3}$ длины орудия.

Проколки (рис. 19—2—4) изготовлены на правильных пластиночках и находят ближайšie аналоги в материалах Гонцов¹¹. Некоторые проколки без ретуши, но на их концах четко видны следы интенсивной

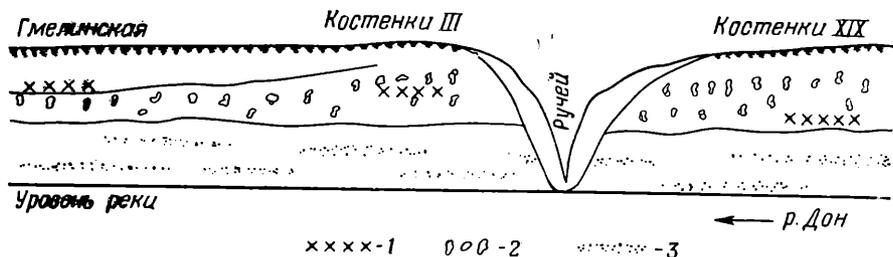

Рис. 20. Схематический разрез I надпойменной террасы через Костенки XIX, Костенки III и Гмелинскую стоянку

1 — палеолитические стоянки; 2 — горизонт белоглазки; 3 — аллювий первой террасы

заполированности. При этом выщербинки располагаются на правом краю со стороны спинки, а на левом — с брюшка, указывая на то, что употреблялись орудия, вероятно, как сверла, т. е. прокалывание производилось путем вращения их слева направо.

Игловидные острия представлены четырьмя обломками. Изготовленные из очень узких, до 3—4 мм, удлиненных пластиночек крутой притупляющей ретушью по обеим сторонам (рис. 19—9), они, по-видимому, аналогичны игловидным остриям Тельманской стоянки¹².

Единичным экземпляром представлено сверло (рис. 19—5), изготовленное из правильной равногранной пластины, имеющей в сечении форму равностороннего треугольника. Лезвие оформлено ретушью по всем трем острым краям пластинки.

Наконец, важное место в инвентаре стоянки занимают пластинки с притупленным краем (около 150 экз.). Более крупные из них достигают 3—3,5 см длины. Как правило, мелкой притупляющей ретушью обрабатывался более утолщенный край пластиночки, а противоположный оставался необработанным (рис. 19—10—17). И чаще всего как раз на нем-то и видны следы интенсивного употребления. Как интересную деталь следует отметить обработку крутой притупляющей ретушью обеих сторон и обоих концов у нескольких пластинок (рис. 19—15).

Таким образом, характерной особенностью инвентаря Гмелинской стоянки является высокий уровень техники обработки кремня. По составу каменных изделий Гмелинская приближается к памятникам типа Гагари-

⁸ Е. А. Векилова. Указ. соч., стр. 128.

⁹ С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона, ЦЧО). Палеолит СССР. «Известия ГАИМК», вып. 118, 1935, стр. 51.

¹⁰ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 112—113.

¹¹ І. Ф. Левицький. Гонцівська палеолітична стоянка. «Палеоліт і неоліт України». Київ, 1947.

¹² А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки..., стр. 53.

но и Боршевская I стоянки. Все эти памятники залегают в тождественных геоморфологических и геологических условиях¹³, т. е. в верхней части суглинков первой надпойменной террасы Дона, и должны быть отнесены, по моему мнению, к последней трети позднего палеолита.

В дальнейшем вполне возможно большее уточнение стратиграфического положения этих памятников по отношению друг к другу, точно так же, как это можно проследить на примере соотношения Гмелинской, Костенок III и стоянки Валукинского (рис. 20). Маркирующим горизонтом в данном случае является «горизонт с белоглазкой», плейстоценовый возраст которого несомненен. Он четко прослеживается на всем протяжении первой надпойменной террасы и может быть стратиграфическим горизонтом, расчленяющим памятники. Культурные слои указанных соседних стоянок по отношению к горизонту с белоглазкой располагаются так: стоянка Валукинского залегают в его самой нижней части на аллювиальных отложениях, Костенки III — в его верхней части и Гмелинская — выше его. Возможно, что разделяющий памятники промежуток времени незначителен, но учитывать это необходимо. Исходя из вышеизложенного, Гмелинскую стоянку нужно считать более молодым памятником, чем Костенки III и стоянка Валукинского, так как она стратиграфически залегают выше.

---

¹³ А. А. В е л и ч к о. К вопросу о геологическом возрасте и стратиграфическом значении верхнего палеолита. «Известия АН СССР», серия географ., № 2, 1957, стр. 48.

Н. Г. БЛОХИНА

АНАЛИЗ УГЛЕЙ ИЗ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК В КОСТЕНКАХ

Остатки ископаемой флоры (пыльца и споры растений, а также семена, листья) и угли, находимые при археологических раскопках, дают нам наиболее достоверное представление о растительности прошлого.

Для реконструкции природных условий эпохи палеолита особо важное значение приобретает определение остатков ископаемых углей по микроскопическим признакам. Ископаемые угли встречаются на стоянках очень широко. Находки древесных углей свидетельствуют о несомненном произрастании данной породы в непосредственной близости от стоянок, тогда как пыльца и споры разносятся на большие расстояния и отражают более общий характер окружающей растительности в радиусе нескольких десятков километров. И кроме того, для палеолитических памятников спорово-пыльцевой анализ не всегда дает желаемый результат, поскольку исследователю часто приходится иметь дело с отложениями, не содержащими пыльцу и споры.

В 1963 г. в кабинете палеоботаники Института археологии АН СССР была определена большая партия древесных углей с палеолитических памятников Костенковско-Боршевского района (Костенки I, Костенки XII, Костенки XIV), собранная А. Н. Рогачевым. Все 38 образцов, определенных из стоянки Костенки I, принадлежат ели (*Picea excelsa* Link). Аналогичные результаты получены при определении углей со стоянки Костенки XII (3 образца) и Костенки XIV (Маркина гора), где из 30 образцов 28 также принадлежат ели, а 2 образца — несомненно хвойной породе, но последние вследствие плохой сохранности не были определены до вида.

Из всего проанализированного материала только один образец принадлежал лиственной породе, но и он, к сожалению, не был определен до вида.

В настоящее время ель в пределах Европейской части СССР, как известно, произрастает в виде чистых насаждений или в смеси с другими хвойными и лиственными породами на очень обширной территории. Ее ареал ограничен на севере Кольским полуостровом, на юге проходит по северной границе чернозема. В Воронежской области, где расположены изучаемые памятники, в настоящее время в естественном состоянии она не произрастает. Именно поэтому находки ели времени верхнего палеолита представляют большой интерес, так как они свидетельствуют о существовании иных климатических условиях в этой области.

Палеографические работы, проведенные Г. И. Лазуковым в 1949—1953 гг. для Костенковско-Боршевского района совместно с археологической экспедицией А. Н. Рогачева, на основании спорово-пыльцевого анализа, определений древесных углей и анализа фауны млекопитающих позволили сделать вывод о том, что в Костенковско-Боршевском районе в верхнем палеолите существовала лесная растительность, в составе которой

хвойные породы произрастали в смеси с лиственными, а климатические условия несколько отличались от современных, хотя и не были суровыми¹.

В. И. Громов утверждает, что в это время на окружающей территории произрастала лесостепная растительность, лесная же не играла существенной роли, ее распространение ограничивалось древними балками².

Результаты наших анализов в общем не противоречат этим точкам зрения, но позволяют считать, что ель в это время играла существенную роль в растительных ландшафтах, произрастала в непосредственной близости от стоянок и широко использовалась палеолитическим человеком. Этот вывод хорошо согласуется со сделанными ранее В. Е. Москалевой и М. П. Гричук определениями углей из стоянок Костенки I, Гушинская и Стрелецкая II, где угли ели были встречены в большом количестве³.

Дальнейшее массовое определение углей с палеолитических стоянок этого района позволит дать более полную реконструкцию растительности.

---

¹ Г. И. Лазуков. Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе. СА, № 3, 1957.

² В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). «Труды Института геологических наук», вып. 64, 1948, стр. 207.

³ Г. И. Лазуков. Указ. соч., стр. 91.

Г. Н. МАТЮШИН

СТОЯНКИ С МИКРОЛИТИЧЕСКИМ ИНВЕНТАРЕМ В ГОРНОЙ БАШКИРИИ

В последние годы на территории БАССР обнаружена группа памятников с микролитическим инвентарем¹, которые по характеру находок и геологическим данным были отнесены к мезолиту. Слои с мезолитическими материалами удалось выявить при пересмотре материалов раскопок прошлых лет и на некоторых зауральских неолитических и энеолитических памятниках (стоянки Чебаркуль I, Боборыкино II и др.). Летом 1962 г. Башкирским неолитическим отрядом Института археологии АН СССР были проведены широкие работы в Предуральской, Зауральской и Горной Башкирии. Только в Зауралье в 1961—1962 гг. удалось выявить около 70 памятников каменного века. Большая часть их дала значительное количество находок; на отдельных поселениях число только кремневых изделий превышало 12 тыс. на 100 кв. м раскопа. В отдельных квадратах площадью 4 кв. м в слое толщиной 10 см было обнаружено по 1100—1200 предметов. Часть вновь выявленных памятников, несомненно, можно считать кремнеобрабатывающими мастерскими, экспортировавшими свои изделия на весьма широкую территорию Зауралья и Сибири.

В Башкирском Предуралье производились раскопки недавно выявленной стоянки у г. Давлеканово, на р. Деме, и поселения Сауз III на р. Белой, продолжались раскопки Ильмурзинской мезолитической стоянки, где найдены орнаментированные гальки и другие предметы, подтверждающие донеолитический возраст памятника.

Работы отряда велись совместно с геологической партией, возглавляемой заведующей отделом четвертичной геологии Уральского НИИ геологии и рудного сырья В. Л. Яхимович. Предварительные исследования, проведенные В. Л. Яхимович на мезолитических и неолитических памятниках Башкирии в 1961—1962 гг., позволили уточнить возраст отложений, в которых были найдены мезолитические и неолитические материалы.

В горных районах Южного Урала, помимо раскопок неолитических поселений с обычными для этих районов двусторонне обработанными кремневыми орудиями и керамикой (Кага II, Бельское III и др.), в 1962 г. впервые исследовались памятники с микролитическим инвентарем без керамики, в том числе две стоянки с чистым микролитическим инвентарем Азопкино и Акбута.

Первая находится в 18 км к юго-западу от г. Белорецка, в 200—250 м

¹ Г. Н. М а т ю ш и н. Памятники каменного века на территории БАССР. «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959; его же. Археологические исследования в окрестностях г. Уфы. «Вопросы археологии Урала», вып. 2, Свердловск, 1962; его же. К изучению мезолита и неолита в Башкирии. «Тезисы докладов III Уральского археологического совещания», Уфа, 1962; его же. Новые неолитические памятники в Башкирии. КСИА, АН СССР, вып. 92, 1962.

к северо-западу от посёлка Азопкино. Стоянка расположена на правом берегу Белой, на краю обрывистого мыса, ограниченного с юго-восточной стороны оврагом, с юго-западной — берегом реки (рис. 21). Высота мыса над рекой 10—12 м. Геоморфологическая позиция стоянки типичная для мезолитических памятников Башкирии. Часть площадки перекопана ямами современных построек, непо потревоженный культурный слой сохранился только на самом краю террасы, где и был заложен раскоп площадью в 40 кв. м, охвативший почти всю сохранившуюся часть памятника. Сверху под дерном лежит небольшой слой гумуса, толщиной 0,2—0,3 м, ниже, до глубины 4—5 м, идет слой суглинка, перемежаясь с прослойками гравия и песка; под суглинком залегают палеозойские скальные породы, слагающие основание террасы. Следует отметить, что терраса, на которой расположен памятник, наиболее высокая в данном месте.

Основная масса находок сосредоточена в самых верхних горизонтах суглинка, до глубины 0,5—0,7 м. Встречались исключительно изделия из камня. Керамика, орудия с двусторонней обработкой или какие-либо находки более позднего времени не обнаружены, не считая единичных обломков посуды эпохи позднего железа, найденных в верхних горизонтах, в гумусе.

Изделий из камня всего обнаружено 543 экземпляра. Из них ножевидных пластин 259, отщепов 29, мелких отщепов и чешуек 161, ребристых сколов 14, нуклеусов и их обломков 4, остальные находки представлены кусками кремня и галек. Обращает на себя внимание резкое преобладание ножевидных пластинок и изделий из них; они составляют около половины всех находок, что характерно для всех мезолитических памятников Урала и Прикамья. На отдельных памятниках здесь количество ножевидных пластинок по сравнению с отщепами достигает 80—90% (Черкасово, Романовка II и др.), на неолитических же памятниках число таких пластин редко превышает 10—15%, а на позднем этапе неолита они, как правило, вообще почти отсутствуют.

Основная масса орудий Азопкинской стоянки изготовлена из ножевидных пластин. Среди них различного рода резцы (рис. 22 — 1, 2, 12—15, 18), пластины со скошенным краем (рис. 22 — 3, 4), пластины с выемками (рис. 22 — 6, 9), пластины с притупленными концами и ретушированными лезвиями (рис. 22 — 5), вкладыши (рис. 22 — 10, 11), скребки на конце сломанной пластинки (рис. 22 — 16, 17, 20, 21), скребки на поперечном сколе с нуклеуса (рис. 22 — 19), резцы на продольном сколе с нуклеуса (рис. 22 — 26), скребки на отщепах (рис. 22 — 22, 24), нуклеусы (рис. 22 — 23, 25) и др.

Наиболее интересны среди инвентаря Азопкинской стоянки микрорезцы, изготовленные на ножевидных пластинках с помощью широкой и далеко заходящей за край пластинки ретушированной выемки. Подобные изделия на территории СССР до сих пор почти не встречались, но они широко известны в тарденуазских памятниках Западной Европы. По поводу назначения этих орудий высказывались самые различные точки зрения. Некоторые исследователи считают их не самостоятельными орудиями, а отбросами, получающимися при изготовлении трапеции² (рис. 22а). Другие выступают против этого, замечая, что микрорезцы такого рода в большом количестве встречаются в памятниках среднего этапа тарденуаза, где трапеций еще почти нет, и, наоборот, в позднем тарденуазе трапеции чрезвычайно обильны, а микрорезцов найдено очень мало³. Третьи, призна-

² L. Siret. *Revue des Questions Scientifiques*. 1893, p. 24; *Revue anthropologique de Paris*, 1924, p. 115—132; J. Clark. *The mesolithic age in Britain*. Cambridge, 1932, Appendix I.

³ L. Lequeux. Pourquoi nous considerons le Microburin tardenoisien comme un instrument et non comme un déchet de fabrication. «Bulletin Society d'Anthropologie de Bruxelles», 1924.

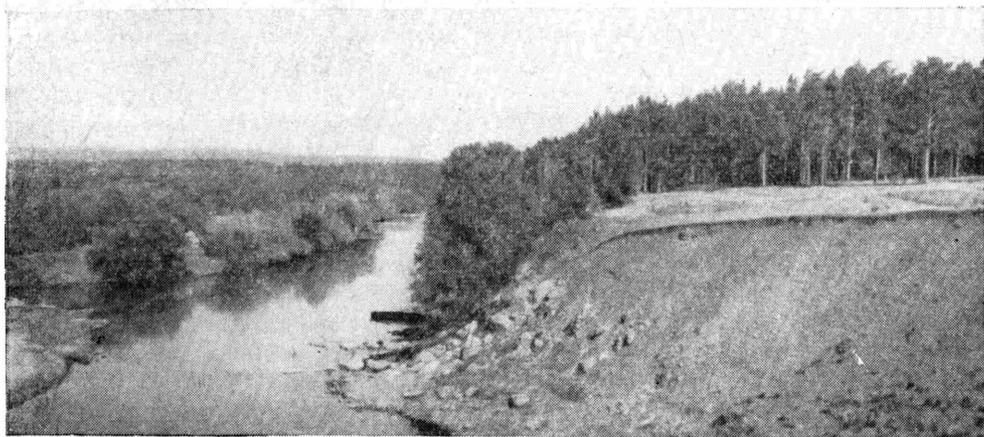

Рис. 21. Общий вид стоянки Азопкино

вая технику производства таких орудий неотъемлемой принадлежностью мезолита, считают, что эти изделия получались при изготовлении пластин со скошенным краем⁴. Не вдаваясь в детали этой дискуссии, можно отметить, что анализ найденных в Азопкинской стоянке микрорезцов не позволяет согласиться с тем, что это отходы производства трапеций, так как трапеций в мезолитических стоянках Предуральской и Горной Башкирии вообще не найдено. Нельзя согласиться и с тем, что это побочный продукт изготовления пластин со скошенным краем, так как азопкинские микрорезцы изготовлены из целых пластинок и именно на той части пластины, которая и должна быть острием со скошенным краем⁵. Нам кажется более правильным относить данные изделия к самостоятельным орудиям — микрорезцам и определять их назначение в полном соответствии с этим принятым в мировой археологической литературе термином⁶.

Аналогии инвентарю Азопкинской стоянки можно найти в материалах мезолитических памятников Южного Урала, Прикамья и Средней Азии. Так, наиболее близкие по типу пластины со скошенным краем найдены в остатках мезолитического слоя стоянки Чебаркуль⁷ и в V—VI слоях пещеры Джебел⁸. Подобные пластинки встречаются и в инвентаре стоянок Ильмурзино и Романовка II в Предуралье. Характерно, что в памятниках кельтеминарской культуры на подобных пластинах в отличие от уральских, помимо ретуши по скошенному краю, нанесена ретушь еще и по лезвиям пластинок⁹. Пластины с выемками, найденные на стоянке Азопкино, имеют крутую ретушь и неглубокие выемки. Количество выемок, как правило, не превышает одной-двух на лезвии. Они также более близки к пластинкам с выемками, найденным в нижних слоях пещеры Джебел, чем к соответствующим находкам на кельтеминарских памятни-

⁴ W. F. Rankine. The mesolithic of southern England. Guildford and London, 1956, p. 12.

⁵ Там же, рис. 2, 11.

⁶ J. Clark. Op. cit., p. 97.

⁷ Г. Н. Матюшин. Следы мезолитических слоев на некоторых неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья. «Из истории племен конца каменного и бронзового веков в Евразии» (в печати).

⁸ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956, рис. 37, 2, 4.

⁹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1, 1957, рис. 3, 3—5.

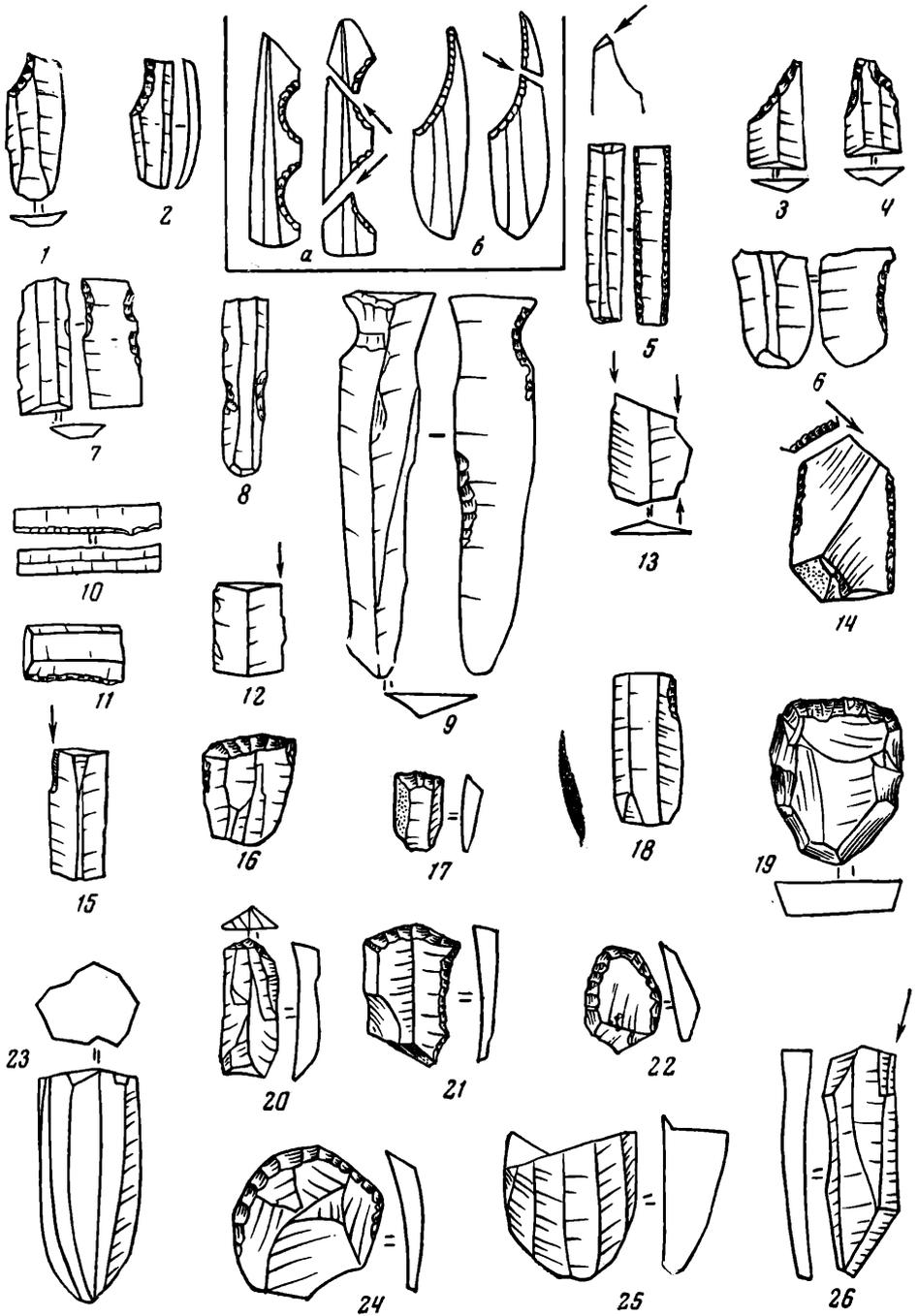

Рис. 22. Кремневый инвентарь стоянки Азопкино 1—26 и реконструкция способов изготовления микрорезцов
(а — по L. Siret, б — по L. Lequeux)

ках¹⁰, где выемки и ретушь, как правило, занимают всю длину лезвий, заходя на концы пластинок. Близкие к азопкинским пластинки с выемками встречаются на стоянках типа Романовка — Ильмурзино в Предуралье и на Кама-Жулановской стоянке в Прикамье¹¹. Среди скребков Азопкинской стоянки привлекают внимание скребки с боковыми выемками (рис. 22 — 21). Аналогии им можно найти только в материалах VI—VIII слоев пещеры Джебел¹². Интересны пластинки с ретушированными лезвиями и срезанным под прямым углом концом. Аналогичные изделия найдены на стоянках Агиспе в Казахстане¹³ и Елин Бор на Оке¹⁴. Обращает на себя внимание наличие скребков на поперечных сколах с нуклеусов, что, по мнению М. В. Воеводского, наиболее характерный признак мезолита¹⁵. Широко представлены резцы на углу сломанной пластинки. Такого рода орудия, как известно, встречаются еще в позднем палеолите. Характерны они и для камских мезолитических стоянок¹⁶ и нижних слоев пещеры Джебел. Очень часто встречаются идентичные резцы и на других южноуральских стоянках с микролитическим инвентарем. Интересны резцы на продольных сколах с нуклеусов (рис. 22 — 26), встречающиеся также на других мезолитических стоянках Урала. Весьма типичны для указанных стоянок и найденные в значительном количестве на Азопкинской стоянке вкладыши из прямоугольных поделенных пластинок. На неолитических памятниках Южного Урала они, как правило, не встречаются.

✓ Очень близко Азопкинской стоянке по расположению, стратиграфии и характеру инвентаря поселение, исследованное у д. Акбута Юмагузинского района БАССР. Стоянка расположена в 4—5 км к северо-востоку от деревни на левом берегу р. Белой, на высоком мысу, ограниченном с одной стороны обрывистым берегом небольшой речки, а с другой — обрывом берега Белой. Высота мыса 7—9 м от меженного уровня реки.

На краю мыса в 1962 г. заложен раскоп (60 кв. м) и несколько шурфов. В шурфах и раскопе под небольшим слоем дерна идет слой гумуса толщиной до 0,3—0,4 м с находками керамики абашевского и курмантаевского типа. Ниже лежит слой суглинка с микролитическими изделиями в верхних горизонтах. Мощность нижнего культурного слоя 15—20 см. Стратиграфия памятника характерна для всех мезолитических стоянок Южного Урала. Везде микролитические материалы концентрируются в слое суглинка и глины. Керамика в слое с микролитическими материалами на стоянке Акбута отсутствует. Изделий из камня обнаружено 570, из них 108 ножевидных пластинок, 47 отщепов, 232 чешуйки (мельчайших отщепов), остальные находки состоят из неопределенных кусков кремня и галек. Основная масса изделий — различного рода орудия, изготовленные из ножевидных пластин и пластинок с ретушью. Из отщепов изготовлено только несколько скребков (рис. 23 — 17), резец (рис. 23 — 18) и одно скребло. Один скребок изготовлен на ребристом сколе (рис. 23—19). Среди изделий из ножевидных пластин обнаружены пластинки с притупленным концом и ретушированными лезвиями (рис. 23 — 1), пластины с выемками (рис. 23 — 16), резцы на углу и на середине сломанной пластинки (рис. 23 — 4), скребки на конце сломанной пластинки (рис. 23 — 8), вкладыши (рис. 23 — 10—15) и другие изделия. Найдены также резцы

¹⁰ А. П. Окладников. Указ. соч., рис. 100, 1, 2.

¹¹ О. Н. Бадер и Б. Г. Тихонов. Кама-Жулановская мезолитическая стоянка. «Ученые записки МГУ», вып. 166, 1954.

¹² А. П. Окладников. Указ. соч., рис. 103, 1, 5; рис. 113, 5.

¹³ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949, рис. 15, 6—71.

¹⁴ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

¹⁵ Там же.

¹⁶ О. Н. Бадер и Б. Г. Тихонов. Указ. соч.

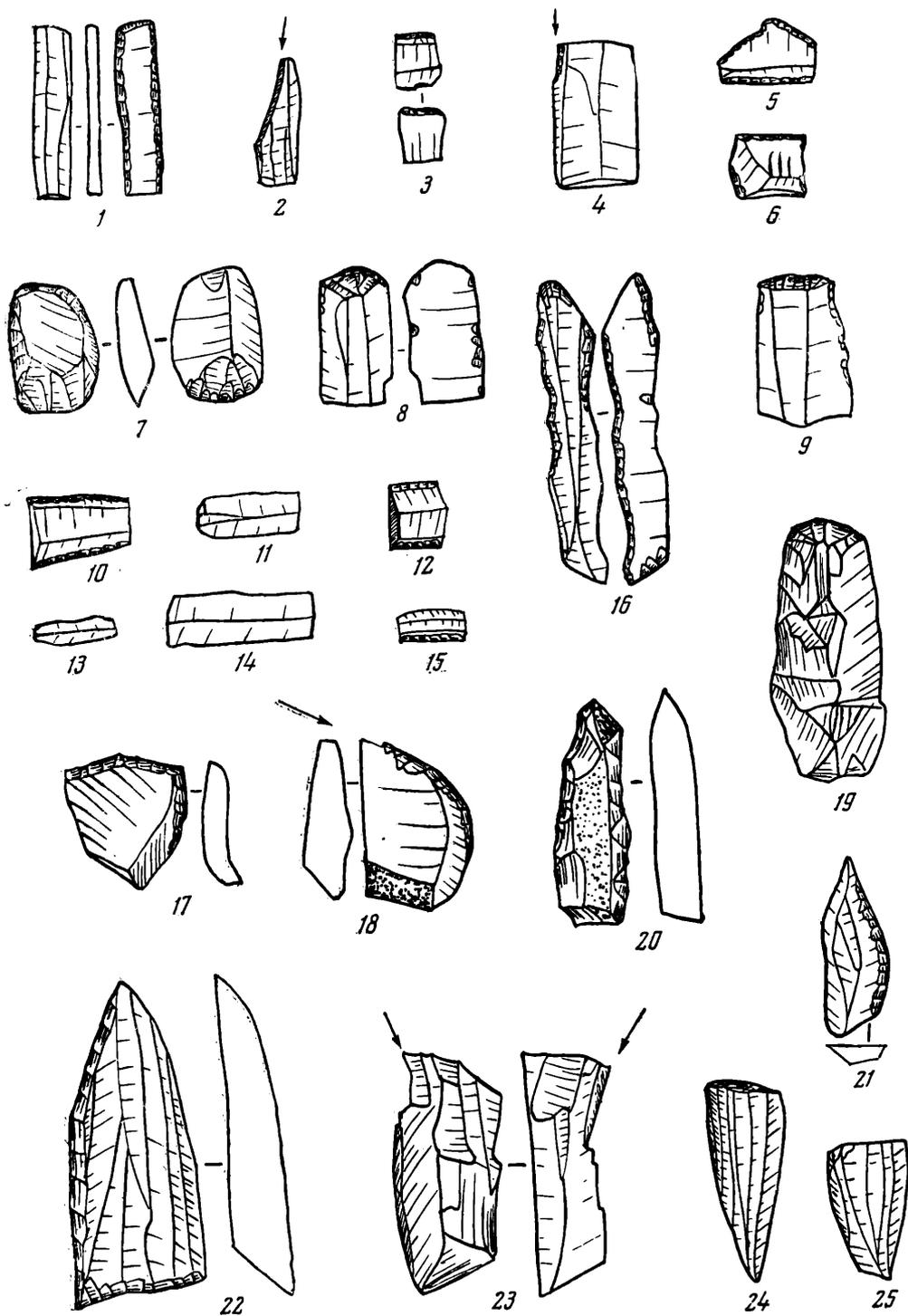

Рис. 23. Стоянка Акбута. Изделия из камня (1—25)

на продольных сколах с нуклеуса (рис. 23—23), острия (рис. 23—20, 21) и нуклеусы (рис. 23—24, 25).

Инвентарь стоянки очень близок материалам Азопкинской стоянки и инвентарю других мезолитических памятников Южного Урала. Однако некоторые формы изделий со стоянок Азопкинской и Акбута выделяются. Так, только на Азопкинской стоянке встречены микрорезцы с боковой выемчатой ретушью (рис. 22—1, 2), которые, как мы уже говорили выше, не характерны для территории СССР, но широко известны на мезолитических стоянках Западной Европы.

Микрорезцы такого рода характерны для стоянок более раннего этапа мезолита, чем комплексы с трапециями. В связи с этим можно предполагать, что стоянки типа Азопкино относятся к более раннему этапу, чем стоянки типа микролитического комплекса Чебаркуль I. В остатках мезолитического слоя стоянки Чебаркуль I найдено, помимо трапеций, много ретушированных пластинок, пластинок с выемками, со скошенным краем, концевые скребки, острия¹⁷ и подобные изделия, характерные для всех мезолитических памятников Южного Урала, но в отличие от них на стоянках Чебаркуль I и Сайма I найдены трапеции. Они выделяются асимметрией очертаний — это неравносторонние трапеции. Аналогичные находки известны только в VI слое пещеры Джебел¹⁸. Сходство трапеций и других изделий позволяет синхронизировать инвентарь стоянки Чебаркуль I (микролитический комплекс) со временем VI слоя пещеры Джебел.

Инвентарь стоянки Акбута имеет много общего с материалами других микролитических памятников Урала. Однако обращает на себя внимание отсутствие здесь трапеций, пластин со скошенным краем, микрорезцов азопкинского типа и небольшое количество пластин с выемками. Бросается в глаза присутствие пластин с выемками более позднего типа, встречающихся в памятниках раннего этапа кельтеминарской культуры¹⁹ (рис. 23—16), кроме того, вместе с нуклеусами, обычными для мезолитических памятников Урала (рис. 23—24, 25), здесь встречены нуклеусы, известные и на неолитических памятниках Урала (рис. 23—22). На этих изделиях, помимо типичных для микролитической техники негативов от скалывания узких и тонких ножевидных пластинок, видна еще и подработка на конце нуклеуса, которая превращает его в тесловидное или скребковидное орудие. Форма таких нуклеусов, как правило, плоская, тесловидная (рис. 23—22). Возможно, такого рода орудия использовались для обработки дерева. Все это может служить поводом для отнесения стоянки Акбута к более позднему возрасту, чем микролитический чебаркульский комплекс. В пользу более позднего возраста Акбута говорит и расположение и стратиграфия стоянки. Микролитические находки на Азопкинской стоянке залегают глубже в суглинке, чем аналогичные находки на стоянке Акбута, которая, кроме того, расположена на более низкой, 7—9-метровой террасе, тогда как Азопкинская находится на 10—12-метровой террасе. Неолитические стоянки этого района (Кага, Бельская) располагаются еще ниже — на 3—4-метровых террасах²⁰. Несмотря на более поздний облик, стоянка Акбута отличается по расположению от неолитических памятников, известных в этом же районе. Отличает стоянку и общий микролитический характер инвентаря. В более раннем, чем неолитические памятники, возрасте стоянки Акбута убеждает ее стратиграфия. Находки на неолитических стоянках Башкирии залегают, как правило, в гумусе, а здесь они концентрируются в суглинке. Кроме того, в инвентаре стоянки

¹⁷ Г. Н. М а т ю ш и н. Следы мезолитических слоев на некоторых неолитических стоянках..., рис. 2.

¹⁸ А. П. О к л а д н и к о в. Указ. соч., рис. 105, 1, 3.

¹⁹ А. А. Ф о р м о з о в. Указ. соч., рис. 16, 9; А. В. В и н о г р а д о в. Указ. соч., рис. 3, 6—8.

²⁰ Г. Н. М а т ю ш и н. Новые неолитические памятники в Башкирии.

Акбута встречаются изделия очень раннего облика, например типа Piérges écaillées (рис. 23—7) и др.

Следует отметить, что материал, из которого изготовлены орудия Азопкинской и Акбутинской стоянок, яшмовидный, зауральский, в то время как население неолитических стоянок горных районов Южного Урала использовало, как правило, местный, более низкого качества кремень. Состав камня в инвентаре мезолитических и неолитических памятников Предуралья обращает на себя внимание удивительным однообразием и резким отличием от материала изделий стоянок Горной и Зауральской Башкирии. Сюда не проникала зауральская яшма в эпоху мезолита и неолита. Население Предуралья в это время пользовалось в основном светлым низкого качества кремнем. Кремень добывался, очевидно, из развалов пермских пород или из плиоценовых галечников. Для Зауралья же характерны выходы более древних кремневых слоев, образовавшихся в результате окремнения черного аргиллита с прослоями серых и зеленовато-серых алевролитов²¹ и выходы яшм проходящего здесь уникального в мире яшмового пояса шириной в 50 км²².

Изделия из красивых голубых, красных, зеленых с коричневыми, черными и серыми прослойками зауральских яшм во все времена привлекали людей. Однако в мезолитических и неолитических стоянках соседнего Предуралья мы их не встречаем. Связям населения Предуралья и Зауралья в то время, очевидно, мешали высокие и малодоступные и в настоящее время хребты Южного Урала. Но, не проникая в Предуралье, зауральский яшмовидный кремень и изделия из яшм из районов Башкирского Зауралья широко распространялись в эпоху мезолита и неолита на территории горной Башкирии, в районы Казахстана, Среднего Урала и Приобья. Источником распространения, вероятно, служили обнаруженные нами в 1961—1962 гг. чрезвычайно богатые кремнеобрабатывающие мастерские, расположенные у выходов яшм и яшмовидного кремня в центре пояса яшм. Строгая локализация месторождений яшм и яшмовидного кремня и широкое распространение изделий из них позволяет довольно точно установить районы распространения и, следовательно, определить территорию, охваченную обменом в эпоху неолита и мезолита.

Несмотря на резкое различие в материале, из которого изготовлялись орудия, стоянки горной и зауральской части тем не менее имеют большое сходство с предуральскими микролитическими памятниками. Это сходство прослеживается в наличии на всех памятниках близких по типу пластинок со скошенным краем, пластинок с выемками, резцов на углу сломанной пластинки и других изделий. Однако на предуральских стоянках не обнаружены ни микрорезцы, ни трапеции. Вместе с тем на стоянках типа Ильмуурзино в верхних горизонтах (слой 3—4) обнаружены наконечники стрел на ножевидных пластинках, чем, вероятно, и объясняется отсутствие в Предуралье трапеций, являющихся, по мнению большинства исследователей, поперечнолезвийными наконечниками стрел²³. В целом микролитический комплекс со стоянок типа Ильмуурзино, очевидно, более древний, так как находки здесь залегают в более глубоких слоях суглинка, чем на стоянках Горной и Зауральской Башкирии. Этому не противоречит и общий облик инвентаря. Здесь встречаются дисковидные нуклеусы, пластинки с выемками и большое количество изделий с резцовыми сколами, производящих впечатление более ранних, чем соответствующие изделия с других памятников. Кроме того, при исследовании Ильмуурзинской стоянки в 1962 г. в средних слоях обнаружена галька с резным орнаментом. Известно,

²¹ Определение кремня производил А. Г. Цибульский (Институт геологии БФ АН СССР).

²² А. Е. Ферсман. Путешествие за камнем. М., 1960, стр. 131.

²³ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 70.

что подобные гальки-чуринги характерны для памятников мас д'азильского типа конца палеолита²⁴. Несколько подобных галек найдено в Крыму²⁵. Наличие гальки с резным орнаментом может быть также основанием для более ранней датировки. Геологическая датировка всех в целом слоев Ильмурзинской стоянки дана В. Л. Яхимович, и определена как самый конец верхнего плейстоцена и начало голоцена, т. е. примерно VI—XV тысячелетия до н. э. Следует отметить, что все указанные стоянки, за исключением Чебаркуль I, находятся в одном гидрографическом районе. Все они (Ильмурзинская, Романовка II, Романовка III, Черкасово, Азопкино, Акбута и др.) располагаются на террасах р. Белой и ее притоков. Возраст этих террас много лет изучался В. Л. Яхимович и широко освещен в геологической литературе²⁶. Совпадение данных геологических исследований и результатов археологических раскопок может служить подтверждением их правильности. Однако все приведенные выше предположения о возрасте мезолитических памятников Южного Урала все же относительны, так как данными по абсолютной хронологии памятников мы пока не располагаем.

---

²⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 623—625.

²⁵ О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской яйлы. СА, V, 1940, рис. 4.

²⁶ В. Л. Яхимович. Кайнозой Башкирского Предуралья, т. II, ч. 1. Четвертичные отложения низких террас рек Башкирского Предуралья. Уфа, 1958.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО НЕОЛИТУ ЮЖНОГО УРАЛА

В результате исследований, проведенных в последние годы (1960—1962) на Южном Урале, преимущественно в Чебаркульском районе Челябинской области, удалось установить, что на озерах в этом и соседнем Миасском районах сохранились остатки многочисленных местонахождений неолитического и энеолитического времени, а также эпохи бронзы. В отличие от поселений Каслинского района¹, ранее исследованных Н. П. Кипарисовой, эти местонахождения содержали, помимо керамики, большое количество разнообразных орудий и изделий из кремня. Наиболее интересными оказались поселения на побережье Чебаркульского озера; часть из них была подвергнута раскопкам. Анализ кремневого инвентаря и керамики позволяет наметить некоторые своеобразные черты неолитической культуры в Южном Зауралье.

Основным объектом исследований было поселение Чебаркуль II на южном берегу Чебаркульского озера, раскопанное на относительно широкой площади (около 300 кв. м). В северо-западной части поселения, наиболее близкой к берегу озера, сосредоточивалась в основной толще культурного слоя (за исключением самого верхнего горизонта) довольно однородная керамика с характерным орнаментом, выполненным приемами прочерчивания и накола².

Вместе с ней находились многочисленные изделия из кремня, среди которых, помимо большого количества ножевидных пластин, преобладали орудия из них — концевые скребки, ножи-вкладыши, угловые резцы и острия, а также орудия весьма архаичных форм, такие, как скошенные острия и наконечники с боковой выемкой. В том же слое, но в значительно меньшем числе встречены и орудия из отщепов — ножи, наконечники стрел, скребки и другие с типичной для неолитического времени двусторонней обработкой. В верхнем горизонте культурного слоя, сразу под дерном, выделяясь довольно отчетливо стратиграфически, залегала керамика иного облика, относящаяся по ряду характерных черт — изогнутому профилю венчика, толщине сосудов и орнаменту — к раннебронзовому времени. Вместе с керамикой найдены кости овцы и коровы.

Таким образом, в результате первых раскопок наметилась как будто бы достаточно ясная картина существования поселения сначала в эпоху относительно раннего неолита и затем, вторично, в период ранней бронзы. Однако последующие раскопки, охватившие центральную часть стоянки и в основном исчерпавшие ее, дали иную и более сложную картину. В центральной части поселения, где располагались многочисленные каменные кладки, хозяйственные ямы, скопления сосудов и каменных орудий,

¹ Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. СА, № 2, 1960, стр. 18.

² Л. Я. Крижевская. Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла. «Вопросы археологии Урала», вып. 2, Свердловск, 1962, стр. 27—32.

оказалась разнообразная керамика, относящаяся по всем признакам к раннему времени, стратиграфически не расчлененная и перемешанная в общем культурном слое. Наибольшую группу ее, однако, составляли сосуды, украшенные разнообразными узорами гребенчатого штампа. Это довольно крупные, прямостенные в своей верхней части сосуды, средней толщины, с прямым верхним краем и косым срезом его с внутренней стороны, с заостренным или округлым дном. У наиболее крупных сосудов диаметр верхней части достигает 40—45 см. Для этой посуды характерна сплошная орнаментация поверхности, расчленение орнамента на горизонтальные зоны и довольно разнообразный узор. Среди наиболее распространенного орнамента нужно отметить различные варианты «шагающей гребенки», поставленной то более, то менее часто. При этом горизонтальные пояса этого узора отделены один от другого двойной ломаной прочерченной линией (рис. 24 — 1—4). Орнамент другой группы сосудов состоит из густо заштрихованных гребенчатым штампом треугольников, расположенных перпендикулярно друг другу и отделенных несколькими горизонтальными полосами от вышележащего пояса косой штриховки (рис. 24 — 5—7). Наконец, укажем на вертикально расположенный узор в «елочку», разделенный, однако, также на зоны (рис. 24 — 8).

Помимо орнамента, нанесенного оттиском гребенчатого штампа, есть узоры, выполненные специфическим приемом протягивания штампа. Этим способом покрывается вся поверхность сосуда; композиция узора, состоящего из перпендикулярно поставленных треугольников, разделенных на горизонтальные зоны, почти в точности повторяет узор, нанесенный гребенчатым штампом (рис. 24 — 10, 15). В целом эта «гребенчатая» керамика близка позднеолитической керамике Южного Зауралья, описанной Н. П. Кипарисовой³.

Другую группу керамики, меньшую, составляют сосуды с резко и нерезко отогнутым верхним краем, а в ряде случаев и выпуклыми плечиками. Характерно разнообразие орнамента, выполненного насечками, коротким гребенчатым и иными штампами. Появляется разреженность узора. Довольно многочисленна группа сосудов с орнаментом только по верхнему краю из насечек, образующих углы; или же ряды мелкого гребенчатого штампа обрамляют треугольные пространства незаполненного пола. Применяется также тонкий, так называемый гусеничный штамп для нанесения узора горизонтальными поясами и широкий квадратный штамп, образующий вертикальный узор (рис. 24 — 9, 11, 12). Форма сосудов и ее орнаментация характерны для посуды энеолитического и раннебронзового времени в Зауралье. Наконец, укажем на присутствие здесь же незначительного количества фрагментов керамики с прочерченным орнаментом (рис. 24 — 13, 14, 16).

Орудия из камня, преимущественно из кремня, многочисленны и разнообразны. Большую группу составляют наконечники стрел (25 экз.). Все они небольших размеров (длина от 3 до 5 см), листовидной и ромбической формы, с прямым основанием и выделенным черешком (рис. 25 — 1—4). За исключением двух, они изготовлены с помощью двусторонней отески и ретуши. Встретились два обломка наконечников с боковой выемкой (сохранилась лишь черешковая часть). Ножи представлены группой ножей-вкладышей и несколькими крупными экземплярами индивидуальной своеобразной формы. Среди последних — три больших двулезвийных ножа с выпуклым и вогнутым лезвием. Один из них отличается особенно крупными размерами (длина 8,5 см) и оригинальной формой; орудие тщательно обработано по обеим поверхностям тонкой отжимной ретушью (рис. 25 — 5). Другие ножи, изготовленные из плоских каменных плиток,

³ Н. П. Кипарисова. Указ. соч., стр. 7—24; ее же. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 57—60.

Рис. 24. Керамика поселения Чебаркуль II

1—9 — поздненеолитическая; 10—12 — энеолитическая и эпохи бронзы; 13—16 — ранненеолитическая

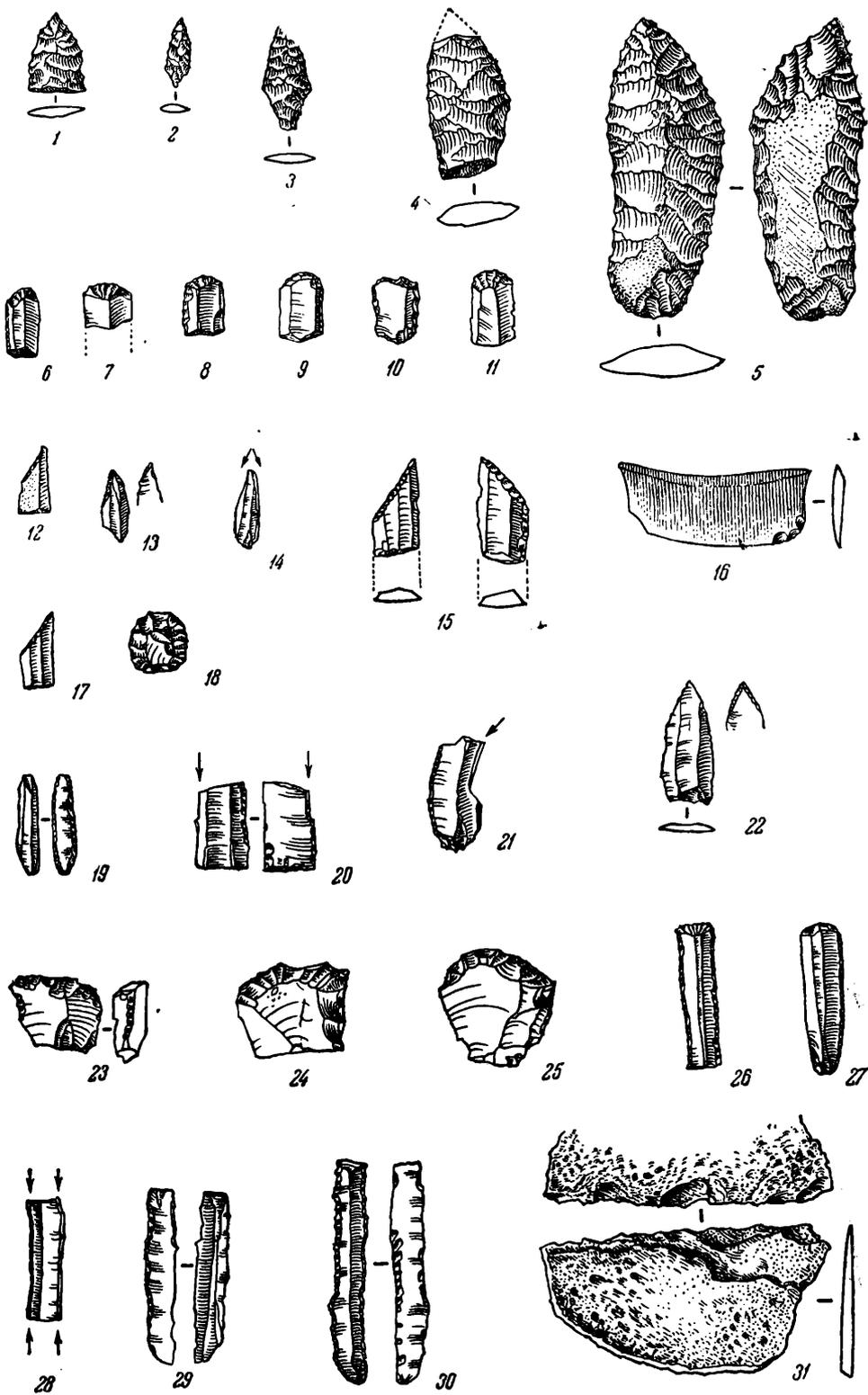

Рис. 25. Кремневые изделия из поселения Чебаркуль II

1—4 — наконечники стрел; 5, 16, 19, 29—31 — ножи; 6—11 — кояцевые скребки; 12—15, 17 — проколки; 18, 23 — 27 — скребки; 20 — 22, 28 — угловые резцы

подвергнуты обработке только по лезвию, которое оформлено путем двусторонней приостряющей подтески. На остальной поверхности орудия обработка отсутствует (рис. 25 — 31). Среди ножей попался и один шлифованный, из тонкой пластинки сланца, с выпуклым и вогнутым лезвиями. Обращает внимание высокое качество техники шлифовки обеих поверхностей (рис. 25 — 16). Большую группу составляют ножи-вкладыши (свыше 70 экз.). Они приготовлены из небольших ножевидных пластин и пластинчатых отщепов (длиной 3—4 см) обычными для этих орудий приемами нанесения ретуши на одну или обе продольные грани. В большинстве случаев по обеим граням наблюдается приостряющая ретушь, реже по одной грани заметна крутая притупляющая ретушь; предназначенная для лучшего укрепления орудия в рукоятке. Многие ножи этой группы несут следы длительного использования и изношенности лезвия (рис. 25 — 19, 29, 30). Скребки (74 экз.) делятся на две почти равные группы: 32 — из пластин и 42 — из отщепов. Скребки из отщепов не имеют строго выработанной формы. Лезвие их расположено на каком-либо участке грани. Обработано оно иногда тщательной, иногда небрежной ретушью, оформляя плоский или высокий рабочий край (рис. 25 — 23—25). Единообразную группу составляют скребки из пластин, где преобладают концевые скребки на коротких и очень коротких сечениях (рис. 25 — 6—11). Концевые скребки на длинных сечениях обращают внимание строго правильным ограничением узких и тонких пластинок (рис. 25 — 26, 27). Здесь же присутствуют миниатюрные округлые скребочки (рис. 25 — 18). Среди орудий из пластин встретились: острия (из них два со скошенным краем), проколки, срединные и угловые резцы, составляющие достаточно выразительный «набор» орудий древних форм, восходящих к мезолитической эпохе (рис. 25—12—15, 17, 20—22, 28).

Итак, Чебаркуль II оказался поселением, существовавшим в различные периоды неолитической и раннебронзовой эпохи. Наиболее ранний период его заселения следует связывать с керамикой, украшенной прочерченным и накольчатым (отступающей палочкой) орнаментом, сосредоточенной в северо-западной части поселения. Выделение ранней ступени неолита Зауралья, для которой характерно преобладание волнисто-накольчатой (отступающей палочкой) орнаментации керамики, произведенное на основании стратиграфии многослойных памятников⁴, подкрепляется новыми материалами. В этой связи интересны наблюдения и выводы К. В. Сальникова, выделившего на основании стратиграфии поселения Боборыкино II⁵ два хронологических этапа в неолитической керамике Зауралья. Что касается прочерченной керамики Чебаркуля II, то она, хотя очевидно не наиболее древняя из известной в Зауралье, как, например, керамика Стрелки или ранний комплекс из Аннина острова, все же представляет ранний период неолита, который можно отнести к середине III тысячелетия до н. э. и который предшествует времени керамики с развитым гребенчатым орнаментом. Эта группа сосудов Чебаркуля II, как нам уже приходилось отмечать, имеет много общих черт с кельтеминарскими⁶.

Второй этап существования поселения начинается с появления посуды, украшенной разнообразными гребенчатыми узорами, т. е. с конца неолитического времени, и продолжается в период энеолита и ранней бронзы (конец III — первая половина II тысячелетия до н. э.), что находит отражение в соответствующем изменении керамики.

⁴ В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 58—59, рис. 18; ее же. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. «Труды ГИМ», вып. 29, 1956, стр. 9—12, рис. 4.

⁵ К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, № 2, 1961, стр. 37—40, рис. 2 и 4; его же. Южный Урал в эпоху неолита и бронзы. «Материалы по археологии и этнографии Башкирии», I, Уфа, 1962, стр. 18—28.

⁶ Л. Я. Крижевская. Указ. соч.

Что касается каменного инвентаря, то совершенно очевидно наличие двух отчетливо выраженных различных групп: орудий из пластин с частичной обработкой и орудий из отщепов, двусторонне обработанных по всей поверхности. Общий облик первых и присутствие среди них таких орудий, как наконечники с боковой выемкой, скошенные острия, резцы — угловые и срединные, ножи-вкладыши и др., не оставляет сомнений в более древнем происхождении этого комплекса по отношению к двусторонне обработанному. По-видимому, его следует связывать с ранней керамикой.

За последнее время накапливается все больше фактов, свидетельствующих о том, что для неолита некоторых областей Зауралья характерна «индустрия из пластин», сохраняющая довольно архаические, типичные для мезолита формы орудий. Так, подобный комплекс обнаружен нами помимо Чебаркуля II на стоянке Чебаркуль V, на неолитических стоянках Кундравинское озеро и Липовый остров (озеро Аргази), на стоянке у Ильменского озера. Аналогичный комплекс орудий из пластин есть и на стоянке Чебаркуль I. Помимо ножевидных пластин, которых свыше 400, в нем присутствуют угловые резцы, скошенные острия и концевые скребки преимущественно на коротких сечениях пластин⁷. Среди более отдаленных территорий на восток укажем на инвентарь стоянок Андреевского озера⁸, а на запад — на стоянки Южного Предуралья⁹. Наконец, нельзя не отметить в этой связи и «индустрию» боборыкинского слоя на поселении Боборыкино II¹⁰.

Таким образом, на широкой территории Южного Зауралья, совпадающей в основном с лесостепной географической зоной и захватывающей в ряде мест области леса, можно констатировать наличие «индустрии» из пластин в неолитическую эпоху. Она сближает эти памятники с памятниками кельтеминарской культуры Казахстана и Приаралья, для которых характерна ярко выраженная пластинчатая микролитовидная «индустрия»¹¹.

Возвращаясь к поселению Чебаркуль II, напомним о сходстве его керамики с кельтеминарской, что вместе с кремневым инвентарем свидетельствует об определенной роли кельтеминарской культуры, неоднократно уже отмеченной¹² в сложении неолита Зауралья, во всяком случае в южном районе Уральского Приозерья. Что касается орудий из отщепов с характерной для них двусторонней обработкой, то они, очевидно, связаны с «гребенчатой» керамикой по времени и, возможно, в этнокультурном отношении, ибо как «гребенчатая» керамика, так выработка орудий из отщепов присущи кругу иных неолитических культур широкой лесной зоны. Надо полагать, что какой-то отрезок времени обе кремневые «индустрии» сосуществовали; об этом говорит количественно почти равное соотношение некоторых групп орудий в Чебаркуле II (ножи-вкладыши и ножи обычных неолитических форм, скребки из отщепов и из пластинок) и постоянное присутствие двусторонне обработанных орудий, прослеживаемое в комплексе орудий из пластин на многих стоянках, в частности казахстанских.

В заключение отметим, что во время разведочных работ 1962 г. обнаружено большое количество местонахождений неолитического периода у более южной группы озер Зауралья, расположенных в Учалинском и Абзелиловском районах Башкирской республики. Особенно выразительный

⁷ Коллекция Челябинского музея, № 112.

⁸ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 26—30, табл. VIII.

⁹ Л. Я. Крижевская. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии. СА, № 2, 1962, стр. 101—103, рис. 4.

¹⁰ К. В. Сальников. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья. КСИА АН СССР, вып. 85, 1961, стр. 8—10.

¹¹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, № 1, 1957, стр. 24—36.

¹² Например: С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

материал оказался в двух местонахождениях — на озерах Суртанды и Чебаркуль. Там в подъемном материале обнаружено свыше 10 наконечников стрел, среди которых преобладали наконечники листовидной формы, двусторонне обработанные в некоторых случаях тонкой и тщательной, в других — более грубой ретушью (рис. 26 — 1—4). Обломки (обушковые части) небольших топоровидных орудий (один из сланца) также обработа-

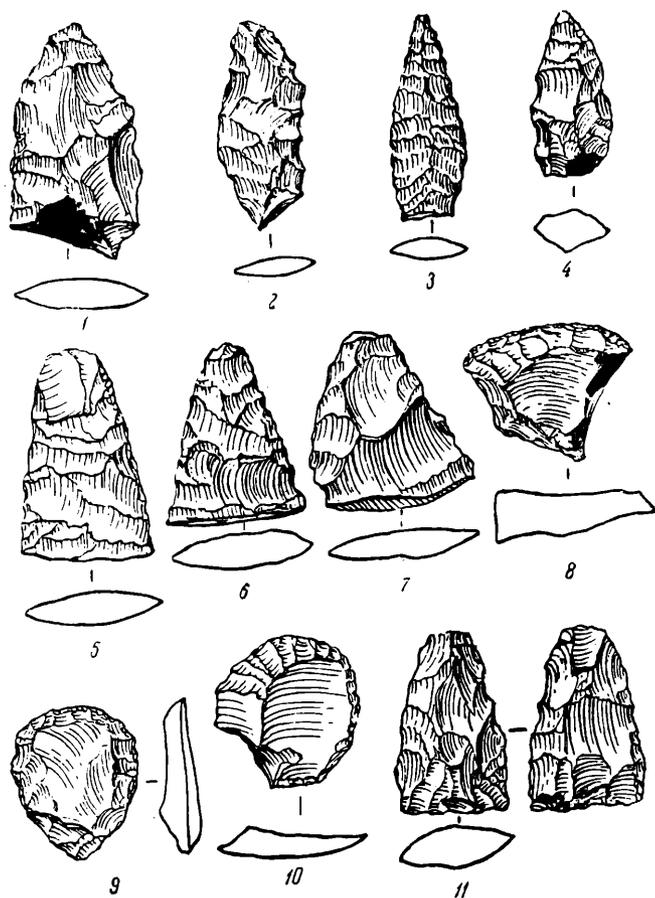

Рис. 26. Кремневые изделия из стоянок на оз. Суртанды и Чебаркуль
1—4 — наконечники стрел; 5—7, 11 — обломки топоровидных орудий; 8—10 — скребки

ны подтеской и ретушью (рис. 26 — 5—7, 11). Скребки (15 экз.) все приготовлены из отщепов, форма которых определяет форму орудия (рис. 26 — 8—10). Ножи, также из отщепов, довольно грубо обработаны только в рабочей части. Орудия сопровождаются большим числом нуклеусов и массой отбросов (только на одном из местонахождений — на озере Суртанды — было собрано на поверхности свыше 400 отщепов). Насколько позволяет судить подъемный материал, здесь, в этой группе поселений, пластинчатая «индустрия» отсутствует. Поэтому особо интересно сопоставление материалов этих памятников в хронологическом и культурном отношении с инвентарем стоянок Чебаркульского района.

М. Ф. КОСАРЕВ

ДЕСЯТОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Летом 1961 г. в низовьях Чулыма (Томская область) работал под руководством автора Томско-Чулымский отряд Западно-Сибирской экспедиции. Всего было обследовано около 20 памятников (городище Остяцкая Гора, Молчановское селище, Смолокуровское городище и т. д.). Из них наиболее интересно Десятовское поселение, относящееся к бронзовому веку.

Поселение расположено на обрыве 8—10-метровой террасы р. Ледеги (левый приток Педейки — правого притока Чулыма) в непосредственной близости от Десятовской заимки. Поселение тянется вдоль обрыва террасы на протяжении приблизительно 100 м, сильно разрушено осыпью. Уцелевшая часть занимает площадь около 1000 кв. м. На поселении нами заложена небольшой раскоп (70 кв. м). Ряд обстоятельств, связанных с нарушенностью культурного слоя, не позволил положить в основу хронологической классификации материала стратиграфические признаки. Поэтому характеризуемые ниже группы керамики выделены на основе типологического анализа и путем сопоставления с керамикой уже известных однослойных памятников среднего Обь-Иртышья.

Первая группа включает около 90% всех находок (рис. 27). К ней относятся горшки, приближающиеся по форме к открытым баночным сосудам с очень плавным переходом от шейки к тулову и сравнительно небольшим плоским дном (диаметр дна в 2—2,5 раза меньше диаметра устья). Орнаментальная композиция заключается в однообразном чередовании поясков в виде сетки (резной или гребенчатой) или в виде наклонных отпечатков ребра пластины с рядами ямочных вдавлений (рис. 27 — 1 — 3, 8, 9). Орнамент покрывает всю боковую поверхность. Иногда вместо обычного елочного орнамента сосуд украшался «геометрической» елочкой — из наклонных резных лесенок (рис. 27 — 6). Нередко вместо елочных или сетчатых поясков боковую поверхность сосудов занимают пояса из резных треугольников (рис. 27 — 11), заштрихованных лент (рис. 27 — 4, 12), меандровых узоров (рис. 27 — 7), зигзагов из взаимозаходящих отрисков гребенки (рис. 27 — 10) и т. д. На некоторых сосудах весь орнамент заключается лишь в нескольких рядах ямочных вдавлений (рис. 27 — 5). Ямочки наносились очень аккуратно, чаще всего конусообразно заточенной палочкой или трубочкой, и нередко отделялись одна от другой вдавлениями гребенки или лопаточки (рис. 27 — 1, 3, 4, 6, 7, 9). Посуда этой группы хорошего обжига, она с желтой или светло-коричневой (обычно лощеной) поверхностью. В настоящее время в среднем Обь-Иртышье нам известно более 20 памятников, давших керамику, аналогичную первой группе десятовской посуды (к сожалению, материал большинства этих памятников не опубликован): Евгащинское, Екатериновское поселение¹, местонахождение

¹ Сборы Р. И. Риф 1960—1961 гг. Коллекция находится в Омском областном краеведческом музее.

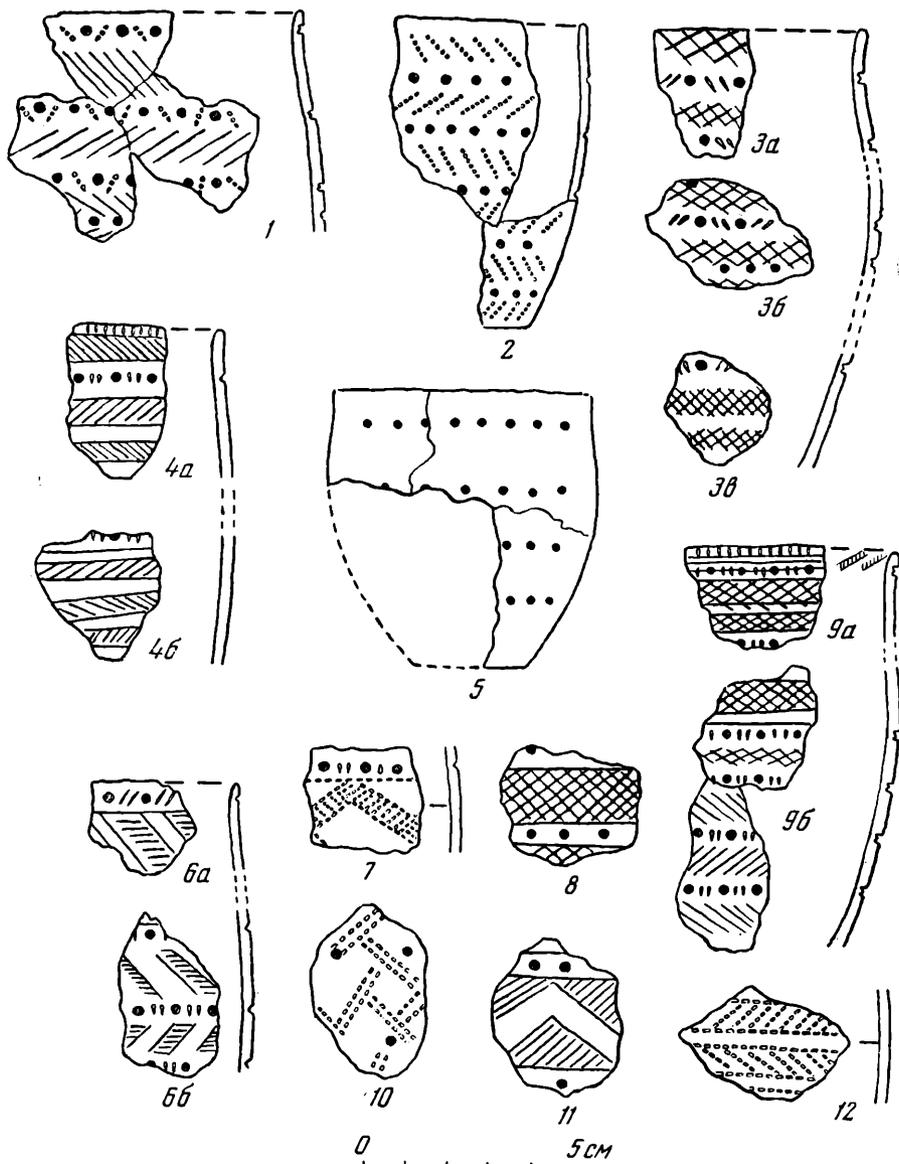

Рис. 27. Керамика Десятковского поселения
1—12 — первая группа

Красноозерка I² в Омской области; Еловское поселение³, Бачангские погребения⁴ и некоторые другие памятники в Томской области; поселения у деревень Камень и Красный Яр⁵ в Новосибирской области и т. д.

Вторая группа (рис. 28). Сюда мы отнесли плоскодонные горшки с высокой, дугообразно выгнутой наружу шейкой и резким переходом от шейки

² В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области. КСИИМК, вып. XVII, 1947, рис. 36, 1—4.

³ Раскопки В. И. Матюшенко 1960—1961 гг. Коллекция хранится в археологическом музее Томского университета.

⁴ А. П. Дульзон. Остатки могильники XVI—XVII вв. у с. Молчаново на Оби. «Ученые записки Томского пед. ин-та», т. XIII, 1957, рис. 16, 17.

⁵ Раскопки Т. Н. Троицкой 1958—1961 гг. Материал поступил в Новосибирский областной краеведческий музей.

Рис. 28. Керамика Десятковского поселения

1—14 — вторая группа

к плечикам. Обязательным признаком этой посуды служит желобчатая дорожка, на границе шейки и тулова (рис. 28—1, 3, 4 и др.), а одной из характерных черт, отличающей вторую группу от первой — усложнение орнаментальной композиции. Вместо однообразного заполнения боковой поверхности одинаковыми поясами (ср. с первой группой, рис. 27) появляется деление орнаментального поля на несколько неодинаковых зон. Исчезают горизонтальные ряды ямок и елочный орнамент, изменяется специфика сетчатого узора. Геометрический орнамент — взаимопроникающие треугольники с сетчатой штриховкой (рис. 28 — 1, 2), резной сетчатый пояс (рис. 28— 5, 9, 14), резные узоры в виде уточек (рис. 28—9), взаимосвязанные Г-образные фигуры (рис. 28—10) и т. д. — располагается почти исключительно на шейке сосудов. В нижней части шейки нередок ряд жемчужин, чередующихся с вдавлениями лопаточки. Наблюдается тенденция к измельчанию резных треугольников (рис. 28 — 1 — 5), появляется тре-

угольный штамп (рис. 28 — 6, 8). Вместо обычного резного сетчатого пояса на шейке сосудов иногда располагается псевдосетчатый пояс, выполненный крестовыми штампами (рис. 28 — 12). Верхняя половина тулова обычно заполнялась сплошными взаимопроникающими треугольными зонами, выполненными гребенкой или мелкоструйчатым штампом (рис. 28 — 12, 13). Придонная часть либо не орнаментировалась, либо украшалась вертикальными рядами гладкой «качалки» (рис. 28 — 11). Этот узор встречается и на шейке сосудов (рис. 28 — 14). В северной половине среднего Обь-Иртышья нам известно сейчас восемь памятников, дающих большие и четкие комплексы аналогичной керамики: Красноозерка II (Омская область)⁶, городище Остяцкая Гора⁷, Новокусковская стоянка⁸ (Томская область) и т. д.

Третья группа (рис. 29). В нее мы включили плоскодонные сосуды закрытой баночной формы. Посуда эта покрыта серой, темно-желтой и грязновато-коричневой обмазкой. Обжиг средний. Характерно заполнение боковой поверхности рядами частых наклонных вдавлений ребра пластины, мелкоструйчатого штампа или пяти-шестизубой гребенки (рис. 29 — 2—4). Встречается также заполнение поверхности рядами отступающей гребенки и узорами, выполненными отступающей палочкой (рис. 29 — 1). Ряды круглых ямок, характерные для посуды первой группы, здесь отсутствуют, однако их роль нередко выполняют фигурные штампы: ромбический, крестовый, мелкоструйчатый и т. д. (рис. 29 — 1—4). Ближайшие аналогии посуде этой группы мы находим в более северных таежных районах — в частности, в керамике, поступившей в Колпашевский музей из раскопок П. И. Кутафьева на реках Тyme и Васюгане (1937—1938)⁹.

Датировка выделенных групп керамики представляет известную трудность. Дело в том, что громадный археологический материал по бронзовому веку Среднего Приобья, сосредоточенный в музеях Томска и отчасти в Новосибирском областном краеведческом музее, почти не опубликован, и мы лишь в редких случаях имеем возможность ссылаться на археологическую литературу.

На некоторых памятниках Среднего Приобья удалось установить, что слой, содержащий керамику, аналогичную первой группе, лежит выше самусьского слоя (Самусьское и Еловское поселения) и подстилает слой ирменского времени (поселения у деревень Камень и Красный Яр). Если относить самусьскую культуру к XVI—XIII вв. до н. э. (она хорошо датируется литейными формами кельтов и копий турбинско-сейминского типа, найденными на поселении Самусь IV¹⁰), а для культуры, представленной ирменскими памятниками, принять уже существующую дату (начало I тысячелетия до н. э.)¹¹, то время бытования керамики первой группы можно отнести приблизительно к XII—X вв. до н. э. При определении хронологического места посуды второй группы существенно следующее обстоятельство: единичные фрагменты такой керамики присутствуют на памятниках Нижнего Притомья в ирменских комплексах (Басандайское городище¹², местонахождение у поселка «Чекист», Томское Лагерное

⁶ Омский областной краеведческий музей. Поступление.

⁷ А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области. «Труды Томского областного краеведческого музея», т. V, 1956, табл. XV—XX, а также стр. 243, рис. 65.

⁸ Раскопки В. И. Матющенко 1957—1958 гг. Материал находится в музее при Асиновском доме культуры (Томская область).

⁹ Материал не опубликован.

¹⁰ В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, № 4, 1959, стр. 160—161.

¹¹ М. П. Грязнов. О культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 34; Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, XXIII, 1955, стр. 55.

¹² Н. Л. Членова. Указ. соч., рис. 9, 7.

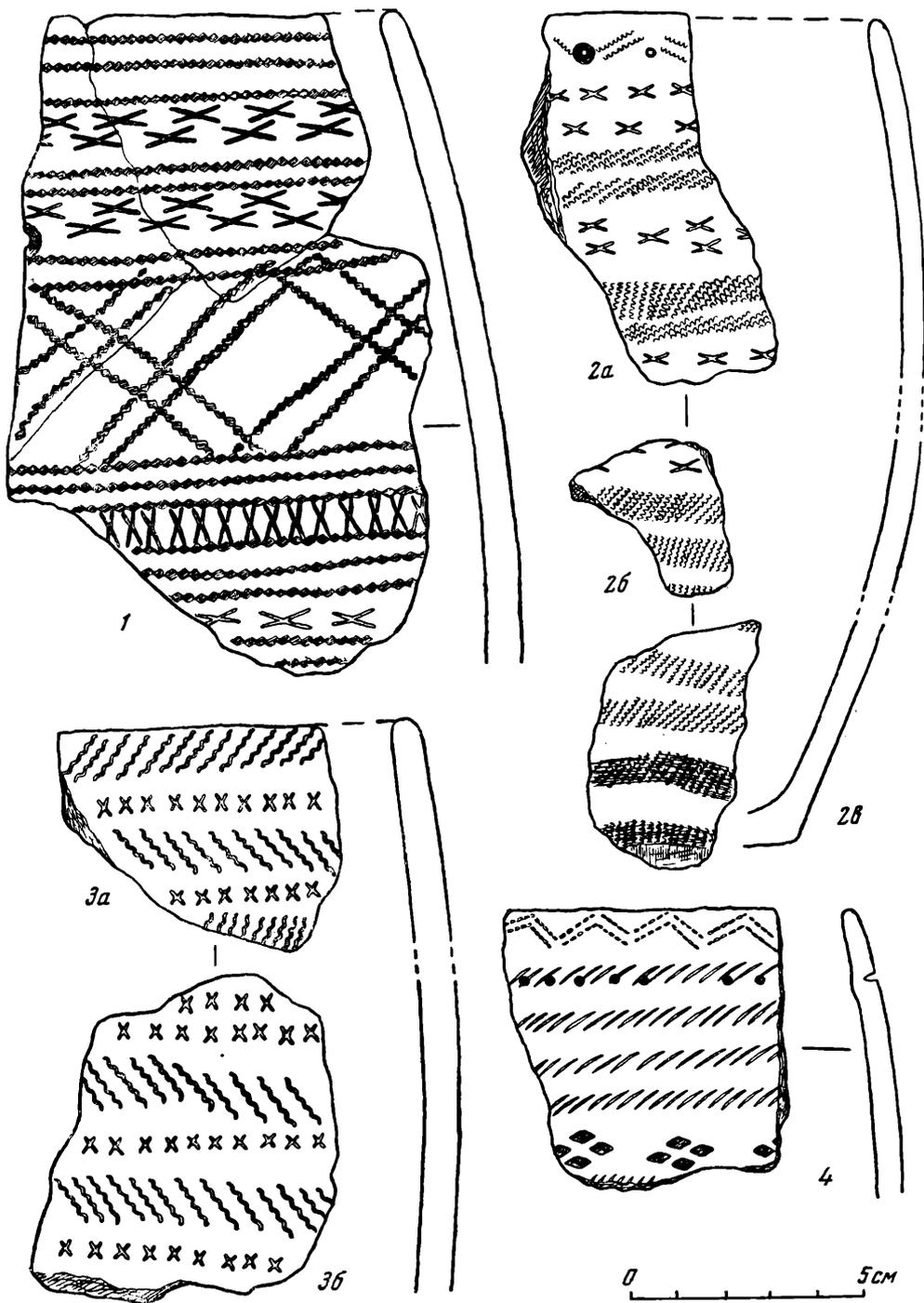

Рис. 29. Керамика Десятковского поселения

1—4 — третья группа

городище¹³) и, наоборот, единичные черепки ирменского типа встречаются в низовьях Чулыма в связи с керамикой второй группы (городище Остяцкая гора, Десятковское поселение). Следует принять во внимание также значительное сходство второй группы десятковской посуды с ирменской по отдельным элементам орнамента (взаимопроникающие резные треугольники и сетчатый пояс на шейке, ряд жемчужин, чередующихся с вдавлениями, в нижней части шейки и т. д.). Все это дает основание синхронизировать вторую группу десятковской посуды с керамикой более южных ирменских памятников и относить ее предположительно к началу I тысячелетия до н. э. В пользу такой датировки свидетельствует также некоторое сходство посуды второй группы — по общему колориту и отдельным элементам орнамента (мелкоструйчатый штамп, косой крест и т. д.) — с керамикой каменогорского типа в Зауралье, которую К. В. Сальников находит возможным относить к началу I тысячелетия до н. э.¹⁴

Посуду третьей группы вряд ли можно считать местной. Скорее всего, она попала на Десятковское поселение из более северных районов Приобья. В пользу северного происхождения керамики третьей группы говорит не только близость ее посуде из раскопок П. И. Кутафьева на Васюгане и Тыме, но и сугубо «лесной» характер орнаментации (отступающая палочка, отступающая гребенка, штамповый орнамент). Ромбический, крестовый и мелкоструйчатый штампы, занимающие очень много места в орнаменте посуды третьей группы, давно уже принято относить к числу лесных орнаментов. Они бытуют в таежном Приобье и лесном Зауралье со второй половины бронзового века до средневековья¹⁵. Появление керамики с такой орнаментацией в низовьях Чулыма обусловлено, видимо, начавшимся в конце бронзового века проникновением северного таежного населения на юг. Это явление могло быть связано со смещением ландшафтных зон к югу, которое сейчас отмечается для этого времени на территории всей Западной Сибири¹⁶. Нам кажется, что керамика третьей группы относится к самому концу бронзового века и одновременна второй группе десятковской посуды.

---

¹³ Сборы Д. П. Славнина (1924—1928 гг.) и других томских археологов. Материал хранится в Томском областном краеведческом музее и в музее Томского университета.

¹⁴ К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, № 2, 1961, стр. 46.

¹⁵ Там же, рис. 5, 20—22; В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957, табл. I, II, V и др.; В. М. Берс. Памятники и керамика гаманской культуры. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, табл. I.

¹⁶ М. Ф. Косарев. Смещения ландшафтных зон и этнокультурные сдвиги в Об-Иртышье. СА, № 0, 1963.

Н. Н. ГУРИНА

РАБОТЫ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ОТРЯДА
КРАСНОЯРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В течение двух полевых сезонов (1961, 1962 гг.) неолитический отряд Красноярской экспедиции¹ под руководством автора производил исследование в районе строительства Красноярской ГЭС. Помимо разведок, позволивших открыть серию неолитических стоянок на участке побережья Енисея, непосредственно примыкающем к плотине и несколько выше ее, отряд провел большие стационарные работы на поселении в устье р. Бирюсы, впадающей в Енисей, в 30 км выше Красноярска. Исследование этого памятника было необходимо, поскольку поселение, содержащее несколько культурных напластований (от палеолита до эпохи бронзы), вследствие близости к Красноярской плотине должно было в конце 1962 г. подвергнуться затоплению².

Оно расположено на стрелке, образованной левым берегом Енисея и правым берегом Бирюсы в том месте, где Енисей, стиснутый горами, достигает большой глубины, и хотя и широк, но не образует ни островов, ни мелей. Берега его, сложенные известняком, почти отвесны, местами выступают остатки 100-метровой террасы.

У Бирюсы, быстрой, изобилующей мелкими порогами, прозрачной таежной речки, в месте впадения — резко расширяющаяся пойма, наиболее широкая на правом берегу и более узкая на левом. Пойма правого берега Бирюсы, шириной до 25—30 м, при высоте 4,5 м, смыкается с более древней аллювиальной террасой, достигающей высоты 11—11,5 м, которая затем переходит непосредственно в древний, коренной берег, сложенный известняками.

Поселение занимало относительно ровную площадку на древней аллювиальной террасе, ограниченной с одной стороны Енисеем, с другой — Бирюсой; высота расположения поселения над современным уровнем реки 11 м.

Район Бирюсы в археологическом отношении известен с 80-х годов прошлого столетия благодаря работам Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества; на средства общества А. П. Еленевым³ в течение нескольких лет производилось исследование пещер, которыми изобилуют скалистые берега Бирюсы и Енисея. Во время раскопок пещер, давших интересные остатки материальной культуры — свидетельст-

¹ Начальник экспедиции М. П. Грязнов.

² Оно лежит в 7 км выше Красноярской плотины.

³ А. Еленев. О бирюсинских и караулинских пещерах. Приложение к «Памятной книжке Енисейской губернии на 1890 г.», Красноярск, 1889; его же. Раскопки близ устья р. Бирюсы в Красноярском округе. Выдержки из письма исследователя. «Известия Вост.-Сиб. отд. Русского географ. об-ва», 1892, т. 23, № 2; его же. Сообщение о бирюсинских пещерах за 1888 г. Там же, 1894, т. 25, № 2—3; его же. Сообщение о бирюсинских пещерах. Там же, 1896, т. 17, № 3—4.

во обитания их древним человеком, А. П. Еленевым в 1890 г. при поисках погребений на площадке берега Бирюсы обнаружено древнее поселение, раскопанное им в 1891 г. Вскрытая несколькими траншеями площадь равнялась 70 кв. м. Было обнаружено три различных культурных слоя, отмеченных исследователем к каменному веку.

В 1926—1927 гг. раскопки поселения были продолжены Н. К. Ауэрбахом и В. И. Громовым⁴, а в 1928 г. с геологической точки зрения они были изучены Г. Ф. Мирчинком и В. И. Громовым⁵. Раскопы 1926—1927 гг. общей площадью 131 кв. м примыкали непосредственно друг к другу и раскопу А. П. Еленева. Обнаружены три культурных слоя, в различной степени насыщенных материалом.

Таким образом, наши работы 1961—1962 гг. были продолжением ранее начатых исследований. Раскоп площадью 184 кв. м удалось связать непосредственно с краем раскопа 1927 г., в результате чего бирюсинское поселение оказалось раскопанным сплошной площадью в 358 кв. м⁶ (рис. 30).

Учитывая, что предшествующими исследователями установлена многослойность памятника, а также исходя из специфики материала, полученного в процессе раскопок (заметная архаика орудий труда, найденных в верхних слоях), нами было обращено особое внимание на вертикальное распределение находок в слое. Для этого земля снималась по всей площади раскопа горизонтами не более 15 см. Вместе с этим был применен и послойный способ — расчищены древние поверхности двух нижних слоев, отделенных друг от друга тонкими глинистыми прослойками⁷. Таким образом, удалось не только четко отграничить находки одного геологического слоя от другого, но и выяснить характер древней поверхности каждого из слоев. Это имело особое значение для понимания нижнего палеолитического слоя, где удалось проследить полностью характер древней поверхности.

Обращает на себя внимание довольно сильное падение всех слоев к северу, свидетельствующее, что древняя поверхность, на которой возник поселок, была наклонна к руслу Бирюсы. Именно этим и следует объяснять некоторое различие в деталях стратиграфии, наблюдаемое в раскопе 1926—1927 гг., с одной стороны, и 1961—1962 гг. — с другой. Следует отметить и волнистый характер древней поверхности слоев, в особенности верхней границы второго слоя, обусловивший неодинаковую мощность одного и того же слоя в разных частях раскопа.

Отвлекаясь от мелких деталей, присущих различным частям раскопа, всю толщу напластований можно разделить на три слоя (рис. 30б).

1) Черный, сильно, гумусированный слой — супесь, в верхней части комковатая, приближающаяся к суглинку. Более пристальное рассмотрение позволяет расчленить ее на два горизонта: верхний, прикрытый растительным покровом, и нижний, несколько более светлый. Оба горизонта разделены светлой прослойкой, весьма расплывчатых очертаний, толщина которой не превышает 10 см.

2) Слой суглинка. В верхней части он отделен от черного слоя тоненькой коричневатой, очень извилистой прослойкой. Цвет суглинка в верхней

⁴ Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов. Материалы к изучению бирюсинских стоянок близ Красноярска. «Палеолит СССР. Известия ГАИМК», вып. 118, 1935, стр. 219—245.

⁵ Г. Ф. Мирчинк и В. И. Громов. Геологические наблюдения над террасами Енисея и Ангары. «Сибироведение», № 5—6, Новосибирск, 1930.

⁶ Прошедшее после 1927 г. время сгладило следы старых раскопов, а площадь поселения оказалась изрытой поздними ямами. Однако наблюдение над характером растительности позволило нам точно определить северный край раскопа, следы которого затем были отчетливо прослежены на дне и стенках раскопа 1961 г.

⁷ Земля снималась по всей поверхности раскопа горизонтами 15 см, однако в местах контакта слоев толщина снимаемых горизонтов иногда равнялась лишь 5—10 см.

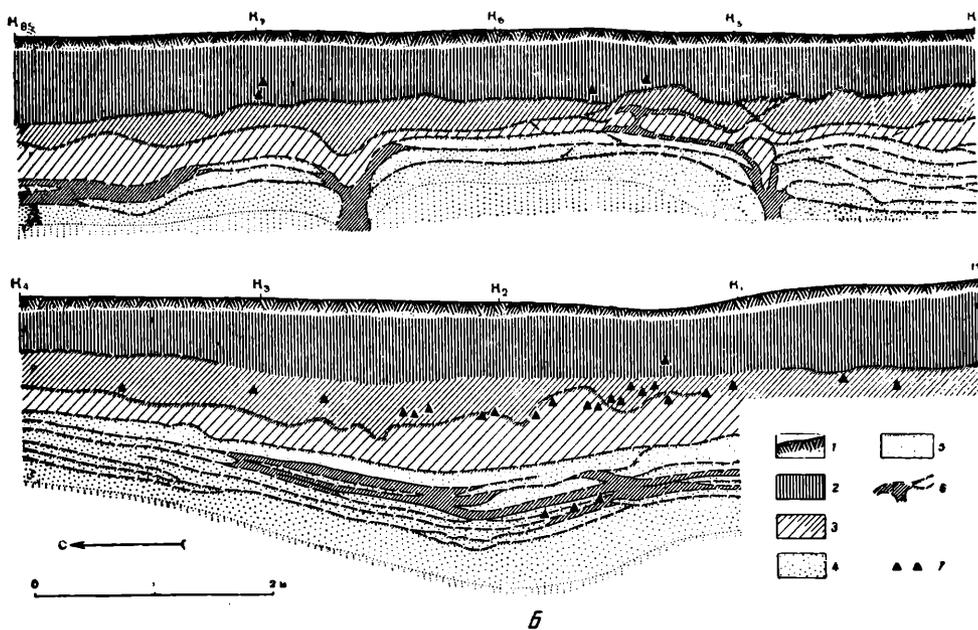
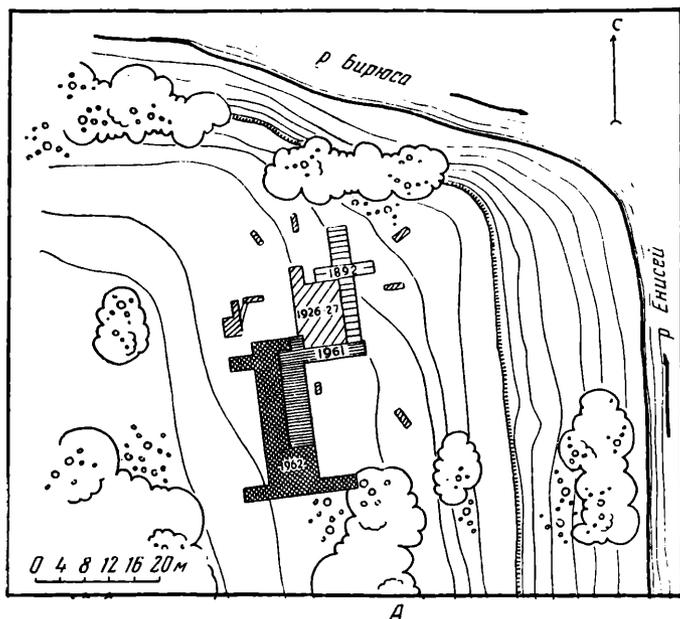

Рис. 30. Бирюсинская стоянка

А — план раскопов; Б — западная стенка раскопа

1 — дерн; 2 — сильно гумусированный суглинок (I слой — неолит); 3 — палевый суглинок (II слой — мезолит); 4 — песок в верхней части слегка суглинистый (III слой — палеолит); 5 — песок; 6 — прослой жирного суглинка; 7 — находки

части палевый, в нижней — несколько темнее. Здесь появляются тонкие очень волнистые прослойки зеленоватого суглинка.

3) Слой супеси, переходящей затем в светло-желтый песок, переслоенный коричневыми узкими прослойками жирного суглинка, прослойками зеленоватого жирного суглинка, тонкими прослойками серого песка и, наконец, углистыми. Все они, кроме углистых, лежат строго параллельно друг другу. На отдельных участках наблюдается сильное их падение, а затем снова крутой подъем, при этом они залегают согласно.

Верхний слой — черная гумусированная супесь — содержит культурные остатки в верхнем и в нижнем горизонтах. На ряде квадратов находки распадаются непосредственно под дерном, хотя и в небольшом количестве.

Во втором слое — суглинке — культурные остатки приурочены в основном к верхнему горизонту, тогда как нижний почти вовсе лишен находок.

В третьем слое — супеси — находки идут не сплошной массой, а почти всегда приурочены к тонким углистым прослойкам, при этом на отдельных участках раскопа (например, в южной его части) прослежено несколько углистых прослоек, залегающих одна над другой.

В процессе раскопок встречено большое количество скоплений очажных камней, приуроченных в основном к нижнему горизонту черного слоя, однако некоторое число их фиксировано и в верхнем его горизонте, и в нижележащих слоях (втором и третьем), при этом характер скоплений камней в верхнем и нижнем слоях различны. В верхних горизонтах скопления составляли мелкие колотые камни, залегающие в большинстве случаев компактной массой, имеющей нередко правильные округлые очертания. В нижнем горизонте черного слоя и на контакте с палевым суглинком камни, слагавшие скопления, были крупнее — преимущественно цельные гальки, причем нижняя часть скоплений углублялась в подстилающий слой и содержала мелкие угольки и золу.

Помимо явно выраженных очажных скоплений камней, во втором горизонте черного слоя встречены остатки двух мастерских по изготовлению орудий труда: несколько плоских камней со следами сработанности, служивших наковальнями, большое количество галек, отщепов и сколов, нуклеусов, заготовок и, наконец, законченных орудий, преимущественно скребел. Обращают внимание крупные орудия архаической формы.

Чрезвычайно многочисленный материал, полученный в процессе раскопок, представлен каменными орудиями, заготовками, нуклеусами и отщепами (рис. 31). В нижнем слое встречены остатки фауны и костяные орудия. В верхнем горизонте первого слоя найден бронзовый нож, а в восточной части раскопа, в яме, обнаружено несколько десятков кусков железного шлака.

Большинство каменных орудий всех слоев изготовлено из окатанных галек различных пород сланца светло-серого, светло-желтого, темно-серого и зеленоватого. Изредка использован кремний и кварцит, исключительно мелкозернистый, также встречаемый в виде галек. Использование галек для подавляющего числа орудий и сближает Бирюсинское поселение с прочими памятниками Сибири. Эта же черта служит связующей для материала всех трех разновременных слоев. Из галек изготовлены и мелкие и крупные орудия. Показателен в этом отношении один из нуклеусов, встреченный в первом слое — небольшая светло-серая, овальная по форме галечка кремнистого сланца, один конец которой уплощен мелкими ударами, а второй сбит сильным сколом, в результате чего образована ровная ударная площадка. Следы отжатых от нуклеуса тонких ножевидных пластин занимают $\frac{3}{4}$ поверхности гальки и только примерно $\frac{1}{4}$ часть ее сохраняет галечную корку. Гальки, использованные для крупных орудий, обработаны в различной степени, однако во всех случаях значительная часть их сохраняет естественную окатанную поверхность.

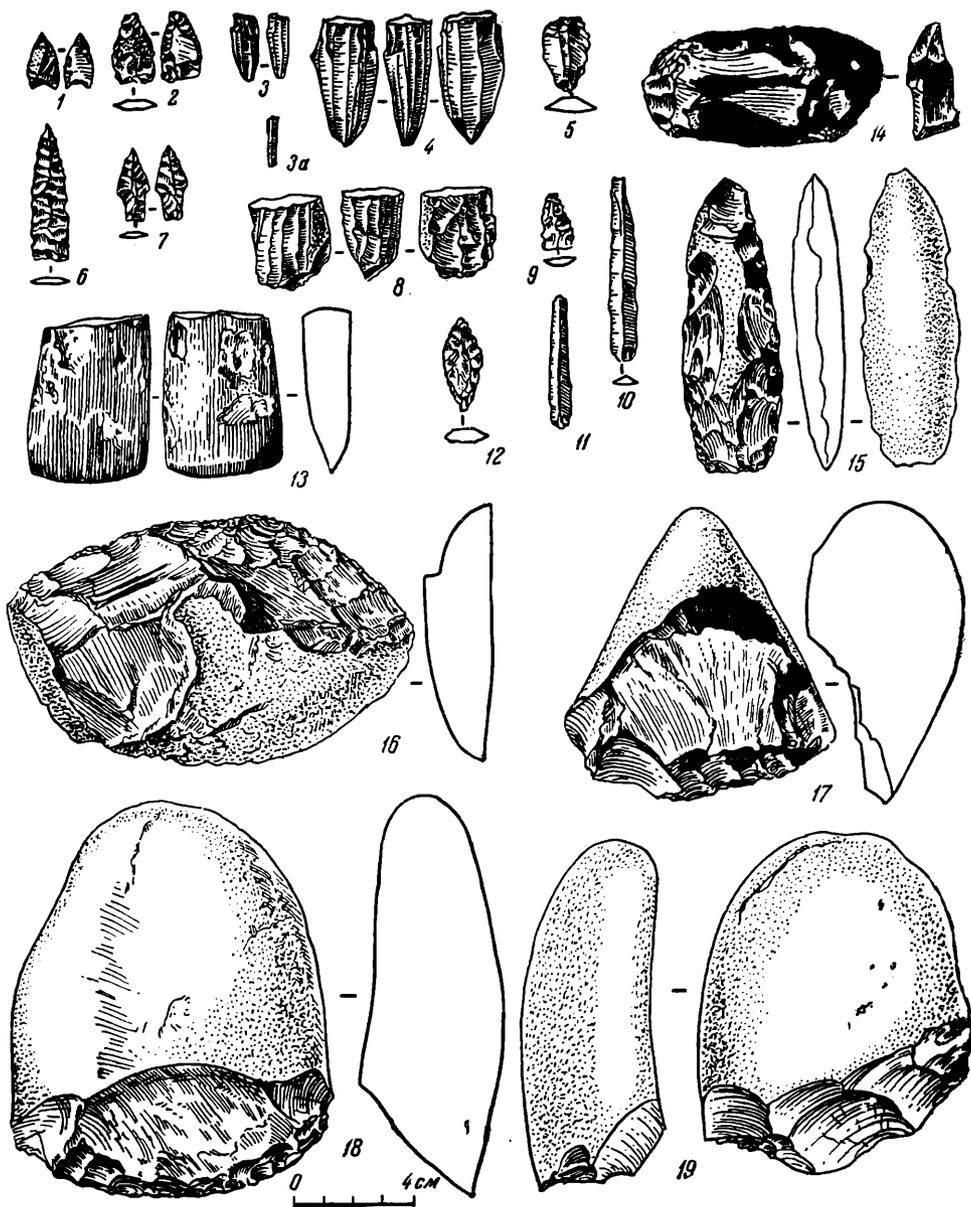

Рис. 31. Каменные орудия первого слоя Бирюсинской стоянки (1—19)

Вторая черта, общая для всех трех слоев Бирюсинского поселения и ряда других памятников Енисея,—это большое количество крупных скребел, преимущественно овальных очертаний. Среди них намечается несколько типов: в большей или меньшей степени вытянутые, то очень крупные, удлиненных очертаний, то совершенно правильной овальной формы. Однако во всех случаях они изготовлены из отщепов, сколотых с галек, обработанных в различной степени. Из галек же сделаны и прочие крупные орудия, в большинстве случаев своеобразной архаической формы.

Орудия обоих горизонтов первого, черного слоя весьма разнообразны. Наряду с крупными, изготовленными из массивных галек, в большей или меньшей степени обработанных, встречается значительное число и мелких

орудий, изредка зашлифованных. Из числа крупных орудий выделяются два основных типа, в одинаковой мере многочисленных: первый — большой величины гальки овальных или подтреугольных очертаний, нередко довольно резко вытянутые. Вся поверхность, за исключением рабочего края, сохраняет галечную корку. Рабочий конец стесан крупными сколами с одной стороны, вследствие чего образовано асимметричное, теслообразное лезвие, или крупными же сколами, но настолько крутыми, что лезвие находится под углом от 70 до 90° по отношению к телу орудия. Место пересечения его с одной из граней подправлено ретушью и часто несет сильные следы сработанности. Второй тип орудий — скребла, изготовленные из массивных округлых отщепов, сколотых с галек. Одна сторона их плоская, сохраняющая раковистость излома, вторая резко выпуклая, обработанная мелкими сколами. Значительно больше скребел второго типа. Они овальные, в большей или меньшей степени уплощенные, почти всегда сохраняющие на одной из сторон галечную поверхность. Округлый рабочий конец оформлен крутой ретушью, тыльная часть орудия не тронута обработкой, гладкая и очень удобна для захвата рукой. Из прочих орудий этого слоя отметим редкие шлифованные тесла, небольшой величины двусторонне обработанные наконечники стрел, большое число призматических и конических крупных и мелких нуклеусов и часто отжатых от них тончайших ножевидных пластинок.

Особо следует отметить керамику (рис. 32), хотя и немногочисленную по сравнению с прочим инвентарем, однако весьма разнообразную. Толщина стенок сосудов средняя, край преимущественно прямой или очень слабо профилирован, цвет темно-желтый, обжиг сильный. Орнамент состоит из мелких близко поставленных друг к другу овальных углублений короткой гребенки, линий, нанесенных отступающим штампом, и редких ямок, сосредоточенных под венчиком. Встречаются отдельные черепки сетчатые и украшенные «шагающей гребенкой». Часть керамики, по-видимому, следует отнести к эпохе бронзы, что согласуется с находкой бронзового ножа раннего типа, в верхнем горизонте первого слоя. Привлекает внимание оригинальный сосуд яйцевидной формы со слегка волнистым краем, округлым дном (рис. 32—16) и тремя налипными ушками (одно из них расположено ближе к дну, два других — к краю), украшенный крупным гребенчатым штампом. Форма сосуда, волнистый край, чрезвычайно оригинальные налипные ушки и характер орнамента позволяют сопоставить его с сосудом серовского типа из погребения у с. М. Мамырь в Прибайкалье⁸ и сосудом из коллекции Иркутского музея⁹.

Второй слой — палевый суглинок — содержит несколько меньше орудий, что стоит, по-видимому, в связи с меньшей мощностью самого слоя. Среди орудий явно преобладают крупные, изготовленные, как и в верхнем слое, из галек, часто с тупым рабочим концом (рис. 33). Скребла более многочисленные, обработаны совершенней — они овальные, тщательно ретушированы по всему краю, много заготовок для них. Шлифованные и двусторонне обработанные орудия и наконечники стрел не встречены, маленькие нуклеусы и соответственно тонкие ножевидные пластинки крайне редки, керамика отсутствует.

Третий слой, состоящий из восьми тонких углистых прослоек — следы периодического кратковременного посещения этих мест человеком, — содержит сравнительно небольшое количество инвентаря, хотя и чрезвычайно интересного, отличного от находок из вышележащих слоев. Помимо камен-

⁸ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 210—211.

⁹ Н. Бортвин. Из области древней сибирской керамики. «Записки Русского археол. об-ва», т. XI, 1915, стр. 183; Витковский. О раскопках могил каменного века в Иркутской губ. в 1881 г. «Труды V АС», стр. 281.

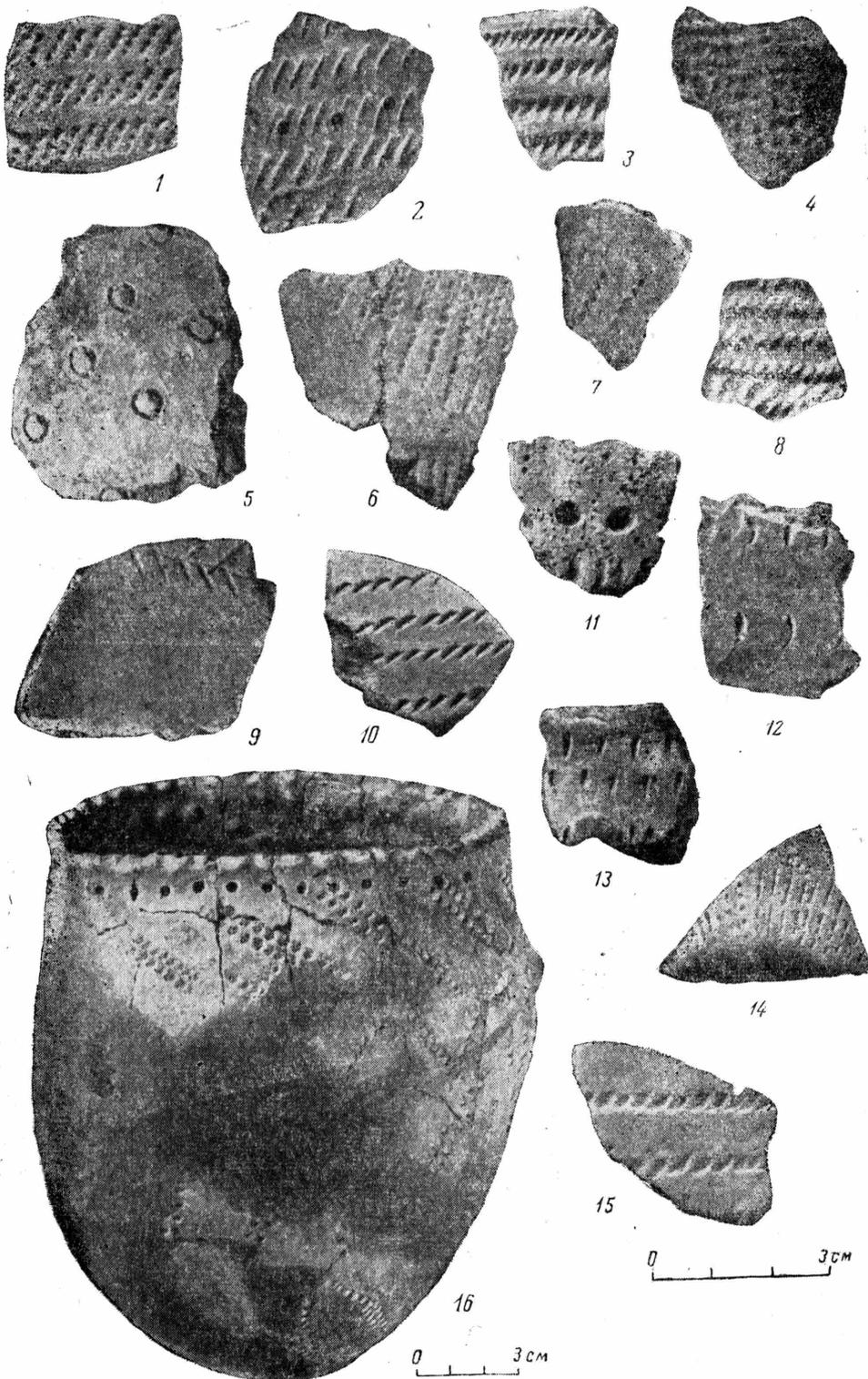

Рис. 32. Фрагменты керамики первого слоя Бирусинской стоянки (1—15) и сосуд «дымокур» из первого слоя (16)

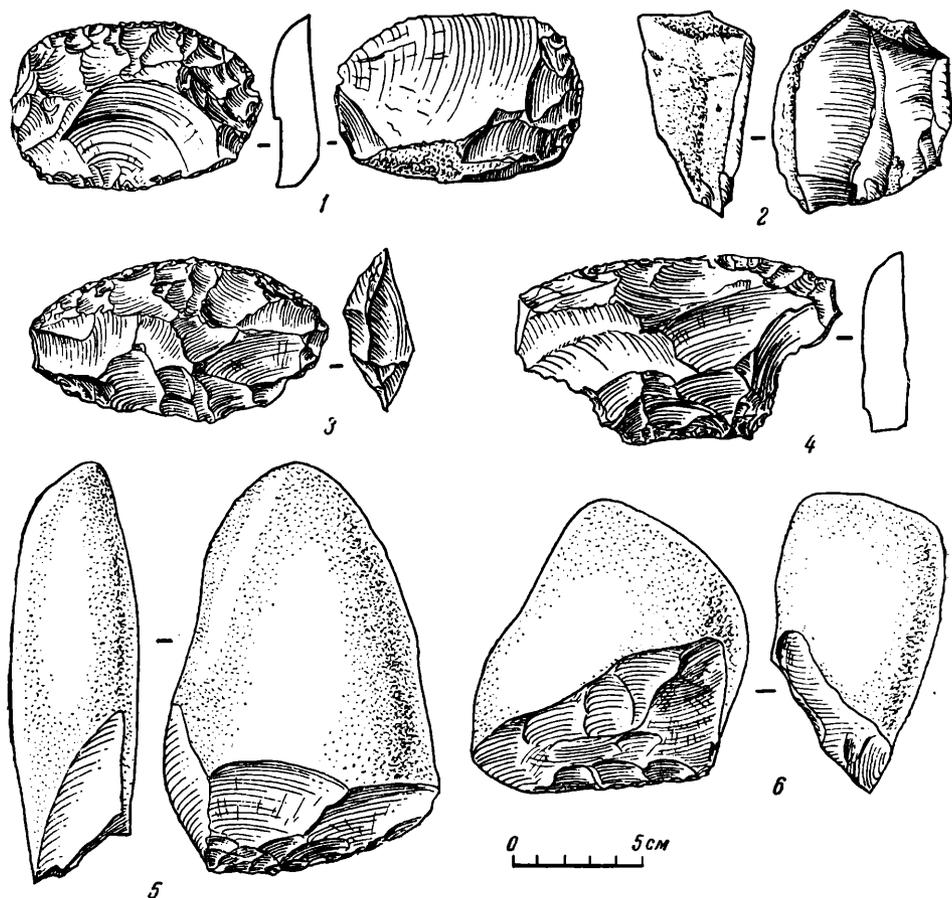

Рис. 33. Орудия из второго слоя Бирюсинской стоянки (1—6)

ных орудий более мелкого размера здесь встречены и костяные, в частности вкладышевые, и три прекрасно сохранившиеся иглы с ушками.

Четкая вертикальная стратиграфия поселения свидетельствует о трех различных геологических слоях, отложившихся на берегу Бирюсы во время обитания здесь первобытного человека. Впервые это место было заселено в позднюю пору верхнего палеолита. Это не была длительная стоянка, подобная ряду стоянок побережья Енисея, известных выше по течению¹⁰. Палеолитические охотники приходили сюда лишь на короткое летнее время, разбивая лагерь непосредственно у воды, охотясь на бизона, северного оленя и зайца (кости их в изобилии найдены на стоянке). Постепенно повышающийся уровень воды в реке заносил очаги и культурные остатки песком, а весенние паводки затем отлагали еще более мощные слои песка и ила. Посещения были многократными; над углистыми прослойками, содержащими культурные остатки, отложился мощный слой песка, чередующийся с прослойками жирного суглинка. С течением времени, по-видимому, к эпохе мезолита, сильные разливы реки прекратились и этот участок побережья уже не покидался людьми. Однако, судя по большой насыщенности верхнего слоя находками, очевидно, наибольшей интенсивности жизнь в поселке достигла в неолитический период (вплоть до эпохи бронзы).

¹⁰ Работы, проводимые палеолитическими отрядами Красноярской экспедиции в районе с. Батини, возглавляемые Э. А. Абрамовой и С. Н. Астаховым.

Если, исходя из характера материала и фауны, а также по аналогии с другими памятниками среднего течения Енисея¹¹, нижний слой Бирюсинского поселения можно датировать поздней порой верхнего палеолита, то вышележащий второй слой суглинка, по-видимому, следует относить к мезолитической эпохе. Несмотря на ряд общих черт, проступающих в отдельных формах его инвентаря, с инвентарем первого, черного слоя (оригинальные крупные орудия из галек, скребла), нельзя не видеть принципиальных отличий. Во втором слое отсутствует керамика, шлифованные и двусторонне обработанные орудия, ничтожно количество мелкого инвентаря и столь многочисленных в верхнем слое маленьких нуклеусов и тончайших отжатых от них ножевидных пластин с идеально правильным ограничением. И даже в самих орудиях, указанных нами в качестве сходных элементов второго и первого слоев,—скреблах и крупных орудиях из гальки—также прослеживаются типологические различия. Не остается сомнений, что верхний слой связан с эпохой неолита и, очевидно, в некоторой части — с ранней бронзой.

Таким образом, поселение Бирюса с ее четкой стратиграфией, прослеженной на большой площади, это ценнейший источник для представления о процессе развития материальной культуры древних обитателей Енисея. Оно может служить как бы исходным для понимания целой серии памятников Красноярского края, и в частности открытых экспедицией на побережье Енисея, выше и ниже устья Бирюсы (Бирюса II, Шумиха, в устье р. Дербинки и др.), оригинальный характер инвентаря которых может быть осмыслен лишь с привлечением материалов Бирюсинского поселения.

Остается затронуть один принципиальный вопрос: чем объяснить известную архаику в формах каменного инвентаря верхнего, неолитического слоя памятника? Ответ на него важен в общем плане, в связи с высказываемыми ранее разноречивыми мнениями исследователей. Следует ли рассматривать неолитическую культуру племен Приенисейского края как застойную, в силу естественной изоляции их от соседних племен¹², или можно признать, что такой замкнутости не существовало и развитие их культуры протекало так же, как и развитие культуры соседних племен¹³? Особенно убедительно в защиту последнего положения выступил А. П. Окладников, посвятивший данному вопросу специальную статью¹⁴. Оценивая бирюсинские материалы с этих позиций, можно сказать, что впечатление, которое может сложиться в пользу первого утверждения при взгляде на известную архаичность некоторых орудий неолитического слоя, необоснованно. Подобные формы, их своеобразие обусловлены галечным характером материала, послужившего сырьем для изготовления орудий (в частности, скребел). По-видимому, основная часть неолитических племен сложилась на местной основе. Их культура впитала в себя в большой мере традиции предшествующих поколений, и, таким образом, удачно найденная форма орудий продолжала жить в последующих культурах—явление, весьма распространенное и для других территорий. Однако наряду с этими примитивными на первый взгляд формами бытовали и высокосовременные по обработке двусторонние наконечники стрел, часто миниатюрных размеров,

¹¹ З. А. Абрамова. Раскопки палеолитических стоянок на речке Таштык в 1960 г. КСИА АН СССР, вып. 92, 1962, стр. 65—70.

¹² G. Merhart. Neue Literatur über die Steinzeit Sibiriens. «Wiener Prähist. Zeitschrift», XI, fasc. 2, 1924; его же. Sibirien Neolithikum Raallexikon d. Vorgeschichte. Ibid., XII; его же. Bronzezeit am Ienissei. Wien, 1926; Б. Э. Петри. Древнее прошлое Прибайкалья (научно-популярный очерк). Иркутск, 1948; его же. Сибирский неолит. Иркутск, 1926.

¹³ В. Г. Карцев. Материалы к археологии Красноярского района.—Гос. музей Приенисейского края. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археол. Красноярск, 1929.

¹⁴ А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея. СА, № 1, 1957, стр. 26—55.

шлифованные орудия и, вероятно, многочисленный костяной инвентарь. Некоторые типы орудий, и в особенности керамика, показывают несомненную близкую связь неолитических обитателей Бирюсы с прибайкальскими и уральско-прикамскими племенами. Так, орнаментация керамики отступающим штампом, узором из близко поставленных мелких овальных вдавлений и оригинальный сосуд с ушками совершенно тождественны прибайкальским, а своеобразная композиция гребенчатого штампа и «шагающая гребенка» весьма типичны для уральской керамики.

Изучение большого материала, в частности залегающего в двух горизонтах верхнего слоя Бирюсинского поселения, позволит в дальнейшем разделить хронологически неолитический комплекс на более ранний и более поздний. Однако сейчас уже очевидно, что значительная часть его может быть сопоставлена с материалом серовского этапа в Прибайкалье и датироваться, таким образом, согласно схеме А. П. Окладникова, концом IV—III тысячелетием до н. э. Исследованный памятник позволит также глубже изучить мезолитическую эпоху, специфические особенности которой для Сибири стали улавливаться лишь в самое последнее время¹⁵, и понять генезис неолита. Наконец, поселение Бирюса способно послужить и ценным источником для решения проблемы этнической истории древних племен Енисейского края.

---

¹⁵ А. П. Окладников. К вопросу о мезолите Азиатской части СССР; Г. И. Медведев. К вопросу о мезолите Прибайкалья — тезисы докладов, прочитанных на совещании по мезолиту в январе 1962 г. в Ленинграде.

Г. И. АНДРЕЕВ

ИССЛЕДОВАНИЯ В БУХТЕ ВАЛЕНТИН

В 1961 г. в районе бухты Валентин (Лазовского района Приморского края) было известно довольно много поселений различного времени. Одни из них (Валентин-перешеек, поселение в бухточке Тихой) располагаются на самом берегу моря, другие (поселения в Валентиновке, на кладбище, у песцефермы, близ пасеки и др.) — в долине речушки, сравнительно далеко от берега¹. На некоторых лишь собран материал, а на таких, как поселение Валентин-перешеек и на кладбище, произведены раскопки, в результате которых добыты значительные по количеству и важности материалы. В 1961 г. в бухте Валентин обнаружены новые памятники. Один из них расположен близ устья речушки, впадающей в бухту, другой — в бухточке «Колхоз». Раскопки велись на поселении Валентин-перешеек — одном из важнейших памятников в этой бухте. В результате сборов и раскопок 1958—1960 гг. здесь обнаружен разнообразный материал, позволивший несколько по-новому осветить ряд вопросов ранней истории Приморья. Здесь поражает прежде всего обилие орудий типа мотыг² (рис. 34—2). Известные ранее мотыги из Приморья³ происходили большей частью или из плохо документированных сборов или из случайных находок⁴, а здесь на сравнительно небольшой площади⁵ их встречено около сотни⁶. Такое обилие мотыг наблюдается, по-видимому, и на других памятниках восточного Приморья⁷, но, к сожалению, нам неизвестны условия, в которых эти орудия найдены. В связи с тем, что часть орудий носит на себе следы работы, типичные только для мотыг, мной был сделан вывод о сельскохозяйственном характере поселения Валентин-перешеек⁸, кото-

¹ Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Отчет об археологических исследованиях Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции ИИМК АН СССР в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края в 1958 г. Архив ИА АН СССР, дело 1777, стр. 9—11. См. также: Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 г. КСИА АН СССР, вып. 88, 1962, стр. 93.

² Определение функционального назначения орудий этой категории произведено С. А. Семеновым, которому, пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность.

³ Некоторые называют их плечиковыми топорами. См., например: В. Е. Ларичев. Стоянки культуры раковинных куч в районе бухты Тетюхе. СА, № 1. 1958, стр. 144.

⁴ А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии до н. э. По материалам поселений с раковинными кучами. СА, XXVI, 1956, стр. 76, 79, рис. 16, 5.

⁵ В 1958—1960 гг. было вскрыто лишь 144 кв. м.

⁶ Г. И. Андреев. Отчет о работах в Приморье Прибрежного отряда Дальневосточной археологической экспедиции. Архив ИА АН СССР, 1960, дело 2074. Отметим, кстати, что в 1961 г. только целых мотыг различных типов обнаружено более двухсот. Мотыгам из поселений Валентин-перешеек и в бухточке «Колхоз» будет посвящена специальная статья.

⁷ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток, 1959, стр. 129.

⁸ Г. И. Андреев. Археологические исследования на южном и восточном побережье Приморья в 1960 г. КСИА АН СССР, вып. 93, 1963, стр. 113.

рое, судя по всему комплексу орудий и керамики, существовало раньше поселений южноприморской культуры, обнаруженных в последние годы и в восточных районах Приморья⁹. Два последних положения очень важны для уточнения времени появления земледелия в Приморье, так как его распространение здесь связывали обычно с расселением племен — носителей

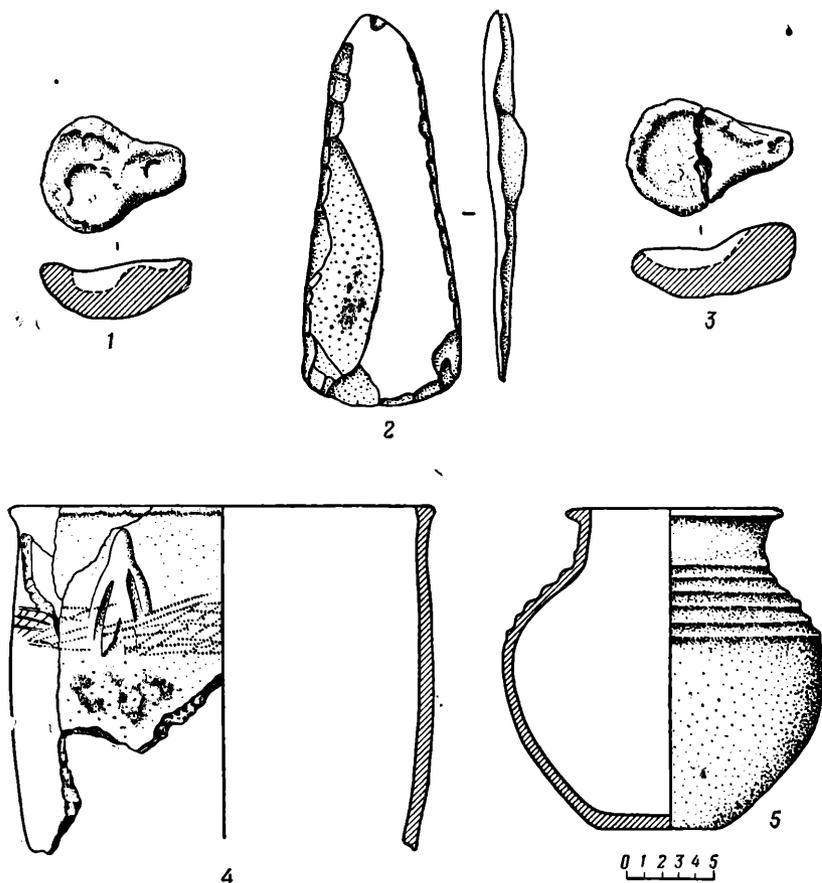

Рис. 34. Изделия из глины и камня со стоянок в бухте Валентин

1, 3 — глиняные льячки; 2 — каменная мотыга; 4, 5 — сосуды (1 — 4 — Валентин-перешеек, 5 — устье реки)

южноприморской культуры (культура раковинных куч, по А. П. Окладникову)¹⁰. Из сказанного выше следует, что земледелие в Приморье появилось раньше проникновения сюда племен — носителей южноприморской культуры. Само продвижение их в какой-то степени было, видимо, обусловлено стремлением занять земли, на которых трудились местные земледельцы, занимавшиеся к тому же собирательством, охотой, рыболовством и знакомые, как мы увидим ниже, с металлом. У нас нет, следовательно, сколько-нибудь серьезных оснований связывать появление земледелия в Приморье с проникновением сюда южноприморской культуры и еще меньше оснований приписывать носителям ее ту революционизирующую

⁹ Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Работы Прибрежного отряда, стр. 95.

¹⁰ А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии до н. э., стр. 91—92; его же. Далекое прошлое Приморья..., стр. 144.

роль, которую они будто бы сыграли в истории Приморья¹¹. Таков один из важнейших выводов, который можно было сделать после работ 1958—1960 гг.

Среди материалов из раскопок 1960 г. большое значение имеют не только мотыги, но и другие категории орудий, которые следует связывать с бронзолитейным производством¹². О важности этих предположений можно судить уже хотя бы потому, что металлургия бронзы в Приморье отрицалась с начала археологических исследований¹³ и до последнего времени¹⁴.

В 1961 г. была поставлена задача по мере возможности продвинуть решение этих двух важнейших вопросов (о земледелии и металлургии). От их решения зависит правильное понимание истории Приморья в древности.

В 1961 г. раскопки на поселении Валентин-перешеек были расширены и общая площадь, вскрытая за 1959—1961 гг., достигла 544 кв. м. В 1961 г. найдена глиняная льячка (рис. 34 — 3), не бывшая в употреблении, очень сильно ошлакованный кусочек другой льячки и фрагмент ручки третьей, а при зачистке дна раскопа встречена и целая льячка, ошлакованная почти полностью (рис. 34 — 1). Как показал спектральный анализ ошлакованной поверхности льячки, основной процент содержания металлов в шлаке падает на железо, а прочие элементы находятся или в очень незначительных количествах или в следах¹⁵. По мнению химиков и металлургов, столь высокий процент присутствия железа в шлаке объясняется, с одной стороны, большим содержанием железа в руде, а с другой — содержанием его в глине, из которой сделаны льячки. Бесспорно, во всяком случае, факт местного производства металлических изделий в Восточном Приморье уже во II тысячелетии до н. э.

В связь с металлургией следует, по-видимому, поставить также такие категории орудий, как терочки и терочные плиты, обнаруженные на поселении Валентин-перешеек в большом количестве. С. А. Семенов, осматривавший большую серию плит и терочников, пришел к мнению, что часть их употреблялась для растирания руды, при добыче которой могли использовать и орудия, близкие по форме мотыгам (наиболее массивные и разбитые). Наличие таких «мотыг», терочных плит и терочников, льячек, случайные находки бронзовых предметов и, наконец, отсутствие данных о литье железа во II тысячелетии до н. э. позволяют сделать предположение, что литье могли или медь или бронзу, а следовательно, предположить местное бронзолитейное производство.

Очень интересна находка (1961 г.) обломков сосуда, украшенного рельефными фигурками людей (рис. 34 — 4). Сосуд собран не полностью, но его форма графически реконструируется достаточно хорошо. Он слабо профилирован, венчик прямой, лишь несколько отогнутый наружу, стенки слегка расширяются, шейка отсутствует, дно небольшое. При подборке сосуда фигурки подклеились и по расстоянию между ними (зная диаметр сосуда) можно определить, что их было четыре. Две найденные фигурки, а также пространство между ними покрыты пересекающимися под разными углами отпечатками гребенчатых или зубчатых штампов, напоминающими ячеи сети. Это дает возможность предположить, что изображен процесс

¹¹ А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии..., стр. 91—92; его же. Далекое прошлое Приморья, стр. 131—144.

¹² Ю. С. Гришин и Б. Г. Тихонов. См. протокол заседания сектора неолита и бронзы Института археологии АН СССР от 1961 г.

¹³ Наиболее четкое обоснование отсутствия памятников эпохи бронзы находим у В. К. Арсеньева (Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края — «Записки Приамурского отд. имп. Об-ва востоковедения», вып. 1, 1912, стр. 32).

¹⁴ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья..., стр. 152.

¹⁵ Анализ был сделан в лаборатории Института археологии АН СССР Е. Н. Черных.

рыбной ловли сетями и что сосуд имел, по-видимому, культовое назначение. Находки с изображениями подобного рода мне не известны.

Разведками и раскопками 1958—1959 гг. в восточных районах Приморья открыто довольно много памятников (Лазо-курган, Красная скала,

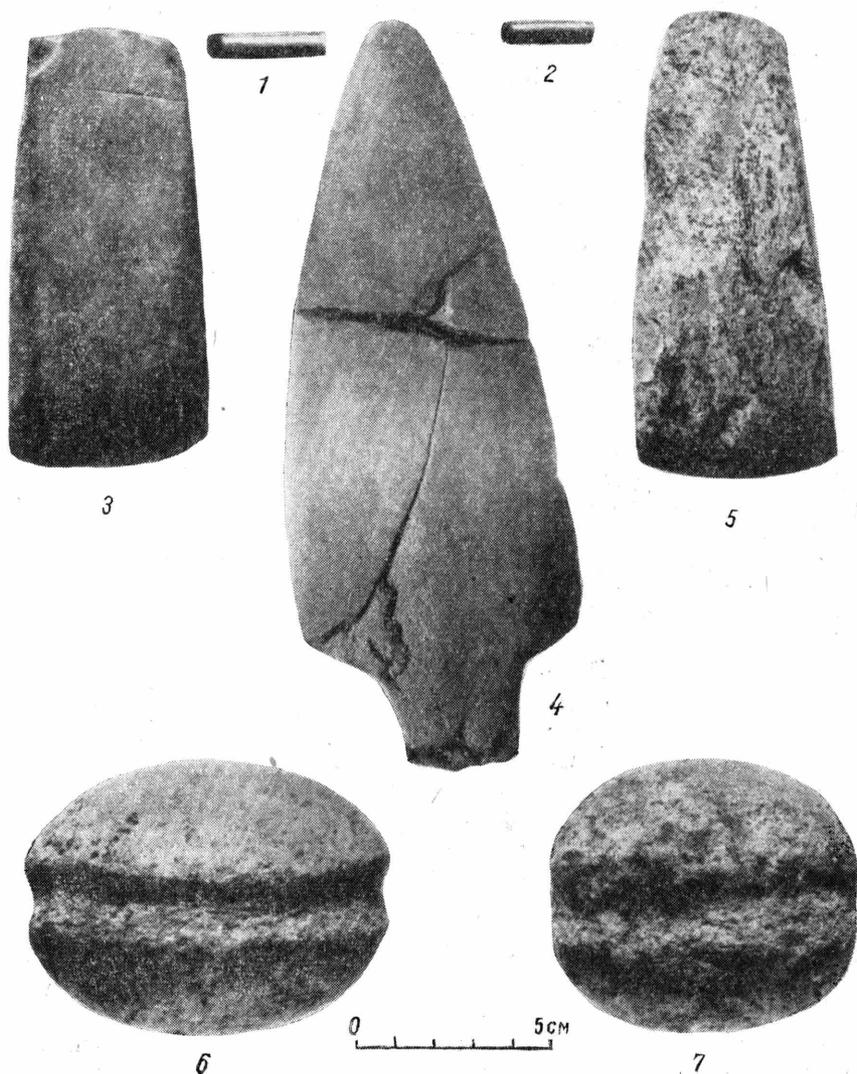

Рис. 35. Орудия и украшения из камня. Стоянки в бухте Валентин
1, 2 — бусы; 3, 5 — тесла; 4 — наконечник копья; 6, 7 — грузила

Валентиновка, поселение на кладбище близ Валентиновки и т. д.), выделенных нами по ряду признаков в особую группу — группу поселений типа Валентиновки, хронологически близкую памятникам южноприморской культуры¹⁶.

В 1961 г. нам доставлены обломки посуды, грузила, тесло и наконечник копья, обнаруженные при добыче камня. Место, где найдены вещи,

¹⁶ Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Работы Прибрежного отряда..., стр. 97—98; Ж. В. Андреева. Опыт периодизации археологических памятников Восточного Приморья (по материалам Ольгинского и Лазовского районов). Автореферат канд. дисс. М., 1962, стр. 9.

расположено в 400 м к северо-западу от поселения Валентин-перешеек, на северном склоне сопки, обращенном к долине, у самой речушки, впадающей поблизости в море. При осмотре места находки произведена небольшая зачистка обнаженного участка, в результате которой обнаружено еще одно тесло, грузило, две каменные бусы и обломки керамики.

Все собранные обломки керамики принадлежали одному сосуду, который удалось восстановить. Это небольшой плоскодонный сосуд с резко отогнутым венчиком, хорошо выраженной шейкой и выпуклым туловом. Переход от дна к тулову плавный (рис. 34—5). Высота сосуда 18 см, диаметр горла 12,5 см, диаметр дна 7,7 см, высота шейки 2,7 см. Орнаментальный пояс, состоящий из пяти горизонтально расположенных желобков (Ж. В. Андреева называет этот орнамент желобчатым и желобчато-валиковым¹⁷) начинается по линии перехода от шейки к тулову и спускается вниз.

Все остальные предметы сделаны из камня. Наконечник копья из серого сланца (рис. 35—4) доставлен в обломках. Черешок поломан еще в древности и от него сохранилась лишь небольшая часть (около 2,5 см). В древности же поломано и острие пера. И перо и черешок наконечника тщательно отшлифованы. Оба «лезвия» хорошо заточены, но повреждены в результате употребления орудия. Толщина черешка не превышает 6 мм, примерно такой же толщины и перо. В сечении черешок подпрямоугольный с закругленными углами, перо линзовидное. Общая длина сохранившейся части наконечника копья — 19,3 см, наибольшая ширина пера — 7,1 см, ширина черешка 3,3 см.

Тесла (2 экз.). Одно из них, сделанное из породы типа роговика, прямоугольной в плане формы, хотя и невелико по размерам, но довольно массивно (рис. 35—3). Одна из широких и одна из узких граней, а также лезвие и обухок хорошо отшлифованы; на других же гранях сохранились следы первоначальной обработки в виде различной величины сколов. Лезвие, заточенное асимметрично, испещрено выбоинами, образовавшимися в процессе работы. Длина орудия 11 см, наибольшая ширина 5,2 см, наименьшая (у обушка) — 4 см, толщина 2 см. Второе тесло трапецевидной в плане формы, сделано из метаморфического сланца (рис. 35—5). Некогда оно было превосходно отполировано. В настоящее время полировка сохранилась на всех гранях и поверхностях, но не везде достаточно хорошо. На лезвии хорошо видны следы работы по дереву. Общая длина орудия 12 см, наибольшая ширина 5,2 см, наименьшая — 3,3 см, толщина 1,2 см.

Грузила (рис. 35—6, 7). Все три одного типа — желобчатые и отличаются лишь размерами и весом. Делались они из овальных массивных морских галек, по длинной оси которых выбивался желобок для удобства привязывания. Ширина желобков 12—13 мм, глубина 3 мм¹⁸.

Бусы (2 экз.) каменные, зеленовато-голубоватые, почти цилиндрические (слегка лишь уплощенные), с несколько скошенными внутрь краями, в результате чего в плане бусы как бы трапецевидные. Несколько бóльшая по размерам бусина (рис. 35—1) имеет в длину 3,3 см, «диаметр» 7 и 8 мм. У второй бусины длина 2,7 (2,6) см, «диаметр» 7 и 5 мм. Диаметр отверстия у той и другой 4 мм.

Ознакомление с комплексом вещей позволяет предположить здесь остатки разрушенного погребения. Эту же мысль косвенно подтверждает то обстоятельство, что все находки располагались на очень небольшом участке. На поселениях на равной площади обычно находят обломки нескольких сосудов, которые, как правило, подбираются с трудом или вообще не подбираются. Здесь же все фрагменты принадлежали лишь одному

¹⁷ Ж. В. Андреева. Опыт периодизации..., стр. 10; Г. И. Андреев и Ж. В. Андреева. Работы Прибрежного отряда..., стр. 98.

¹⁸ Размеры грузил: 1-е: длина 93 мм, ширина 77 мм, толщина 62 мм; 2-е: 88 × 66 × 56 мм; 3-е: 75 × 62 × 48 мм.

сосуду, который удалось восстановить. Отсутствие костных остатков в данном случае не может служить убедительным аргументом хотя бы потому, что кости на Приморских памятниках, как правило, почти не сохраняются¹⁹.

Находки, описанные выше, позволяют уточнить форму сосудов с желобчатым орнаментом, дают представление о наконечниках копий и бусах с поселений типа Валентиновки. До сих пор они не были известны на других памятниках этой группы. Обнаружение, например, бус в данном комплексе позволяет более уверенно говорить о хронологической близости поселений типа Валентиновки памятникам южноприморской культуры. В последних находки подобных бус, особенно в памятниках второго этапа, довольно часты²⁰.

Исследования в бухте Валентин показали, что эта бухта и ее окрестности богаты замечательными археологическими памятниками ранней истории Приморья.

---

¹⁹ Я сознательно опускаю при этом раковинные кучи южноприморской культуры, в которых вследствие их «цементированности» кости рыб, животных и человека сохраняются превосходно. См. В. П. Маргаритов. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близ р. Сидеми. «Записки Об-ва изучения Амурского края», 1887; Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культуры раковинных куч. СА, 1958, № 4, стр. 18—21.

²⁰ Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культуры раковинных куч..., стр. 17.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА ТРОСТЕНСКОМ ОЗЕРЕ

В северо-западных районах Московской области памятники неолитического времени встречаются крайне редко. Тем более интересны новые находки близ Тростенского озера в верховьях р. Озерны в районе с. Городище. В 1961 г. школьниками Никольской школы, проводившими обследование долины реки под руководством краеведа М. В. Нечаева, на выбросе из дренажных канав торфоразработок обнаружены кремневые орудия, изделия из кости и керамика неолитического времени. Торфоразработки расположены в пойме правого берега Озерны, в 200—300 м к западу от пересечения ее шоссе Ново-Петровское — Руза. Об этой стоянке была помещена в свое время небольшая информация в местной газете¹. Разведочным отрядом Московской экспедиции ИА АН СССР, работавшей под руководством А. Ф. Дубынина, в 1962 г. в том же районе, в 300 м к востоку от с. Городище открыта еще одна неолитическая стоянка. Она расположена на мысу, образованном р. Озерной, впадающим в нее ручьем и берегом Тростенского озера. По характеру местоположения эта стоянка близка поселению, открытому М. В. Нечаевым. Она размещается на минимальной высоте по отношению к уровню воды в Тростенском озере, и культурный слой ее также перекрыт торфом и заболочен. На прилегающем участке мыса, сложенном из суглинков и в настоящее время распаханном, были собраны кремневые орудия, отщепы и неолитическая керамика. Эти находки распространялись преимущественно вдоль берега Тростенского озера и вдоль канала, соединившего ручей, впадающий в р. Озерну, непосредственно с озером. Протяженность участка, на котором встречаются находки, в направлении с запада на восток — около 150 м. В сторону от поймы реки и от озера в направлении с севера на юг находки распространяются на 50 м. Максимальная высота расположения их над уровнем воды в озере не более 1,5 м. Следует отметить связь стоянки с ручьем. При осмотре противоположного (левого) берега р. Озерны напротив с. Городище, проведенном разведочным отрядом той же экспедиции несколько лет назад, не обнаружено там неолитических памятников, и хотя вся пойма была изрезана дренажными канавами, выброс из них не содержал никаких археологических находок.

Собранный на стоянке кремневый инвентарь (35 предметов) изготовлен из разноцветного валунного кремня. Даже при небольшом составе коллекции можно отметить количество орудий, разнообразие их форм и высокую технику обработки. Из трех наконечников дротиков два листовидной формы (рис. 36—1) и один ромбический (рис. 36—2). В сечении наконечники близки к овалу. Изготовлены они на крупных отщепах и с обеих сторон обработаны плоской ретушью, а на листовидном наконечнике при тщательной обработанной перовой части следует отметить обработку основания

¹ К. Громов. У юных мелиораторов. Газета «За передовой опыт», 3 марта 1962 г.

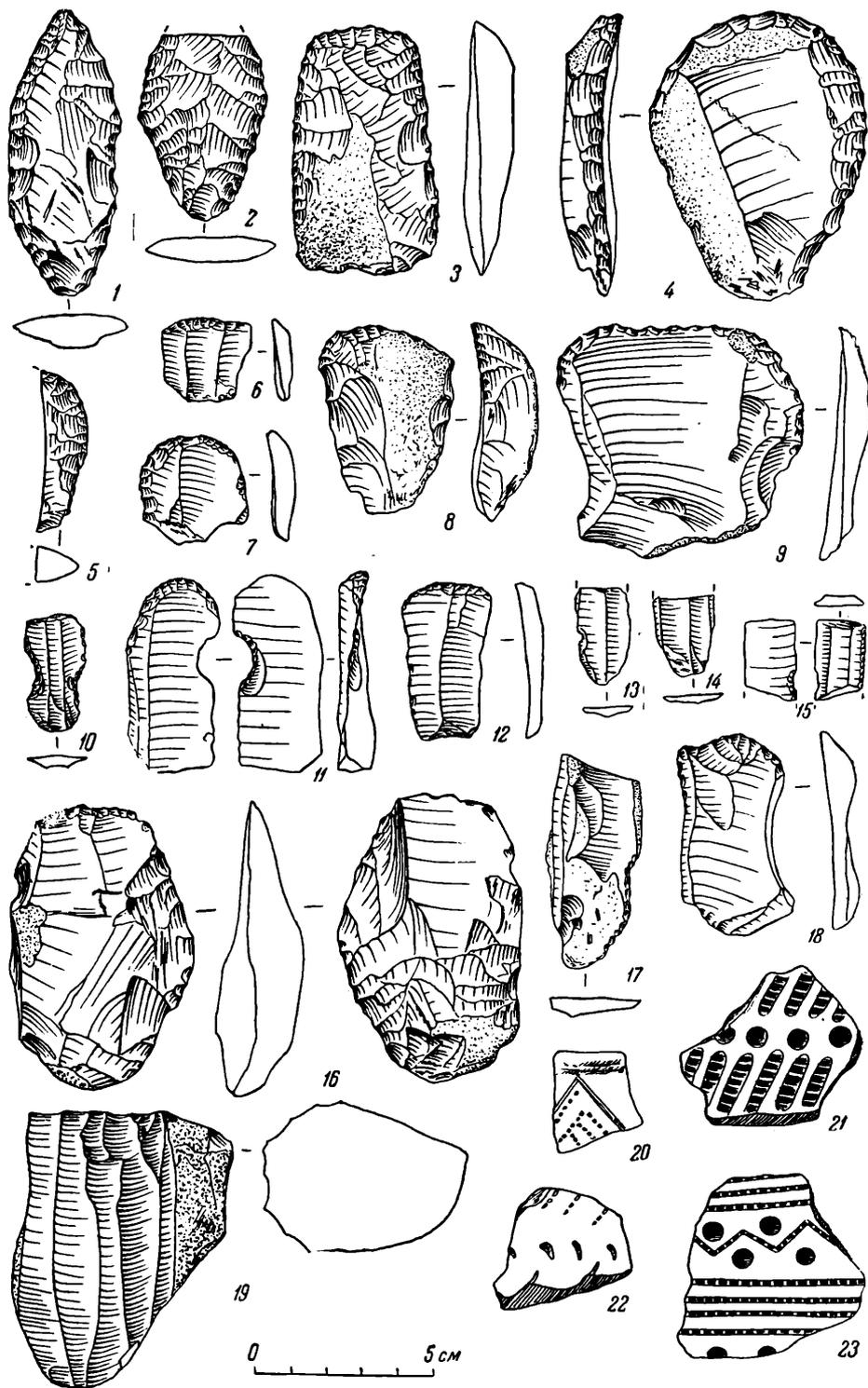

Рис. 36. Находки со стоянки у Тростенского озера
 1 — 19 — изделия из кремня; 20 — 23 — керамика

более грубую, крупными сколами со следами заломов. Длина наконечников 6—7 см. Скрепки — наиболее многочисленная и разнообразная группа орудий (12 экз.). Они различны по технике выделки, форме и размерам. Большая часть из них изготовлена из крупных (до 8 см) массивных первичных отщепов, сохранивших корку. Они подтреугольной (рис. 36—4, 8) или близкой к прямоугольной формы (рис. 36—3), с соответственно дугообразным, скошенным или прямым рабочим краем, тщательно обработанным со стороны спинки крупной плоской ретушью, иногда со вторичной подправкой. На боковых гранях некоторых орудий есть притупляющая ретушь. Есть скрепки на небольших плоских отщепах округлых форм (рис. 36—7) и скрепки на концах ножевидных пластин (рис. 36—6, 12). Один из концевых скрепков имеет боковую выемку, подправленную ретушью со стороны брюшка (рис. 36—11). Вероятно, это комбинированное орудие — скребок-скобель. По-видимому, к скрепковидным орудиям следует отнести изделие на широком плоском отщепе с краевой ретушью со стороны спинки (рис. 36—9). Интересны скобель на ножевидной пластине с двумя отретушированными выемками на противоположных сторонах (рис. 36—10), массивное орудие, обработанное крупными сколами с обеих сторон, утоньшенное по рабочему краю и подправленное ретушью (рис. 36—16) и обломок двусторонне обработанного плоской ретушью овального в сечении предмета (рис. 36—5). Найдены крупный призматический нуклеус с четким негативом сколотых пластин (рис. 36—19), ножевидные пластины и отщепы кремня, часть из которых подретуширована по краям (рис. 36—13—15, 17). Все эти предметы свидетельствуют не только о разнообразии инвентаря, но и о том, что это не случайное местонахождение, а древняя стоянка, на площади которой и производилось изготовление орудий. Найденная здесь, правда в незначительном количестве и очень фрагментарная керамика (рис. 36—20—23) дает представление о сосудах, выделанных из глины с примесью дровя, слабо обожженных, орнаментированных ямочным (белемнитным) и гребенчатым орнаментом.

Судя по находкам, это поселение ориентировочно можно датировать II тысячелетием до н. э. Несмотря на небольшой объем коллекции, материал этот определенно интересен, тем более, что сведений о неолите в районе Тростенского озера до сих пор не было. То обстоятельство, что культурный слой стоянки залегает в торфе, который служит своеобразной консервирующей средой не только для кремневых орудий и керамики, но и для изделий из кости и дерева, открывает большие перспективы для дальнейшего исследования.

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ

СТОЯНКА СЕЛЬЦО НА ОЗЕРЕ НЕРО

Неолитические памятники района, расположенного к югу от среднего течения Волги и к северу от р. Клязьмы на территории современной Ярославской области, почти не упоминались в археологической литературе. Условно эта территория введена в область распространения волго-окских культур с ямочно-гребенчатой керамикой, так как слабая изученность этих памятников не позволяла относить их к какой-либо определенной неолитической культуре¹.

Между тем в музеях Переславля-Залесского, Ростова, Ярославля хранятся материалы с неолитических стоянок, некогда занимавших берега озер Плещеево, Вашутино, Сомино, Неро и др. В последние годы в связи с работами Верхне-Волжской экспедиции Института археологии АН СССР открыты и обследованы новые неолитические стоянки, при этом на многих из них обнаружены смешанные комплексы, содержащие материалы времени неолита, бронзы и раннего железа².

Без изучения этих памятников невозможно решить многие вопросы, связанные с историей племен Волго-Окского междуречья в III—II тысячелетиях до н. э. В настоящей заметке публикуется материал стоянки Сельцо (Сулость), одного из многочисленных памятников, расположенных в бассейне озера Неро, открытых в разное время и очень неравномерно обследованных. Помимо известной Уницкой стоянки, частично раскопанной Д. Н. Элингом в 1926—1929 гг. и Верхне-Волжской экспедицией в 1961—1962 гг., небольшие работы проводились на стоянках Рождественского и Левского островов, на Хуторской, на стоянках у Яковлевского монастыря и у Ростовского кремля, а со стоянок за фабрикой Рольма, у деревень Песочное и Львы, у д. Борисовское и других получены небольшие сборы.

Стоянка у с. Сельцо была открыта в 1927 г. местными краеведами Д. А. Ушаковым и С. Л. Козицким. В Ростовском музее хранится собранный ими подъемный материал — главным образом сетчатая керамика, небольшое количество ямочной и кремль. В 1960—1961 гг. для выяснения характера памятника и поисков фатьяновских материалов (так как на берегах озера Неро, найдено несколько фатьяновских топоров, в том числе один у с. Сулость, а фатьяновская керамика обнаружена на Рождественском острове) О. С. Гадзядцкой и Д. А. Крайновым была проведена шурфовка у с. Сулость, в результате чего получена небольшая, но характерная коллекция.

¹ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 159, 173; А. Я. Брюсов. Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

² См. отчеты Д. А. Крайнова, А. Л. Никитина за 1957—1962 гг. Архив ИА АН СССР.

Стоянка располагается на северо-восточном берегу озера Неро к западу от с. Сулость и к северо-западу от д. Сельцо, на расстоянии около 600 м от последней. Берег здесь низкий, болотистый, незначительно повышающийся к деревне — на расстоянии 60 м от воды высота его не превышает 0,8 м. Стратиграфический разрез дает следующее чередование слоев: под тонким слоем дерна лежит коричневый торф (толщина слоя 0,2—0,3 м), под ним прослойка песка, прослеженная не везде (толщиной в 7—10 см), подстилаемая черным торфообразным слоем, идущим до глубины 0,6 м, ниже которого начинается глинистый светло-коричневый материк.

Находки керамики и кремня располагались на глубине 0,25—0,6 м в слое коричневого торфа, песка и темного торфа, при этом одновременные предметы найдены на разных глубинах, что не позволяет четко разделить археологические слои. Обследование берега показало, что находки ямочно-гребенчатой керамики и осколков кремня начинаются у самой воды в иле и песке и тянутся вдоль берега на протяжении около 150 м. В 1960—1961 гг. по линии север — юг на расстоянии 20—40 м от воды было заложено 20 шурфов (1 × 1 м). Общее количество находок теперь, включая сборы 30-х годов, приближается к 2 тыс., при этом основную массу составляют фрагменты керамики.

Типологически керамика может быть разделена на четыре основные группы: ямочно-гребенчатая — около 44%; волосовского типа — около 6%; эпохи бронзы (типа Поздняково) — 7%; сетчатая — около 43%.

Первая группа, находки которой в основном сделаны на глубине 0,4—0,6 м, очень близка собственно льяловской керамике с берегов р. Клязьмы³. Глина, из которой лепились сосуды, содержит в виде примеси дресву, в основном состоящую из крупных зерен белого кварца. Обжиг средний, цвет черепков красновато-коричневый, желтоватый, иногда серый. Орнамент носит зональный характер, его основу составляют глубокие конические ямки, расположенные в шахматном порядке. Ямки вертикальные, иногда несколько наклонные, плотно заполняют орнаментальное поле. Две трети черепков украшены только ямочным орнаментом. Особенностью этой керамики можно считать значительное количество толстостенных фрагментов (0,8—1 см, иногда 1,4 см), с крупными коническими ямками диаметром в 0,8—1 см, что сближает ее с ямочной керамикой более поздних стоянок верхней Волги (стоянки Борань, Федоровская). Наряду с толстостенными найдены и более тонкие черепки (0,6—0,7 см), орнаментированные мелкими ямками диаметром 0,5—0,7 см, иногда даже 0,3 см (рис. 37 — 21, 25, 26, 30—32, 34, 38). Треть керамики составляют черепки, сочетающие ямочный и гребенчатый орнаменты. Гребенчатый элемент представлен оттисками зубчатого штампа в виде коротких и широких (ширина 0,5—0,6 см, длина 1,6 см) косых полос или удлиненных и узких оттисков (ширина 0,3 см, длина 3 см), расположенных наклонно или вертикально, а также горизонтальных поясов, разделяющих зоны, заполненные ямками (рис. 37 — 25, 30, 34, 38). В небольшом количестве встречаются полулунные вдавления (рис. 37 — 31), что характерно для льяловской керамики. Края сосудов, имеющих прямой или слабо отогнутый венчик, часто немного скошены внутрь и покрыты косыми оттисками гребенки (рис. 37 — 25).

Таким образом, первая группа керамики стоянки Сельцо обнаруживает признаки, позволяющие отнести ее к материалу группы льяловских

³ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда. «Труды Антропол. ин-та», вып. 1, Приложение к «Русскому антропол. журналу», т. XIV, вып. 1—2, М., 1925; его же. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых культур Восточной Европы по данным изучения керамики. «Этнография», т. I, 1929; В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки верхней Клязьмы. «Труды ГИМ», вып. XXII, 1953.

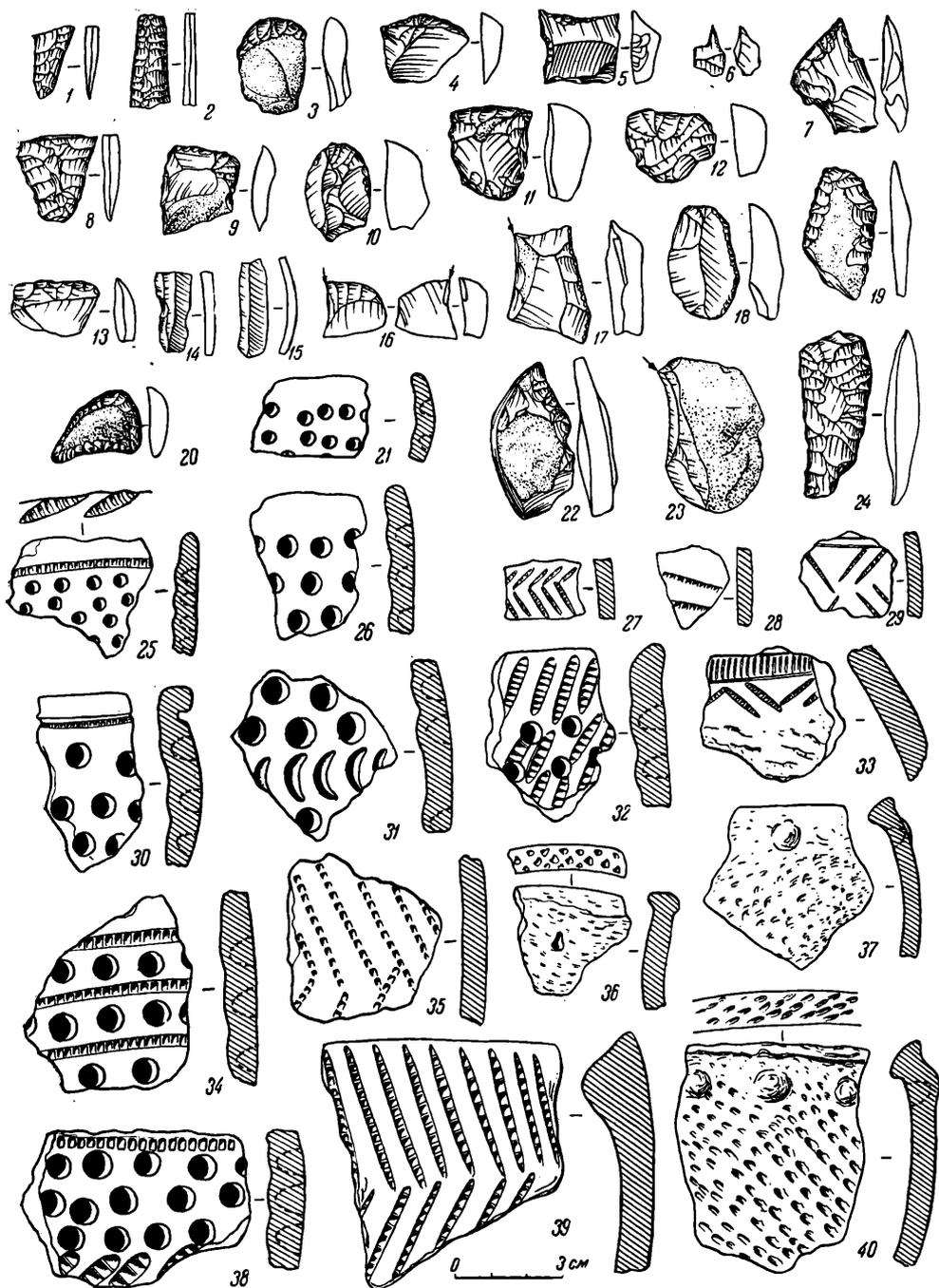

Рис. 37. Кремневые орудия и керамика со стоянки Сельцо

1, 2, 8 — наконечники стрел; 3, 4, 9—13 — скребки; 5 — скобель; 6, 7 — проколки; 14, 15 — пластинки, 16, 17, 22, 23 — резцы; 18, 19, 24 — ножи; 20 — резчик; 21, 25, 26, 30—32, 34, 38 — керамика ляловского типа; 27—29, 33, 36, 37, 40 — керамика эпохи бронзы; 35, 39 — керамика волосовского типа

стоянок р. Клязьмы и датировать приблизительно серединой III тысячелетия до н. э. Эту дату как будто подтверждает преобладание чисто ямочного орнамента раннего типа, с коническими ямками, расположенными в шахматном порядке.

Подобная керамика найдена в самом нижнем слое Уницкой стоянки во время раскопок Д. А. Крайнова в 1961 г. и несомненно древнее, чем основная масса ямочно-гребенчатой керамики этой стоянки, отличающейся сложными орнаментальными композициями и датированная М. Е. Фосс концом III — началом II тысячелетия до н. э.⁴ Следует, однако, отметить, что из фрагментов ямочной керамики стоянки Сельцо можно выделить очень небольшое количество черепков, небрежно орнаментированных, украшенных редкими ямками, с преобладанием гребенчатой орнаментации, возможно относящихся к несколько более позднему времени.

Вторую группу (около 6%) составляет керамика, близкая по сугубе волосовского типа (рис. 37 — 35, 39). Она выделяется толстостенностью, грубо обработанной поверхностью, глина содержит растительную примесь. Цвет черепков снаружи светло-желтый, в изломе серый. Орнамент нанесен небрежно и состоит из оттисков зубчатого штампа и редких вдавлений прямоугольной и полукруглой формы. Венчики сосудов массивны, скошены внутрь и украшены оттисками гребенки. Растительная примесь в тесте и характер орнамента позволяют ориентировочно отнести эту группу ко второму этапу развития волосовской керамики, по классификации И. К. Цветковой, датируемому третьей четвертью II тысячелетия до н. э.⁵

Третья группа керамики (довольно разнообразной) относится к эпохе бронзы. Выделяются обломки тонкостенных (0,4—0,6 см) сосудов серого цвета с примесью песка, иногда с добавлением мелкой дрсвы и растительных примесей. Толщина стенок других сосудов 0,7—0,8 см. Небольшая часть черепков не орнаментирована, орнамент на других нанесен мелкозубчатым штампом, образуя елочки, зигзаги, есть и отдельные вдавления (рис. 37 — 27—29, 33).

Вместе с этой керамикой, главным образом в верхних слоях, найдено большое число фрагментов с отпечатками сетки. Сосуды сделаны из плотной, хорошо промешанной глины с примесью песка. Поверхность серого, реже бурого цвета. Сосуды небольшие, плоскодонные, венчики прямые или наклонены внутрь. Отпечатки сетки неровны, мелки и часто производят впечатление ложных, нанесенных штампом. Венчики по верхнему косому срезу украшены оттисками зубчатого штампа; в верхней части сосуда по сетке нанесены разные неправильной формы вдавления, иногда ямки. Наиболее характерной особенностью этой керамики являются выпуклины под горловиной, выдавленные изнутри (рис. 37 — 36, 37, 40).

Третья и четвертая группы керамики напоминают керамику поздних памятников поздняяковской культуры более южных районов, например стоянки Коренец II. Появление керамики с сетчатыми отпечатками в сочетании с выпуклинами, довольно бедные узоры из отпечатков зубчатого штампа и вдавлений характерны именно для этих памятников.

По-видимому, учитывая предложенную Т. Б. Поповой для основных поздняяковских материалов дату — третья четверть II тысячелетия до н. э. — эти памятники как более поздние следует относить к концу II — началу I тысячелетия до н. э.⁶

Интересно отметить, что стоянка Сельцо — не единственный памятник

⁴ М. Е. Ф о с с. Указ. соч., стр. 163.

⁵ И. К. Ц в е т к о в а. Волосовские неолитические племена. «Труды ГИМ», вып. XXII, 1953, стр. 32, 33; е е ж е. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского. «Труды ГИМ», вып. 37, 1960.

⁶ Т. Б. П о п о в а. Происхождение поздняяковской культуры. «Труды ГИМ», вып. 37, 1960, стр. 38—42.

на территории Ярославской области, содержащий керамику поздняяковско-го типа. Аналогичные материалы известны со стоянок Дикариха и Польцо на Плещеевом озере, на Рождественском острове, на озерах Сахтыш, Карашском, Вашутинском⁷, т. е. значительно севернее районов, занятых основными памятниками поздняяковской культуры. Возможно, в дальнейшем эта территория будет включена в область распространения поздняяковской культуры, изученной еще явно недостаточно.

Помимо керамики на стоянке Сельцо найдено 31 кремневое орудие, 500 кремневых отщепов и сколов, а также несколько отбойников и ретушеров из галек. Кремень валунный, в основном низкого качества, часто непрозрачный, коричневого, желтого, красного, иногда черного цвета. Большинство кремневых орудий сделано из некрупных, довольно массивных отщепов, края их подретушированы плоскими фасетками, при этом следует отметить тонкую отжимную ретушь на орудиях, а среди отщепов — большое количество очень мелких кремневых чешуек.

Среди орудий преобладают скребки (11 шт.); встречены ножи (3), проколки (2), орудия с резцовыми сколами (рис. 37 — 16, 17, 22, 23). Кроме того, найдено 2 крупных грубо обитых орудия, рабочий край которых подправлен мелкой ретушью. Скребки небольших размеров (3—4 см), обычных неолитических форм, с округлым или прямым лезвием (рис. 37 — 3, 4, 9—13), среди них один резчик (рис. 37 — 20). Ножи сделаны из отщепов округлой формы длиной в 3—5 см (рис. 37 — 18, 19, 24). Интересна миниатюрная проколка с резцовым сколом, покрытым очень тонкой ретушью по рабочему краю, что свидетельствует о высокой технике обработки кремня (рис. 37 — 6). Целые наконечники стрел пока не найдены, известны только 3 обломка, обработанные двусторонней плоской ретушью (рис. 37 — 1, 2, 8). Следует упомянуть также 2 тонкие небольшие пластинки (рис. 37 — 14, 15). Многие орудия сильно сработаны, о чем свидетельствуют зазубрины и выколы рабочего края. В силу того, что стратиграфически слой плохо делится, а кремневые орудия найдены на разной глубине и на поверхности стоянки, сейчас не представляется возможным выделить формы, соответствующие намеченным керамическим группам. Можно лишь отметить, что часть орудий имеет микролитовидный облик, а форма большинства недостаточно характерна для того, чтобы их можно было отнести к определенной археологической культуре.

Таким образом, стоянка Сельцо дает три основных керамических комплекса. По предварительным данным, полученным в результате шурфовки, распространение этих комплексов на территории стоянки намечается следующим образом: ямочная керамика встречается на протяжении 200 м вдоль берега и на расстоянии до 40 м от воды; керамика, близкая воловской, встречена на протяжении 100 м вдоль берега и не далее 25 м от воды; сетчатая найдена не ближе 30—40 м от воды, и, вероятно, ее нахождение можно ожидать выше по берегу. Судя по этим данным, уровень озера Неро колебался незначительно и, видимо, был не выше современного. Материал стоянки Сельцо отражает последовательность археологических культур, характерную для многих стоянок Ярославской области: 1) ямочная керамика типа льяловской, 2) ямочно-гребенчатая более позднего типа (стоянка Уница), 3) воловская, 4) керамика эпохи бронзы — фатьяновская и типа Поздняково; последняя сменяется сетчатой. Предварительный характер работ на стоянке Сельцо не позволяет строить на полученном материале окончательные заключения. В настоящее время трудно с уверенностью утверждать, что находки керамики льяловского типа в Ярославском районе следует объяснять тем, что эта территория входила

⁷ Отчеты А. Л. Никитина за 1958—1961 гг., Д. А. Крайнова за 1958—1962 гг.— Архив ИА АН СССР; И. К. Цветкова. Новый памятник воловской культуры, стр. 50.

в ареал распространения «ляловской» культуры. Скорее следует согласиться с М. Е. Фосс, что керамика этого типа встречается на территории всего Волго-Окского междуречья (чему сейчас все больше подтверждений) и является основой, на которой развились более поздние неолитические культуры. Возможно, в дальнейшем, по мере накопления материала и среди стоянок с ямочно-ребенчатой керамикой типа ляловской удастся выделить какие-то локальные группы, которые можно будет связать с более поздними неолитическими культурами. Волосовские и поздняяковские поселения, открытые в северных районах Волго-Окского междуречья ставят вопрос о возможном изменении границ распространения этих племен.

И. В. ГАВРИЛОВА

ДЮННАЯ СТОЯНКА РОМАНОВИЧИ

Для изучения неолитической эпохи на территории Белоруссии очень интересна стоянка у д. Романовичи Гомельской области, известная с конца прошлого века. Е. Р. Романов считал памятник палеолитическим из-за отсутствия здесь шлифованных изделий¹, а Н. Ф. Беляшевский² и К. М. Поликарпович, посетивший стоянку в 1924—1925 гг.³, лишь упоминают о ней. Не дает полного представления о памятнике и краткое описание И. И. Артеменко, побывавшего на нем в 1957—1958 гг.⁴

Более подробно ознакомиться со стоянкой у д. Романовичи позволяет богатый кремневый и керамический материал, собранный Верхне-Волжской неолитической экспедицией в 1962 г.

Памятник расположен к востоку от деревни, на песчаной дюне в пойме правого берега р. Ипуть. Дюна, вытянутая на север, невысока и в значительной степени развевается. Кое-где сохранились нетронутые участки, достаточно большие по площади. В их обрезах четко прослеживается культурный слой черного цвета, мощностью до 0,4—0,5 м, залегающий под пластом навешного песка толщиной от 0,2 до 0,6 м. Кое-где черный слой лежит на поверхности. Наиболее отчетливо выражены три выдува, в которых в большом количестве встречены кремни и керамика. Особенно богат ими третий участок, наиболее отдаленный от реки; поверхность его сплошь услана отщепами, пластинами и изделиями из кремня.

Всего собрано 9369 предметов, из которых 285 нуклеусов, 166 ножевидных пластин, 135 скребков, 23 проколки, 12 резцов и множество обломков и заготовок различных орудий (рис. 38). Сырьем для них послужила мелкая кремневая галька, что придало орудиям некоторое своеобразие — наличие кремневой корки и небольшие размеры. Подавляющая часть орудий сделана из отщепов, но для некоторых видов употреблялись и ножевидные пластины. Самую многочисленную группу составляют скребки. Как правило, они сделаны из отщепов средней величины, различной формы, с округлым рабочим концом. Исключение из общей массы составляют три скребка на конце ножевидных пластин, два из которых с прямым рабочим краем. Кроме того, прямое лезвие есть у небольшого скребочка на подчетыреугольном отщепе. Остальные 132 скребка можно разделить на следующие категории: концевые и округлые, долотовидные,

¹ Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда. «Записки Сев.-Зап. отделения Русского геогр. об-ва», кн. I, Вильна, 1910, стр. 97—128.

² Н. Ф. Беляшевский. Несколько новых стоянок каменного века по Днепру и его притокам. «Киевская старина», 1891, март, т. XXXII, стр. 433—444.

³ К. М. Поликарпович. Досьедеды культур каменнаго і бронзавага парыядаў ў ўсходняй Беларусі. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук», кн. 5. Працы катэдр археалогіі, т. I. Менск, 1928, стр. 263—274.

⁴ И. И. Артеменко. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 34—42; его же. Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 г. КСИИМК, вып. 84, 1961, стр. 63—68.

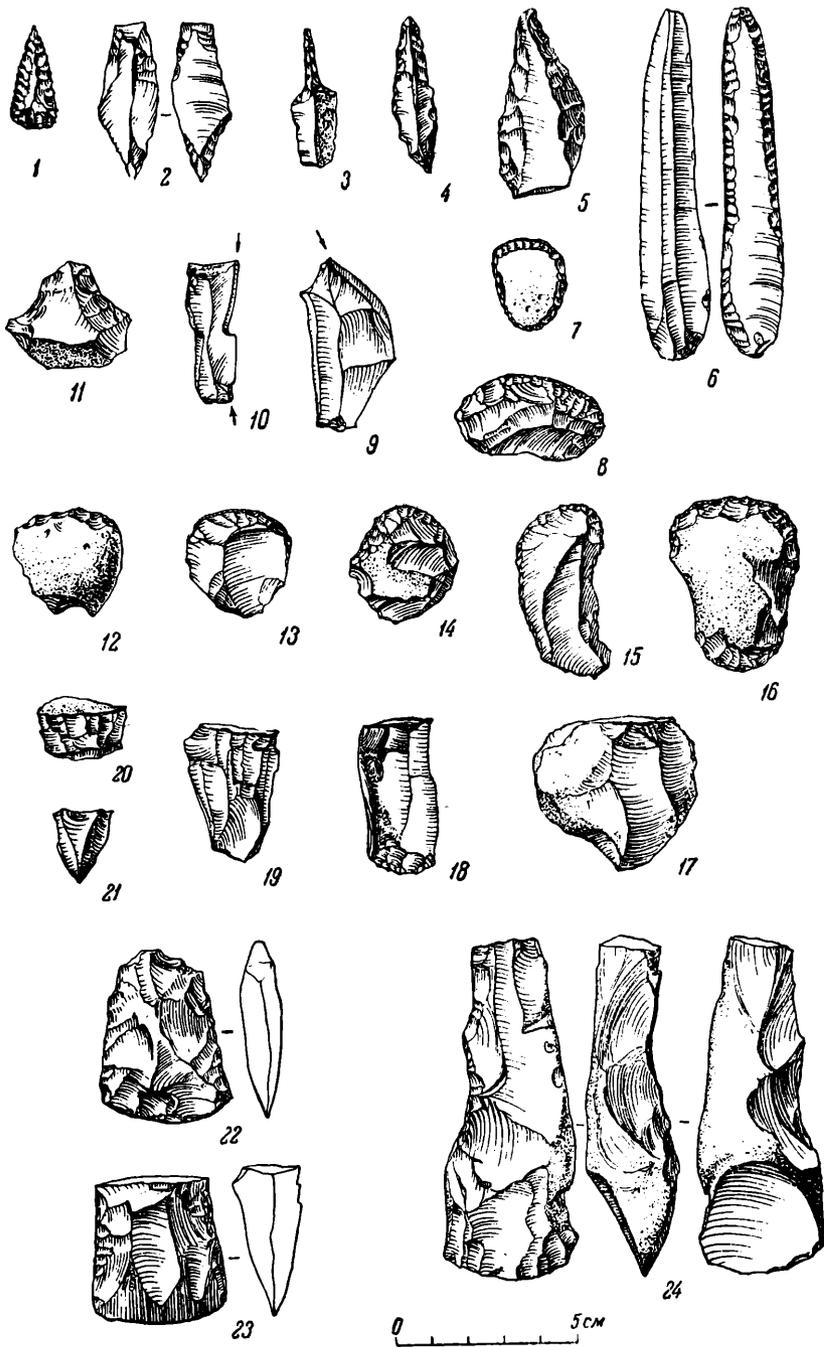

Рис. 38. Орудия со стоянки Романовичи (1—24)

скребки-ножи, миниатюрные скребки, на краевых отщепах кремневых желваков и на концах реберчатых сколов, а также атипичные скребки. Концевых скребков 30. Заготовкой для них служили отщепы подчетыреугольных очертаний и в форме сильно вытянутых треугольников (языковидные). Ретушь покрывает конец, противоположный ударному бугорку, заходя лишь изредка на боковые стороны. В поперечном сечении они имеют вид трапеции или треугольника. У двух экземпляров рабочий край с выступом посередине. К этой же группе можно отнести скребки на пластинчатых отщепах в виде вытянутых овалов или слегка округлых, ретушированных также на одном конце. Особо следует выделить два скребка на сегментовидных отщепах с утолщением к рабочему краю. К типу концевых скребков относятся и долотовидные, но они выделены в отдельную группу из-за характерных очертаний и массивности. По виду их можно было бы назвать рубящими орудиями, но исследование бинокулярной лупой показало, что ими выполнялись функции скребков⁵. Как и у настоящих долот, у них расширенный рабочий край, суженная тыльная часть, выпуклая спинка и плоское брюшко, причем некоторые из них подправлены со стороны брюшка. Следы сработанности прослеживаются не только на конце, но и на боковых сторонах. Таких скребков в коллекции пять.

Округлых скребков 16. Помимо обычных с круговой ретушью здесь можно выделить овальные и сделанные на массивных высоких округлых отщепах. Ретушь, оформляющая их, очень крутая, иногда мелкая, часто сработанная. Некоторые из этих орудий резко уплощены выемкой к тыльной части. Скребками-ножами названы 15 орудий на плоских удлиненных отщепах с округло скошенным или резко закругленным рабочим краем. Незначительная толщина отщепов и ретушь часто заходящая на боковые стороны, позволяла использовать их, кроме основного назначения, и в качестве ножей. Миниатюрные скребочки в основном повторяют вышеупомянутые типы, отличаясь лишь незначительными размерами — некоторые из них диаметром чуть больше сантиметра. Из 12 скребочков один на конце бокового скола, три концевых, три на ножевидных пластинках, остальные округлые. Очень своеобразны скребки на краевых отщепах с желваков (15 экз.). Заготовкой для них служит первый удачный скол любых очертаний. Все они массивны, с выпуклой спинкой, покрытой кремневой коркой, плоским брюшком и круглым рабочим краем. Два экземпляра довольно крупные (6 × 5 см и 4,5 × 4,5 см).

Не менее характерная группа — скребки из реберчатых и боковых сколов (9). Все они с ребром и негативами снятия пластин или фасетками на спинке, несколько суженной тыльной частью и рабочим концом, расположенным на массивном противоположном крае. Скребков, атипичных по форме, 33. Из них можно отметить три двуконцевых с рабочими краями на противоположащих плоскостях. Кроме того, встречены отщепы, пластины и массивные куски кремня с подправкой, которыми также могли пользоваться как скребками.

Наконечники стрел представлены одним целым экземпляром и тремя заготовками. Целый наконечник сделан из треугольного отщепа, края которого тщательно обработаны пыльчатой ретушью, насад уплощен. Заготовки — удлиненные пластины с ребром на спинке, неправильных очертаний, иногда с желвачной коркой, острые концы их подправлены с брюшка и редко со спинки. Черешок едва намечен. Здесь же следует упомянуть обломок с двусторонней обработкой, похожий на заготовку дротика.

Резцы трех видов: срединные, боковые, на углах ножевидных пластин. Шесть сделаны из отщепов и столько же из ножевидных пластин. Пластины массивны, иногда с двумя резовыми сколами, иногда комбиниру-

⁵ Просмотр орудий бинокулярной лупой проделан Г. Ф. Коробковой, за что автор выражает ей свою благодарность.

ются со скребком. Ряд отщепов и пластин снабжены резовыми сколами, но из-за невыразительности форм мы не называем их резами. Резчиков два. Один — на остром конце ножевидной пластины, другой — на боковом сколе с орудия. Острие его оформлено ретушью, тыльная часть притуплена с двух сторон.

Для изготовления скребелей использовались отщепы и массивные куски кремня, чаще всего подтреугольных или других очертаний. Дугообразно вогнутые рабочие края их лежат с двух сторон треугольника или на противоположных концах и в противоположащих плоскостях.

Девять ножей изготовлены из тонких удлиненных пластин, иногда крупных. Использовались они без рукоятей, так как помимо ретуши, оформляющей лезвие, делалась подправка на противоположной стороне для захвата рукой. Особого внимания заслуживают два ножа. Один из них — тонкая ножевидная пластина, длиной 10 см. С брюшка одна сторона ее целиком отретуширована, другая притуплена только до половины. Самые концы уплощены, причем более тонкий и широкий у ударного бугорка ретуширован и по спинке. У другого ножа оформлена лишь тыльная часть, а рабочая никак не обозначена. Просмотр под бинокулярной лупой показал, что штрихи от работы направлены под углом к необработанной стороне. По-видимому, были режущие инструменты со вкладышами, так как на выдувах собрано много ножевидных пластин, часть которых с ретушью, а иногда с зубчатым краем.

Орудия для прокалывания отверстий довольно полно представлены проколами и сверлами. У прокол (4) очень тонкие жальца едва подправлены мелкой ретушью на острых концах узких отщепов или боковых сколов. Особенно богат ассортимент сверл (18). Как правило, для них использовались длинные узкие пластины или боковые сколы, для более крупных — отщепы с одним острым концом. Все орудия при работе зажимались рукой. Несколько отличаются от прочих два небольших сверла из четырехугольных отщепов, с острием на одном из углов. Большой набор сверлильных инструментов позволял делать отверстия самых различных диаметров — от 0,2 до 1 см. Концы их слегка заполированы, а иногда носят следы подправки.

Рубящие орудия представлены тремя теслами, весьма различными по форме и технике изготовления. Одно из них, почти прямоугольное, с расширенным приостренным лезвием, плоским брюшком и округло-выпуклой спинкой, сделано из отщепа при помощи ретуширования. Левая сторона его слегка уплощена несколькими сколами у тыльной части (размеры $4,8 \times 3,7$ см). Для изготовления другого орудия использована валикообразная галька ($2,7 \times 3,5$ см). Рабочий край с правой стороны тщательно подправлен ретушью, с левой оформлен одним удачным сколом. Противоположный конец — с площадкой, от которой снято несколько пластин. На одном боку несколько сколов, притупленных ретушью по краю. Форма этого орудия позволяет видеть в нем и тесло и сработанный нуклеус с приострением для закрепления, поэтому рабочая часть его была просмотрена под бинокулярной лупой. Следы использования не прослеживаются, не обнаружено и выкрашивания края, неизбежного при закреплении нуклеуса, вследствие чего функция тесла остается более вероятной. У третьего экземпляра отбит обушок, поэтому трудно говорить о его очертаниях. Обломок почти квадратный, с округлым лезвием и незначительным желобком. На спинке хорошо прослеживается шлифовка, на брюшке же самый край подретуширован с боков. На шлифовке следы снятия двух пластин. Происхождение их неясно, скорее всего это результат работы. Встречен также обломок тыльной части орудия, треугольный в сечении, тщательно отретушированный с обеих сторон. Кроме того, найдены шесть заготовок для рубящих орудий. Все они небольших размеров ($5,3 \times 3$ см; $4,5 \times 2,5$ см), сделаны из галек, как правило, треугольные в сечении, сужа-

ются к обушку. Исключение составляет заготовка топорика (?). Она приближается к миндалевидной форме.

Следует упомянуть о микролитических пластинках. По очертаниям, они похожи на трапеции. Одна из них высокая, с очень крутой ретушью, три отретушированы лишь по одному краю.

Помимо перечисленных изделий, их заготовок и обломков собрано много сколов, рабочих частей орудий и различных предметов неясного назначения.

На первый взгляд, удивляет множество нуклеусов: только на третьем выдуве их собрано 236. Такое количество объясняется тем, что сырьем для них служила кремневая галька некрупных размеров. 4×4 см; $5 \times 5,5$ см. Исходный же материал в значительной степени обусловил нечеткость форм и приемы снятия пластин. По очертаниям можно выделить нуклеусы конические (47), призматические (90) и аморфные (99). При этом следует заметить, что настоящих конических и призматических ядрищ очень мало, моделировка их лишь приближается к названным формам. Призматические нуклеусы обычно с одной площадкой, несколькими негативами снятых пластин (чаще всего 5); тыльная сторона покрыта коркой и редко уплощена сколами. Ударных площадок может быть и две, располагаются они на противоположных концах, иногда перпендикулярно друг другу и на двух пересекающихся гранях. Как правило, с таких нуклеусов снимались широкие пластины. Для получения узких пластин с правильным ограничением использовались призматические нуклеусы. За редким исключением, у них ударная площадка одна, негативов немного больше. Пластины значительно меньшие по размерам, снимались с одного края, редко с двух противоположных, когда галька была плоской. Тыльная часть также покрыта коркой, иногда вытянута и уплощена для зажима. Среди этих двух типов необходимо отметить 15 очень мелких нуклеусов. Величина их от 1 до 1,7 см в поперечнике. Аморфные ядрища включают более крупные экземпляры и предназначались, по-видимому, для получения отщепов.

Интересно отметить своеобразный прием скалывания пластин и отщепов с некоторых аморфных и конических нуклеусов. В редких случаях пластины скалывались по принципу резцовых сколов, как у срединных резцов, от одной вершины под углом к пересекающимся граням.

Единственный отбойник сделан из кремневой гальки, разбитой пополам, место раскола подправлено для удобства держания рукой, а нетронутый круглый конец употреблялся для нанесения ударов, следы которых хорошо заметны.

Помимо кремневого инвентаря на развезаемой дюне собрана керамика, одинаковая на всех выдувах. Остродонные сосуды с прямым краем вылеплены из глины с примесью кварцевого песка и иногда какого-то органического вещества, оставившего пустоту при обжиге. Наиболее распространенным орнаментом служили короткие оттиски узкого гребенчатого штампа и неглубокие подтреугольные наколы. Ямочные вдавления встречаются реже в виде неглубоких ромбов и неправильных округлых ямок. Об узоре сосудов в целом судить нельзя из-за небольших размеров фрагментов. Можно лишь заметить, что под венчиком обычно расположен ряд круглых ямок, ниже идут поля наколов, пояса косо поставленной гребенки. По-видимому, на сосудах были и неорнаментированные участки, так как часть черепков гладкая. Трудно говорить о сочетании элементов орнамента. Чаще всего маленькие черепки попадались с одним каким-либо видом украшений: ряды косо поставленного гребенчатого штампа, иногда образующего горизонтальный елочный узор, изредка гребенчатые оттиски сочетаются с ямками, но, как правило, ромбические вдавления покрывают черепок целиком без дополнения другими элементами. То же самое можно сказать и о ямках неправильных очертаний. В меньшем количестве найде-

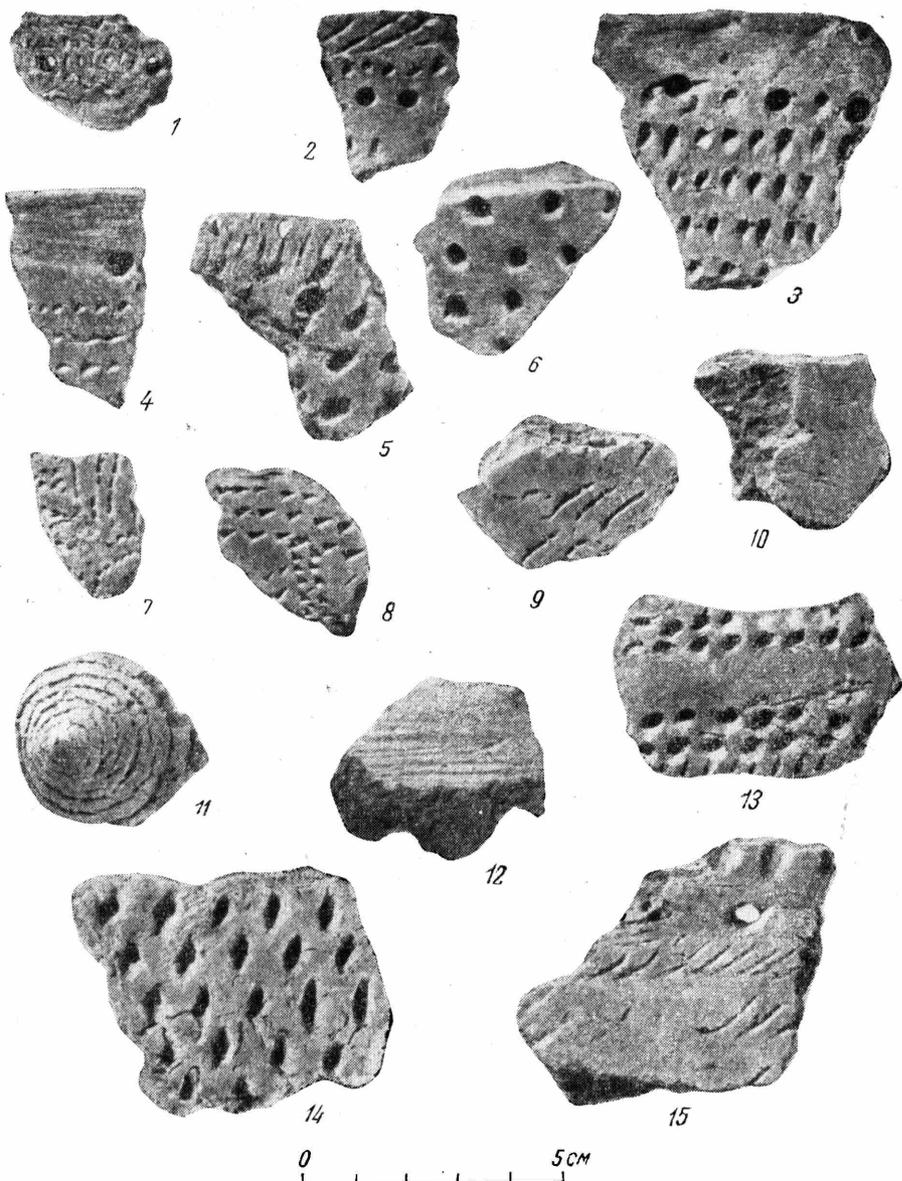

Рис. 39. Обломки сосудов со стоянки Романовичи (1—15)

на керамика из глины с незначительной примесью очень мелкого песка. Черепки темно-серые в изломе, с хорошо заглаженной внешней поверхностью; внутренняя поверхность также носит следы сглаживания; некоторые украшены округлыми и подтреугольными ямками. По-видимому, данная группа керамики будет более поздней по сравнению с основной массой, однако из-за небольших размеров черепков формы сосудов, их профилировка и форма днища остаются неизвестны (рис. 39).

Рассмотренный материал находит ближайшие аналогии в кремневых изделиях и обломках сосудов на многочисленных неолитических стоянках Сожа и его притоков: в урочищах Негацень, Городок, Замостье, Цыганский Бугор, Чачуровка и др.⁶

⁶ К. М. Паликарпович. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (на досьледах 1926 г.). «Запіскі аддзелу гуманітарных навук», кн. 5. Працы катэдры археалёгіі, т. I, Менск, 1928, стр. 123—252.

Керамический материал Романовичей, как и всего Посожья, сочетает в себе черты двух больших зон неолитической керамики: гребенчато-накольчатой и ямочно-гребенчатой. Первую можно встретить на Днепре, Северном Донце, Соже вплоть до бассейна Западной Двины⁷ и даже в верховьях Волги⁸. Ромбический орнамент и неправильные ямчатые вдавления, так же как состав глиняного теста, характерен для неолитических памятников Десны⁹. Таким образом, многочисленные стоянки Сожа образуют так называемую зону контакта, где тесно переплетаются элементы южной и восточной неолитических культур.

---

⁷ Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, № 4, 1961, стр. 38, карта.

⁸ Н. Н. Гурина. Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры). КСИИМК, вып. 82, 1961, стр. 150—157.

⁹ И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 92—102.

И. И. АРТЕМЕНКО

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ У с. ВЕТЬ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1959 г. Белорусским отрядом Верхне-Днепровской археологической экспедиции Института археологии АН СССР под руководством автора, совместно с Могилевским областным краеведческим музеем произведены раскопки двух неолитических стоянок у с. Веть Быховского района Могилевской области.

Стоянка Веть IV. Стоянка расположена к югу от с. Веть, на левом берегу р. Гутлянки (левый приток Днепра), при впадении ее в пойму Днепра, на небольшой песчаной возвышенности, выступающей над поймой на 1—1,5 м. Длина возвышенности с востока на запад 70 м, ширина 40 м; западная ее сторона и середина развезены и культурный слой разрушен.

В восточной части возвышенности произведены раскопки на площади 80 кв. м. Стоянка оказалась однослойной. Под слоем наносного серого илистого песка, толщиной 15—20 см, залегал песок темно-серого цвета, в котором были сосредоточены находки — керамика и кремневые орудия. Толщина культурного слоя достигала 20—25 см, ниже шел желтый мелкозернистый песок без находок. Насыщенность культурного слоя стоянки сравнительно слабая, поэтому полученные археологические материалы представлены небольшим числом кремневых орудий и фрагментов керамики. Каких-либо следов землянок или очажных ям не было.

На площади раскопа найдено всего 19 кремневых орудий и 58 отщепов кремня. Орудия изготовлены из темно-серого мелового кремня. Среди них скребки, ножи, клиновидные топоры и один наконечник стрелы. Скребки (7 экз.) изготовлены на обломках пластин и на отщепах (рис. 40 — 2—6). Ножи (6 экз.) на тонких пластинах, треугольной или трапециевидной формы в сечении. Боковые стороны (обе или одна) обработаны отжимной ретушью со стороны спинки (рис. 40 — 7, 8). Ножевидные пластины без ретуши, по-видимому, также употреблялись как ножи. Найдены два клиновидных «миниатюрных» топорика (рис. 40 — 9, 10) с сильно «сбитыми» лезвиями от употребления (длина 5,3 см, ширина 3 см и длина 4,7 см, ширина 3,3 см) и наконечник стрелы треугольной формы с черешком. Он изготовлен на тонкой ножевидной пластине (рис. 40 — 1). Этот так называемый мезолитический тип наконечников стрел бытует длительное время и встречается даже в позднеолитических стоянках Верхнего Поднепровья. Найдены также кремневый ретушер и каменный отбойник шаровидной формы.

Керамика представлена 136 фрагментами сосудов. Техника лепки ручная, ленточная; обжиг неравномерный, произведенный, по-видимому, на костре. В тесте преобладает примесь кварца, но в сравнительно небольшом количестве есть и растительная. Поверхность сосудов желтого или корич-

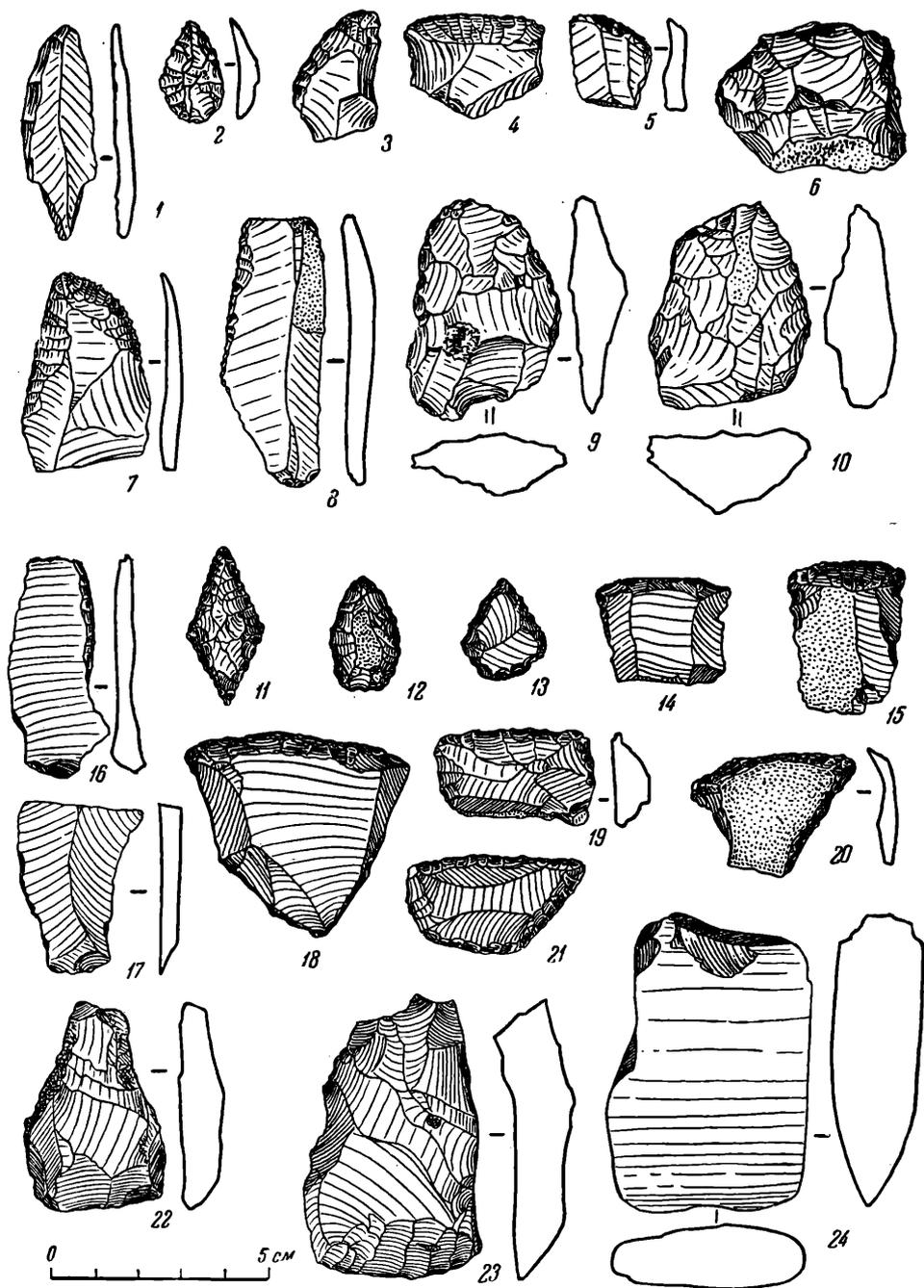

Рис. 40. Кремневые орудия со стоянок Веть IV и Веть VI

Веть IV: 1 — наконечник стрелы, 2—6 — скребки, 7, 8 — ножи, 9, 10 — «миниатюрные» клиновидные тесоры. Веть VI. 11—13 — наконечники стрел, 14, 15, 18—21 — скребки, 16, 17 — ножи, 22—24 — клиновидные топоры

невого цвета; на внутренней, а на некоторых сосудах и на наружной видны полосы от сглаживания зубчатым штампом. Сосуды, по-видимому, были широкогорлые с прямыми или немного сведенными внутрь стенками в верхней части и коническим дном. На всех сосудах под венчиком с наружной стороны нанесен ряд глубоких цилиндрических ямок.

В орнаментации сосудов из стоянки Веть IV преобладают отпечатки гребенки (69 фрагментов). Узоры расположены горизонтально, диагонально и в елочку (рис. 41). Орнамент покрывает, по-видимому, всю поверхность сосудов. Орнамент из неглубоких ямочных вдавлений, нанесенных концом палочки, встречен на 43 фрагментах. Ямки круглые, овальные или угловатые с нажимом на один угол. Орнамент расположен сплошь по всей поверхности сосуда или поясами (по два ряда в поясе), разделенными гладким полем (рис. 41—2, 6). К этому типу близка керамика (8 фрагментов), украшенная неглубокими ямочными вдавлениями, нанесенными концом палочки, обмотанной ниткой или тонкой веревочкой («лапчатый») (рис. 41—5). Найдены также несколько фрагментов с нарезным орнаментом (рис. 41—3).

Стоянка Веть VI расположена в 400 м к югу от предыдущей на правом берегу озера Станового, в пойме Днепра, на небольшой песчаной возвышенности, вытянутой с юго-запада на северо-восток. Длина ее 50 м, ширина 35 м, высота над поймой 1,6 м, над уровнем воды в озере — 2,06 м. В юго-западной части, примыкающей к озеру, возвышенность развевается и культурный слой разрушен, вся остальная площадь хорошо задернована. В половодье возвышенность затопляется только до половины высоты.

На стоянке Веть VI раскопки произведены на площади 120 кв. м. Под растительным покровом залегал слой песка серого цвета толщиной 10—15 см, в котором найдено 110 фрагментов славянской гончарной керамики XII—XIII вв. Ниже шел темно-серый песок, в котором были сосредоточены кремневые орудия и фрагменты неолитической керамики. Толщина неолитического культурного слоя достигала 30—35 см. Он подстилался желтым мелкозернистым песком без находок.

В результате раскопок получен небольшой, но очень интересный материал. Основную часть его составляли обломки сосудов (843). Встречены также 60 кремневых и каменных орудий. Каких-либо следов жилищ или очажных ям не обнаружено. Отмечены лишь отдельные угольки.

Орудия изготовлены в основном из кремня высокого качества, серого или темно-серого цвета. Основные типы орудий составляли наконечники стрел, топоры, скребки, а также ножевидные пластины с ретушью и без нее, использовавшиеся в качестве ножей. Наиболее многочисленны скребки (38 экз.). Они изготовлены на обломках пластин и на отщепках, часто с сохранившейся меловой коркой. Типичны концевые скребки разной величины, большей частью несколько продолговатые, рабочий край у них почти всегда шире тыльной части, вследствие чего они часто трапецевидной формы, а иногда и треугольной. Встречены также овальные и прямоугольные концевые скребки (рис. 40—14, 15, 18—21). Рабочий край слегка закруглен, углы между лезвием и боковыми краями довольно часто острые. Найдены скребки, у которых, кроме лезвия, отретуширован также один или оба боковых края (рис. 40—19, 20), а на одном экземпляре отретушированы все стороны (рис. 40—21). Встречены несколько экземпляров боковых скребков. Ножи (10 экз.) изготовлены из тонких длинных кремневых пластинок с острым краем. На нескольких экземплярах боковые стороны обработаны отжимной ретушью по самому краю (рис. 40—16, 17). Наконечники стрел (5 экз.) разделяются на ромбовидные (рис. 40—11, 13) и листовидные (рис. 40—12). Обнаружены два кремневых клиновидных топора. Лезвия их сформованы короткими продольными сколами: 1) длина 4,8 см, ширина 3 см

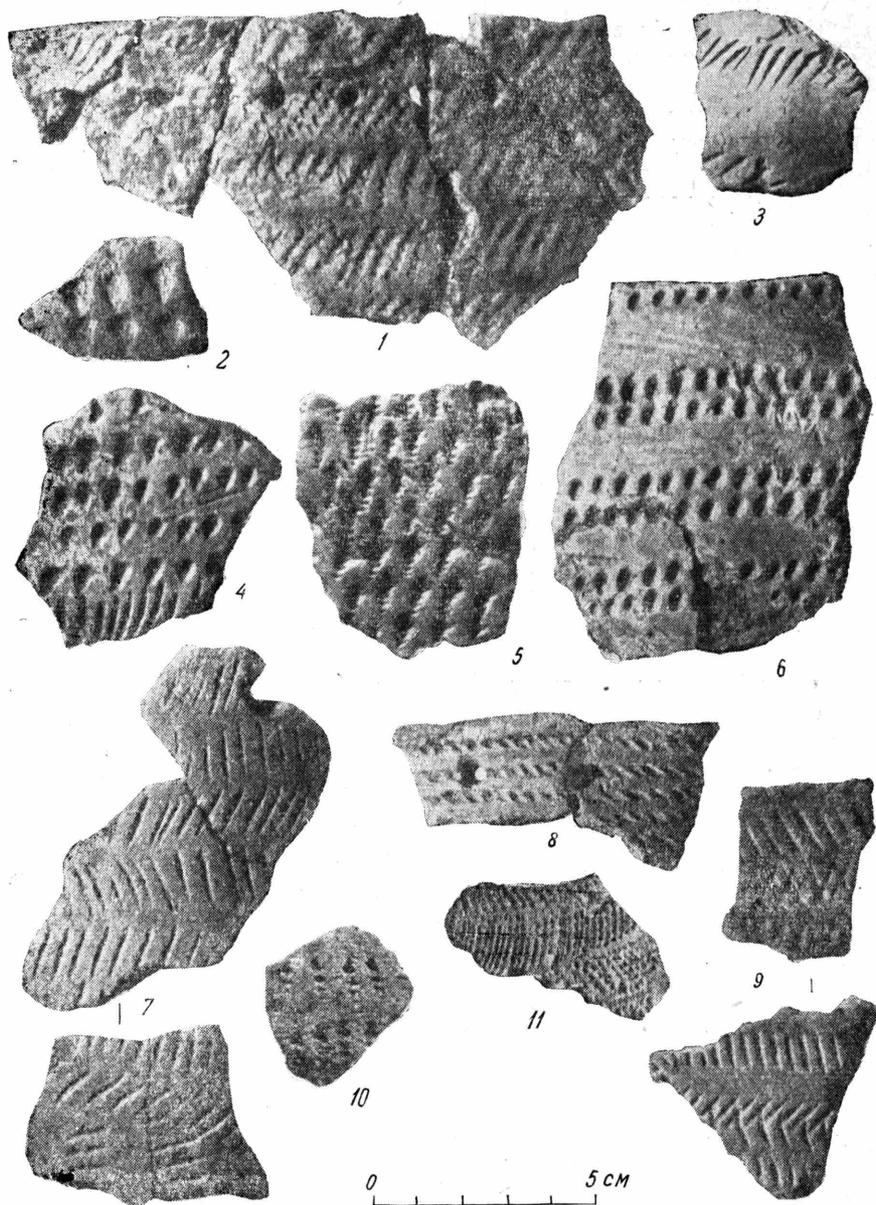

Рис. 41. Керамика со стоянок Веть IV и Веть VI

1 — 6 — поздненеолитическая керамика со стоянки Веть IV. 7 — 11 — керамика эпохи бронзы со стоянки Веть VI

(рис. 40 — 22), 2) длина 6,8 см, ширина 3,7 см (рис. 40 — 23). Найден каменный полированный клиновидный топор, овальный в сечении (рис. 40 — 24), длина лезвия 7 см, ширина 4,1 см.

Керамика со стоянки Веть VI однородная, за исключением 15 обломков, которые резко отличаются от неолитической и относятся к эпохе бронзы (рис. 41 — 7—11). Обработано 843 фрагмента. Из них 296 с гребенчатым орнаментом. Поверхности коричневого и желто-коричневого цвета, внутренняя обычно темнее наружной. В тесте примесь песка, кварца и растительных волокон. Среди обломков керамики с гребенчатым орнаментом можно выделить 4 или 5 сосудов.

1. По-видимому, большой сосуд с коническим дном, слегка выпуклыми боками и прямым венчиком (40 обломков). Диаметр венчика 30 см, толщина стенок 0,8 см. Поверхность коричневого цвета, заглажена до лощения, в тесте небольшая примесь песка и растительных волокон. Сосуд орнаментирован по всей поверхности. Под венчиком расположен ряд глубоких цилиндрических ямок, между которыми оттиски косо поставленной гребенки. Ниже расположены диагональные пояса из четырех рядов оттисков гребенки, под ними горизонтальные ряды из оттисков косо поставленной гребенки (рис. 42—13). 2. Сосуд (9 обломков) с наружной поверхностью коричневого цвета; она хорошо заглажена, внутренняя — темно-серая, сглажена зубчатым штампом. В тесте примесь песка и кварца. Орнамент состоит из оттисков мелкой гребенки. Он образует пояса из двойных и тройных рядов, расположенных под углом друг к другу. Толщина стенок 0,8 см (рис. 42—11, 12). 3. Черепки (от одного или двух сосудов) коричневого цвета, в тесте примесь кварца и растительных волокон. Орнамент состоит из оттисков гребенки, образующих «елочку» (рис. 42—2). 4. Черепки желто-коричневого цвета, в тесте примесь песка и растительных волокон (11 обломков). Орнамент состоит из горизонтальных рядов оттисков косо поставленной гребенки (рис. 42—1).

Керамика с ямочным орнаментом найдено 173 обломка (5—6 сосудов). Поверхность их желто-коричневого цвета, в тесте примесь песка и растительных волокон. Внутренняя поверхность сглажена зубчатым штампом, наружная тщательно заглажена. Орнамент нанесен округлым концом палочки. Он образует горизонтальные пояса (по три-четыре ряда в каждом поясе) неглубоких ямочных вдавлений (рис. 42—7—9). Встречено также несколько фрагментов, в орнаменте которых овальные ямочные вдавления чередуются с оттисками гребенки (рис. 42—15). К керамике с ямочным орнаментом можно отнести также 34 обломка одного сосуда. В тесте примесь песка и кварца. Обе поверхности коричневого цвета, сглажены зубчатым штампом, а потом тщательно заглажены. Край венчика широкий, с выступающим наружу бортиком. По краю неглубокие ямочные вдавления, под краем расположен ряд глубоких цилиндрических ямок. Орнамент состоит из рядов мелких двойных углублений, подражающих оттискам узелка веревочки (рис. 42—14).

Керамика с «лапчатым» орнаментом, нанесенным концом палочки, обмотанной ниткой или веревочкой, представлена 130 обломками (6—7 сосудов). Поверхность их желто-коричневого или коричневого цвета. В тесте примесь песка и кварца, встречается также и примесь растительных волокон. Внутренняя поверхность сглажена зубчатым штампом, наружная тщательно заглажена. Сосуды, по-видимому, были больших размеров, с коническим дном, выпуклым туловом и прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Орнаментированы они горизонтальными рядами «лапчатых» вдавлений, расположенных сплошь по всей поверхности (рис. 42—3), и вертикальными лентами ромбов, заполненных мелкими «лапчатыми» вдавлениями (рис. 42—10).

Собрано также 58 обломков венчика и стенок еще от одного сосуда. Поверхность коричневого цвета с серыми пятнами, образовавшимися в результате неравномерного обжига. В тесте примесь песка и растительных волокон. Обе поверхности тщательно заглажены. Орнамент треугольно-накольчатый. Он образует горизонтальные пояса, разделенные пустыми зонами (рис. 42—4—6).

Вся керамика равномерно располагалась по всей площади раскопов и глубине культурного слоя. Поэтому интересна небольшая группа керамики (15 фрагментов) эпохи бронзы, найденная вместе с неолитической на разной глубине культурного слоя. Керамика эпохи бронзы резко отличается от неолитической по составу теста, форме и орнаменту. К ней относятся: 1) десять обломков венчика и стенок от двух сосудов. Поверхность

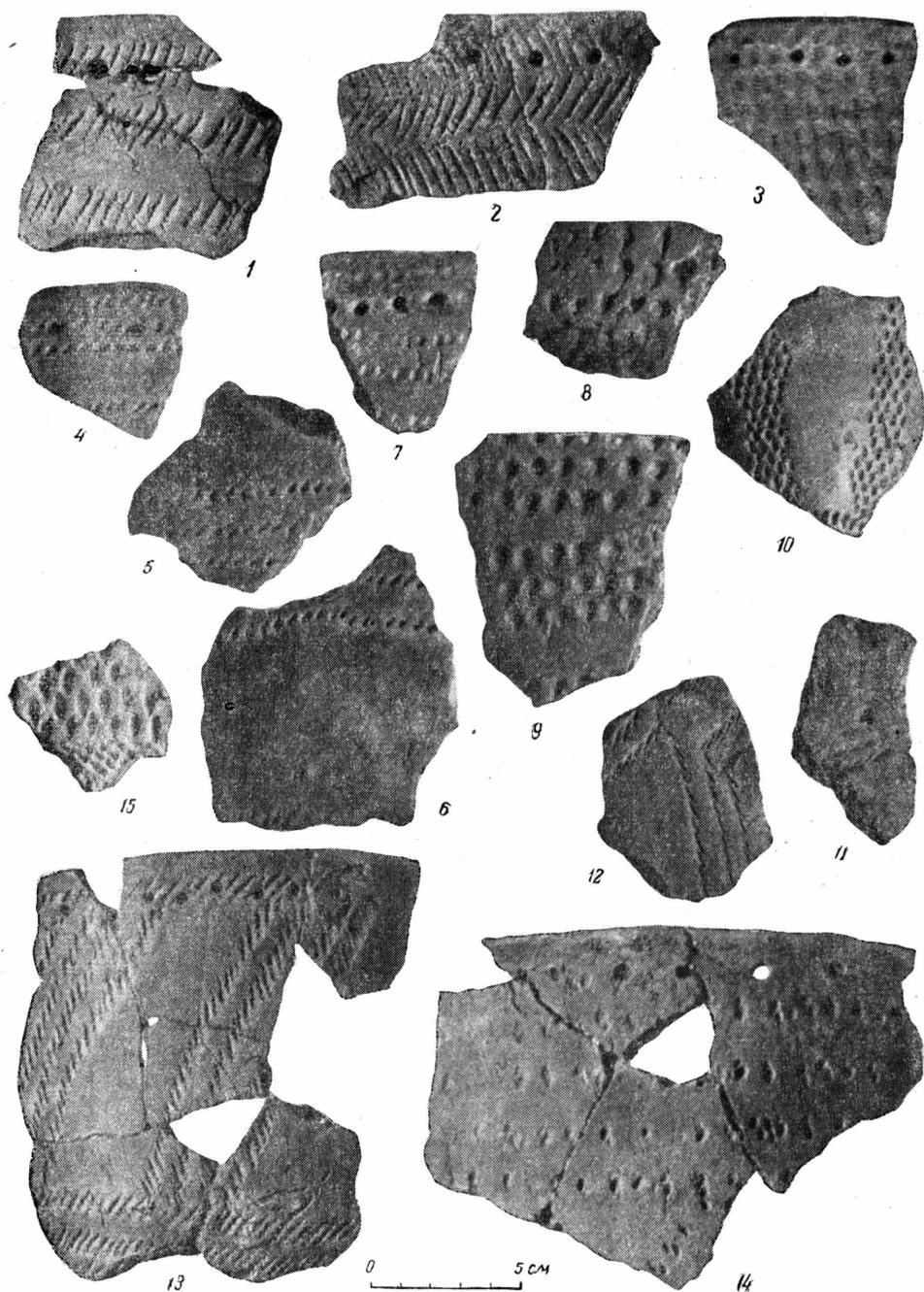

Рис. 42. Позднеолитическая керамика со стоянки Веть VI

желто-коричневого цвета с темными пятнами, образовавшимися в результате неравномерного обжига. В тесте примесь песка. Сосуды тонкостенные, по-видимому, плоскодонные. Орнамент (нарезной) состоит из коротких углублений (рис. 41—7, 9). 2) Два обломка венчика от одного сосуда. Поверхность желтого цвета. В тесте примесь песка. Под краем венчика — сквозное отверстие, просверленное после обжига. Орнамент состоит из отпечатков перевитой веревочки (рис. 41—8). 3) Один обломок тонко-

стенного сосуда. Поверхность коричневого цвета. В тесте примесь песка. Орнамент нанесен тонким стержнем, обмотанным ниткой (рис. 41—10). 4) К керамике эпохи бронзы, по-видимому, можно отнести также два обломка тонкостенного сосуда. Поверхность коричневого цвета. В тесте примесь песка. Орнамент состоит из густо расположенных оттисков мелкой гребенки (рис. 41—11).

По составу теста, форме и орнаменту керамику эпохи бронзы со стоянки Веть VI можно относить к позднему этапу среднеднепровской культуры эпохи бронзы, ее днепро-деснинскому варианту. Стратиграфические наблюдения над расположением неолитических стоянок и поселений среднеднепровской культуры, наличие могильников среднеднепровской культуры на неолитических стоянках (Белынец, Ходосовичи, Стрелица и др.), а также резкое отличие неолитической керамики от керамики среднеднепровской культуры позволяют говорить об отсутствии культурной общности между неолитическим населением и населением среднеднепровской культуры Верхнего Поднепровья и о расселении среднеднепровских племен с правобережья Среднего Поднепровья.

Находки керамики среднеднепровской культуры эпохи бронзы на стоянке Веть VI свидетельствуют о сосуществовании местных неолитических и пришлых среднеднепровских племен, а также о контактах между ними в период расселения последних на территории Верхнего Поднепровья в конце III—начале II тысячелетия до н. э. Поэтому стоянки Веть IV и Веть VI можно относить к поздненеолитическим памятникам Верхнего Поднепровья и датировать их концом III—началом II тысячелетия до н. э. За последние годы на верхнем Днепре аналогичные поздненеолитические стоянки были исследованы автором близ с. Лучин (в урочищах Завалье, Сосонка, Борок Семеновский) и близ с. Ходосовичи (в урочище Мошка, у озер Дедного и Каменного) Рогачевского района Гомельской области. Интересно отметить, что в жилище на стоянке в урочище Сосонка близ с. Лучин вместе с поздненеолитической керамикой обнаружены кремневые наконечники стрел треугольной формы с выемкой в основании, характерные для среднеднепровской культуры, а на поселении среднеднепровской культуры в урочище Ксендзова Гора близ г. Быхова Могилевской области найдены неолитические кремневые наконечники стрел ромбовидной формы, также свидетельствующие о контакте между неолитическим населением и населением среднеднепровской культуры в период сосуществования их на территории Верхнего Поднепровья.

И. К. СВЕШНИКОВ

ПОСЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ
У С. ГОРОДОК РОВЕНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Осенью 1959 г. разведкой Института общественных наук Академии наук УССР, проведенной в плане исследования памятников культур шнуровой керамики на Волини, открыто поселение в урочище Курганы у с. Городок Ровенского района. В 1960—1961 гг. Ровенская археологическая экспедиция института² провела на этом поселении раскопки и вскрыла 1170 кв. м площади. В процессе работ обнаружены памятники разных эпох — от неолита до древнерусского периода включительно. Основная масса находок относится к культуре шнуровой керамики.

Поселение располагалось на южном и юго-восточном склонах первой надпойменной террасы правого берега р. Устье (левобережный приток Горыни). Культурный слой с памятниками культуры шнуровой керамики залегал до глубины 0,6—0,8 м от современной поверхности; он плохо сохранился в восточной части поселения, а на склонах возвышенности почти полностью смыт. Раскопками вскрыты следы 10 наземных жилищ и 6 хозяйственных ям. Места жилищ прослеживались благодаря скоплениям культурных остатков (керамики, кремневых отщепов и орудий, костей животных, костяных изделий, кусков печины и незначительной примеси золы в грунте), залежавшим на глубине 0,4—0,8 м от поверхности и, очевидно, отвечавшим местам жилищ и ближайшему их окружению. В пяти случаях (жилища VI—X) на местах жилищ удалось также проследить на глубине 0,6—1 м от поверхности в слое предматерикового суглинка следы жердей в виде круглых или овальных в плане и треугольных в вертикальном разрезе темных пятен, диаметром 6—15 см и глубиной до 0,2 м, считая от горизонта, с которого они прослеживались. Нижние концы жердей односторонне или двусторонне заострены. На основании расположения их можно установить, что жилища были неправильно прямоугольной формы, размером от 1,6×3,6 м до 2,5×3,7 м, с разной ориентировкой (рис. 43). В четырех случаях (жилища IV, VI—VIII) вскрыты развалы очагов, находившиеся в восточной или южной части на глубине 0,5—0,7 м от современной поверхности и состоящие из кусков печины и пода. Конструкции и размеры большинства очагов установить не удалось. Очаг в жилище VII был овальный 0,55×0,7 м (ориентировка — север — юг) и состоял из слоя (толщиной 0,11—0,15 м) пережженной докрасна глины и прикрывающих его кусков печины. На вогнутой поверхности пода находилась зола. В двух жилищах (IV и VI) недалеко от очагов найдены сосуды, а в двух других (VII и X) обнаружены каменные зернотерки.

¹ По докладу на отчетной сессии ИА АН СССР 1962 г. (Секция неолита и бронзы).

² В экспедиции принимали участие И. К. Свешников (руководитель работ), Ж. Д. Симферовская и В. Д. Селедец (научные сотрудники) и группа студентов Львовского университета.

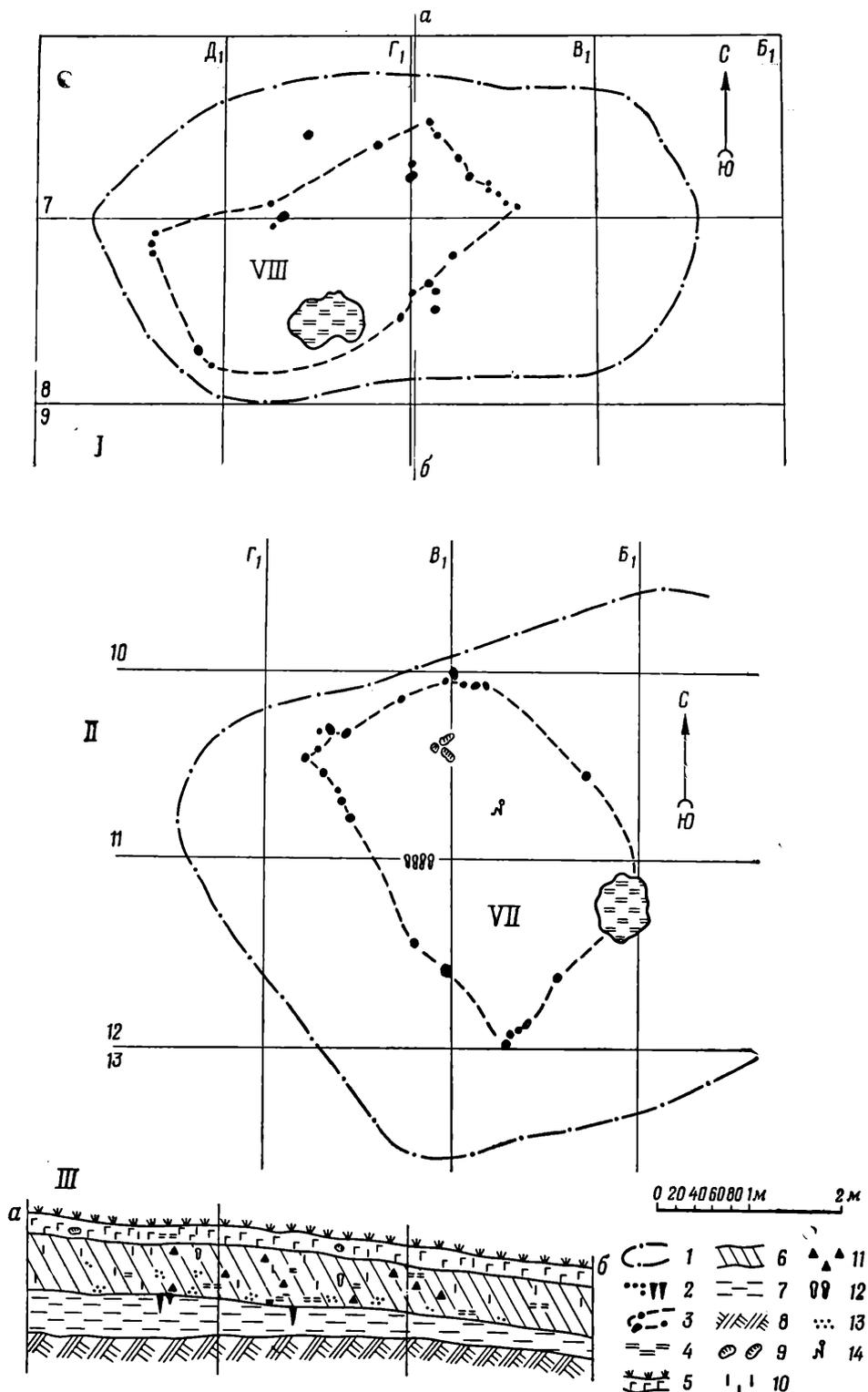

Рис. 43. Поселение у с. Городок. Жилища VII и VIII. Раскопки 1961 г.

1 — план жилища VIII, II — план жилища VII, III — вертикальный разрез площади жилища VIII по линии а-б. 1 — граница скопления культурных остатков вокруг жилищ; 2 — следы жердей; 3 — приблизительные очертания жилищ; 4 — очаг; 5 — гумус; 6 — чернозем с песком; 7 — суглинок; 8 — материк; 9 — зерно-терка; 10 — кремневые отщепы и сколы; 11 — обломки керамики; 12 — кости животных; 13 — зола; 14 — место находки рыболовного крючка

Две зернотерки в жилище X стояли рядом, рабочими поверхностями вверх, а под ними находились более мелкие куски камней, обеспечивающие их устойчивость. Тут же найден каменный терочник. Близкие по типу жилища известны в жуцевской (висло-неманской) культуре³, которую можно считать распространенным в Южной Прибалтике вариантом культур шнуровой керамики.

Открытые на поселении хозяйственные ямы были круглыми или овальными в плане (диаметр 0,92—1,7 м, глубина 0,48—2,04 м от современной поверхности). В их заполнении найдены печина, кремневые отщепы и изделия, кости животных.

Находки из культурного слоя и жилищ состояли из костей животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, косуля⁴), керамики, большого количества кремневых отщепов (например, на площади жилища II и возле него найдено 168 кремневых отщепов), изделий из кремня, камня и кости. Кроме того, в культурном слое найден кусок янтаря, а в жилище VII — медный рыболовный крючок.

Кремневый инвентарь состоит из крупного нуклеуса, большого количества шаровидных и грушевидных отбойников, овальных и четырехугольных в сечении топоров (рис. 44—1; рис. 45—6, 13, 21) и долот (рис. 45—12, 22) с зашлифованными лезвиями, ножей на пластинах (рис. 44—2—4), боковых и концевых скребков на отщепах и пластинах (рис. 44—9—16; рис. 45—11), заполированных вдоль рабочего края вкладышей серпов на обломках пластин (рис. 44—19; рис. 45—25), одного обломка широкого ножевидного серпа (рис. 44—17), кинжала с удлиненным треугольным лезвием и прямоугольной рукояткой (рис. 44—8), двух листовидных наконечников дротиков с прямоугольными черенками (рис. 44—18, 20), нескольких наконечников стрел (рис. 44—21, 22) и серии массивных, овальных в сечении листовидных наконечников копий с крупной обивной ретушью вдоль краев и на поверхности (рис. 44—5—7).

Каменные изделия представлены овальными или прямоугольными зернотерками из песчаника (размером около 20 × 26 × 20 см), шаровидными и плоскими терочниками со стертymi рабочими поверхностями, обломком плитки для зашлифовки орудий, несколькими фрагментами сверленных каменных топоров с прямым лезвием.

Наибольшую группу костяных изделий составляют проколки из продольно расколотых или заостренных трубчатых костей животных (рис. 44—28; рис. 45—9, 10, 19). Далее следует назвать долотообразное орудие из трубчатой кости с широким косым срезом на ее конце (рис. 45—18), фрагмент костяного долота (рис. 45—3), иглы с круглым сверленным ушком (рис. 45—15), подвеску неправильно прямоугольной формы со сверлиной в верхней ее части (рис. 44—25) и подвеску из кабаньего клыка с круглыми сверлинами на концах.

Медный рыболовный крючок изготовлен из согнутой четырехугольной в сечении полоски, один конец которой загнут в полтора оборота и образует петлю, второй, тонкий и круглый в сечении, — заостренное на конце жало (рис. 45—26).

Отличительные признаки керамики исследованного поселения — это примесь крупнозернистого песка (в отдельных случаях — мелких зерен толченого пережженного кремня) в глине и сглаженная, часто подлощенная поверхность. Орнамент состоит из оттисков наискось перевитой веревочки, ногтевых вдавлений или нарезов. Реже встречается пластический орнамент: полукруглые выступы на краю венчика (рис. 45—14), слабо-рельефные валики (рис. 45—5, 23). На некоторых сосудах шнуровой

³ J. Zurek. Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzućewie, pow. Wejherowski i kultura rzućewska. «Fontes Archaeologici Posnanienses», Poznań, t. IV, 1954, стр. 1—42, рис. 38.

⁴ Определение канд. биолог. наук В. И. Бибиковой на основании материала из раскопок 1960 г.

Рис. 44. Материалы из поселений на Волыни

1—33 — Городок, урочище «Курганы» (1 — топор; 2—4 — ножи; 5—7 — массивные наконечники копий; 8 — кинжал; 9 — боковой скребок; 10—16 — концевые скребки; 17 — обломок серпа; 18, 20 — наконечники дротиков; 19 — вкладыш для серпа; 21, 22 — наконечники стрел; 23, 24, 29—33 — обломки сосудов; 25 — жодвеска; 26, 27 — дряслица; 28 — прокоака). 34, 35, 41 — обломки сосудов из Эдолбицы. 36—40 — обломки сосудов из с. Горки; 42—44 — керамика из с. Волсвин (1—22 — кремь; 23, 24, 26, 27, 29—44 — глина; 25, 28 — кость)

орнамент сочетается с рельефным и линейным штампом (рис. 45 — 23). К наиболее распространенным формам следует отнести крупные сосуды с небольшим вогнутым дном и шаровидным телом (рис. 45 — 1), миски со слегка загнутым внутрь краем венчика и сосуды с цилиндрической шейкой и двумя ручками, прикрепленными верхним концом к краю венчика или непосредственно под ним, украшенные шнуровым орнаментом и нарезками (рис. 45 — 20, 27) или ногтевыми вдавлениями (рис. 45 — 28). Из жилища III происходит небольшая мисочка с вогнутым дном и утолщенным неровным краем венчика (рис. 45 — 16). Там же найден обломок сосуда, украшенного у основания прямого венчика рядом ногтевых вдавлений (рис. 45 — 17).

Особо следует отметить находки в культурном слое и на месте отдельных жилищ керамики, отличающейся от описанной системой орнамента. Она представлена обломками сосудов и составляет незначительный процент общего количества находок. Это обломки прямых венчиков сосудов, украшенных рядами вертикальных и группами горизонтальных или косых углубленных линий (рис. 44 — 23, 30; рис. 45 — 2), фрагменты сосудов с круглыми углублениями или вертикальными нарезками под венчиком, обломки стенок и днищ, украшенных мотивом зигзагов, составленных из отпечатков линейного или полукруглого штампа с поперечными нарезками (рис. 44 — 31). В некоторых случаях нарезные линии разной длины расположены горизонтально и, косо, а соприкасаясь друг с другом под углом, составляют тройной косой зигзаг (рис. 44 — 29). Из других орнаментационных мотивов следует назвать вертикальные или косые наколы, образующие иногда мотив елочки (рис. 44 — 33), и сочетание отпечатков треугольного штампа с горизонтальной елочкой (рис. 45 — 4). На одном обломке горизонтальные и вертикальные нарезки сочетаются с отпечатками квадратного штампа (рис. 45 — 24). Небольшая группа керамики украшена мотивом, близким к так называемой «гусеничке» (отрезки тонких углубленных линий с поперечными нарезками — рис. 44 — 24). Описанная керамика составляет одну группу с находками из ряда других поселений Северо-Западной Волыни, на которых найдены также обломки сосудов со шнуровым орнаментом (например, Нобель, Иванчицы, Зозов, Мирогоща Ровенской области; Немир, Горки, Ляховичи, Хабарище, Зимно, Коршев Волынской области; Волсвин Львовской области). Точные аналогии большинству этих находок⁵ пока отсутствуют, однако по системе и характеру своего орнамента они стоят ближе всего к памятникам культур гребенчатой керамики, известным из территории Западной Белоруссии⁶ и Польши⁷. Отдельные находки близки также керамике начала бронзового века Верхнего Поднепровья⁸ и Посожья⁹, орнамент которой, очевидно, возник не без влияния традиций развивавшейся ранее на этой территории неолитической культуры гребенчато-накольчатой керамики. Некоторые обломки сосудов из урочища Курганы (рис. 44 — 33; рис. 45 — 4) близки керамике среднеднепровской культуры¹⁰.

⁵ Хранятся в Львовском историческом и Луцком краеведческом музеях, а также в Институте общественных наук АН УССР во Львове.

⁶ См., например: Z. Szmit. *Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu*. «Wiadomości archeologiczne», т. X, 1929, табл. VII.

⁷ См., например: A. Gardawski. *Zagadnienie kultury «ceramiki grzybkowej» w Polsce*. «Wiadomości archeologiczne», т. XXV, № 4, 1958, рис. 2, в; табл. XLII, 21; XLIII, 18; XLVI, 6; J. Zurek. *Op. cit.*, рис. 11 — 1, 3; 14 — 5, 8, 9; J. Kostrzewski. *The north-eastern Pottery in Poland*. «Palaeologia», v. III, N 3, 1954, рис. 4 — 2, 7, 13; 8.

⁸ И. И. Артеменко. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья. КСИИМК, вып. 78, 1960, рис. 10 — 14, 17, 20; его же. Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 г. КСИА, вып. 84, 1961, рис. 20 — 13, 16, 20, 24.

⁹ К. М. Паликарпович. Дослідження культур каменного і бронзового періоду у східній Белорусі. «Записки адделу гуманітарних наук», т. I, Минск, 1928.

¹⁰ См. Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, рис. 10 — 2, 7; 11 — 1, 9; 12 — 4; 13 — 3, 6.

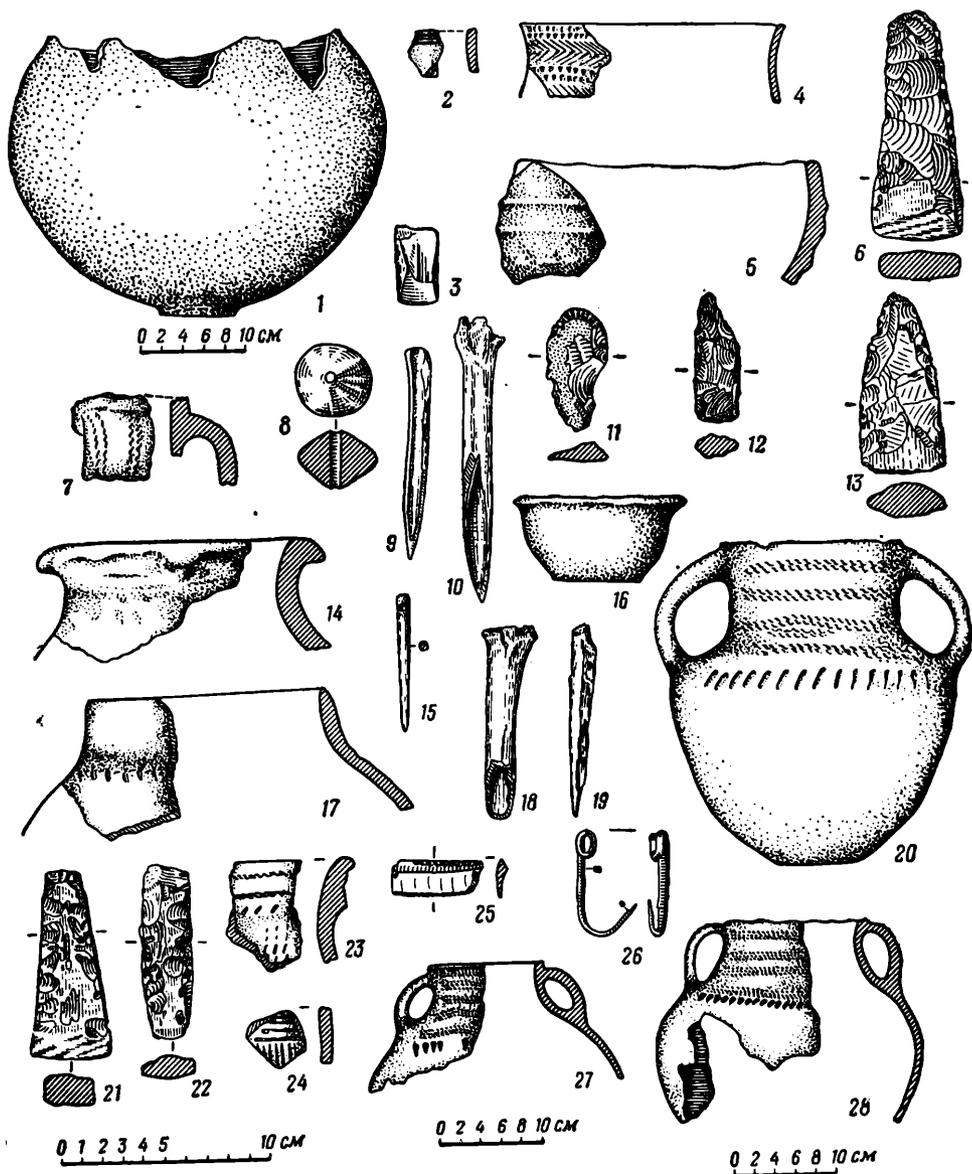

Рис. 45. Поселение у с. Городок. Находки из раскопок 1960—1961 гг.

1—3, 5—7 — керамика, фрагмент долота и топор из жилища I; 8—14 — пряслице, проколки, скребок, долото, топор, обломок сосуда из жилища II; 4, 15—17 — обломки сосудов, игла, мисочка из жилища III; 18—23 — долотцевиное орудие, проколка, сосуд, топор, долото и обломок сосуда из жилища IV; 24—25 — обломок сосуда и вкладыш для серпа из жилища V; 26—28 — рыболовный крючок и керамика из жилища VII (1, 2, 4, 5, 7, 8, 14, 16, 17, 20, 23, 24, 27, 28 — глина; 3, 9, 10, 15, 18, 19 — кость; 6, 11—13, 21, 22, 25 — кремень; 26 — медь)

Отсутствие систематических раскопок на большинстве упомянутых во-лынских поселений и характер жилищ в Городке, не исключающий возможности смешения материала из культурного слоя с инвентарем жилищ, не дают пока возможности ответить на вопрос, являются ли открытые в Городке материалы разных культур результатом их механического смешения или они отображают тесные связи этих культур, как объясняют некоторые исследователи¹¹ находки в слоях поселений Прибалтики и Польши сосудов культур шнуровой и гребенчатой керамики. Некоторые находки в с. Эдолбца Ровенской области¹² как будто указывают на существование таких связей: так, непосредственно над погребением 1 культуры шнуровой керамики найден обломок стенки сосуда, украшенного двумя валиками с круглыми вдавлениями и поперечными углублениями, а вся поверхность стенки покрыта косо расположенными ногтевыми вдавлениями (рис. 44 — 34). Над хозяйственной ямой возле землянки I у Эдолбцы найден обломок стенки сосуда, украшенный рядом вертикальных нарезов (рис. 44 — 35), а на очаге возле землянки II — обломок сосуда с наколотым орнаментом (рис. 44 — 41), нехарактерным для культуры шнуровой керамики. В качестве второго доказательства существования таких связей можно рассматривать керамику из поселений у сел Горки Волинской области (рис. 44 — 36—40), Волсвин Львовской области (рис. 44 — 42—44) и др., в которой сочетается распространенный в культуре гребенчато-накольчатой керамики орнаментационный мотив глубоких цилиндрических углублений под венчиком с отпечатками наискось перевитой веревочки (рис. 44 — 36, 44). Присутствие в культурном слое поселения в урочище Курганы отдельных обломков сосудов, близких керамике среднеднепровской культуры, очевидно также свидетельствует о межплеменных связях. Вопрос о характере всех этих связей еще не может быть окончательно выяснен.

Основной хозяйственной деятельностью жителей поселения в урочище Курганы были земледелие и пастушеское скотоводство. Первое подтверждается находками многочисленных зернотерок, терочников и вкладышей для серпов, второе — костями крупного и мелкого рогатого скота и коня. Важными отраслями хозяйства также были, видимо, прядение, о котором свидетельствуют находки глиняных биконических пряселец (рис. 44 — 26, 27; рис. 45 — 8) и изготовление кремневых орудий, подтвержденное наличием в культурном слое огромного количества отщепов и заготовок орудий, многочисленными отбойниками, открытием на площади поселения небольшой мастерской для изготовления орудий, а недалеко от поселения — места добычи кремня. Охота и рыбная ловля играли, видимо, вспомогательную роль (найлены одна кость косули, подвеска из клыка дикого кабана и один рыболовный крючок).

Твердые основания датировки поселения у с. Городок пока отсутствуют. Уточнить время его существования помогает сравнение кремневого инвентаря и керамики из Городка с материалами других памятников культур шнуровой керамики Волини, в частности с материалами стжижовской культуры. В этом плане важное значение имеют находки в Городке прямоугольных в сечении кремневых топоров и долот, распространенных в ряде энеолитических культур (в среднем и позднем Триполье, культуре воронковидных кубков, культуре шаровидных амфор), и массивных архаического типа наконечников копий с обивной ретушью. Характерные для стжижовской культуры широкие ножевидные серпы, тонкие листовидные наконечники копий, сердцевидные наконечники стрел на поселении в Городке отсутствуют (за исключением одного обломка ножевидного серпа).

¹¹ Л. Янитс. Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. КСИИМК, вып. 54, 1954; J. Zurek. Op. cit.; A. Gardawski. Op. cit.

¹² И. К. Свешников. Памятники культуры шнуровой керамики у с. Эдолбца (УССР). КСИА, вып. 85, 1961.

Керамика из Городка по своему характеру также отличается от керамики стжижовской культуры, известной, между прочим, на поселениях в соседних с Городком селах. Все это заставляет нас рассматривать поселение в урочище Курганы как относящееся к периоду, предшествующему развитию стжижовской культуры, датирующейся началом бронзового века¹³. Существование исследованного поселения следует, видимо, датировать концом III — началом II тысячелетия до н. э.

Раскопки 1960—1961 гг. у с. Городок значительно расширяют наши представления о памятниках культуры шнуrowой керамики на Воьлини. Первоочередная задача в изучении энеолита — начала бронзового века этой территории — это дальнейшие планомерные полевые работы, которые должны осветить неясные еще вопросы истории племен указанной эпохи, в частности вопросы уточнения относительной и абсолютной хронологии памятников культур шнуrowой керамики на Воьлини, их происхождения, связей оставивших их племен со своими соседями и исторических судеб этих племен.

---

¹³ J. Głosiński. Kultura strzyżowska. Sprawozdania z posiedzeń Komisji Oddziału PAN w Krakowie. Styczeń-czerwiec, 1961.

IV. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРОВ ИА АН СССР в 1962 г.

1. СЕКТОР ПАЛЕОЛИТА

Сотрудники Сектора палеолита (заведующий сектором П. И. Борисковский) продолжали разработку тем, связанных с проблемами происхождения человека, становления и развития первобытного общества и сложения этнических общностей на территории нашей страны.

Среди докладов и сообщений, заслушанных на заседаниях Сектора и посвященных палеолиту, следует отметить выступления, затрагивающие проблемы палеолитических жилищ. А. Н. Рогачев сообщил об исследовании в верхнем слое Аносовки II остатков большого жилища, окруженного рядом хозяйственных ям. Определенный порядок залегания костей мамонта, по мнению исследователя, объясняется использованием их в качестве негниющего материала, изолирующего земляные стены от деревянного каркаса жилища.

Г. П. Григорьевым сделана попытка новой реконструкции наземного жилища Костенок I. На основании анализа распределения находок размеры костенковского жилища надо считать гораздо меньшими, чем предполагалось прежде (не более 190 кв. м); удалось реконструировать его в виде двускатного длинного шалаша под коньковой крышей; по средней оси располагались очаги. Вопросы устройства опорных конструкций были затронуты в сообщении Л. М. Тарасова о находке новой статуэтки, обнаруженной в яме у края жилища на Гагаринской стоянке.

Большое внимание устройству жилищ и их расположению на территории стоянки уделил в своем обобщающем докладе «Итоги исследования Мезинской стоянки» И. Г. Шовкопляс (ИА АН УССР). Автор выделяет пять крупных хозяйственно-бытовых комплексов; каждый из них включает жилище, производственный центр, очаг и скопление сырьевого материала. Изготовление предметов искусства было сосредоточено в двух жилищах.

В докладе «Проблема происхождения искусства в связи с материалом поселения Костенки I» А. А. Тудоровским были выделены на поселении и в жилище участки, связанные с хранением «материалов эстетического производства»: мергеля, краски. Им были предложены другие очертания Костенковского жилища, чем намеченные Г. П. Григорьевым. Наличие необходимых для жизни запасов А. А. Тудоровский считает неизменным условием происхождения искусства.

В другом докладе, посвященном первобытному искусству, Э. А. Абрамова ознакомила с классификацией антропоморфных изображений эпохи верхнего палеолита. В ее основу положены два принципа: 1) техника и 2) манера исполнения.

Одним из основных научных мероприятий сектора в 1962 г. была организация и проведение расширенного совещания по вопросам изучения памятников мезолитического времени. В совещании приняло участие свыше 70 археологов и геологов из разных республик и городов. Были заслу-

шаны 22 доклада, вызвавшие многочисленные выступления в прениях¹. На основе материалов совещания подготовлен к печати сборник «Проблемы мезолита СССР» (22 п. л.). Он включает 23 статьи, сообщающие о результатах новейших исследований по мезолиту нашей Родины и ряда сопредельных стран. В работах ставятся и решаются некоторые дискуссионные вопросы о времени возникновения и путях развития мезолитических культур.

Среди докладов, касающихся проблем неолита, следует отметить доклад Л. Я. Крижевской «Кремневый инвентарь неолитических стоянок Южного Зауралья». Л. Я. Крижевской было отмечено долгое бытование изделий из ножевидных пластин, восходящих к мезолиту, на поселениях более позднего времени, в частности в неолитических стоянках Уральского Приозерья (Чебаркуль I и Чебаркуль II), и возможное сосуществование этих изделий с двусторонне обработанными орудиями из отщепов.

Выяснению датировок и культурной принадлежности материалов Улан-Хадинской стоянки (Байкал), добытых раскопками Б. Э. Петри в 1913 г., посвятил выступление Л. П. Хлобыстин². Им отмечается последовательное залегание следующих слоев: 1) культуры бескерамического неолита, 2) позднесеровского времени, 3) содержащего в смешанном состоянии материалы серовской, китойской и раннеглазковской культур, 4) глазковской и еще нескольких прослоек с остатками более позднего времени. Китойская культура рассматривается как явление, не типичное для Маломорья Байкала.

За прошедший год сократилось число тем, посвященных древней истории Дальнего Востока в связи с передачей их Сибирскому отделению АН СССР. Отпали темы по поздней истории Дальнего Востока; проблематика же каменного века этой территории продолжает оставаться в плане сектора. Так, проблеме неолита Курильских островов был посвящен доклад Р. В. Козыревой, выделившей две группы поздненеолитических памятников. Одна группа принадлежит культуре, близкой позднему варианту культуры дзёмон, другая — так называемой охотской культуре.

Традиционны для сектора связи его сотрудников с зарубежными археологами. В октябре 1962 г. П. И. Борисковский принимал участие в советско-румынском семинаре, посвященном первобытной археологии, состоявшемся в Бухаресте, на котором выступил с докладом «Проблемы позднего палеолита и мезолита Юго-Запада СССР».

С большим интересом сектор следит за палеолитическими исследованиями, проведенными научными работниками музеев и смежных институтов. Сектором заслушаны выступления В. И. Савича «Разведки палеолита на территории юго-западной Волини и раскопки на палеолитической стоянке Липа VI в 1960—1961 гг.», В. А. Месяца «Палеолитические находки на правобережном Полесье», В. И. Громова «О геологическом возрасте верхнего палеолита Европы» и др.

В соответствии с разрабатываемыми проблемами под руководством сотрудников сектора проведены следующие экспедиции.

1. Костенковская палеолитическая экспедиция, руководимая А. Н. Рогачевым, занималась исследованием нижнего (третьего) культурного слоя Волковской палеолитической стоянки (Костенки XII). Установлен факт принадлежности его к костенковско-стрелецкой культуре, характерной для ранней поры эпохи верхнего палеолита Восточной Европы.

2. Северо-Кавказским палеолитическим отрядом (руководитель Е. А. Векилова) велось геологическое изучение отложений Ахштырской пещеры. Разведочными работами обнаружены следы обитания в нижней

¹ Отчет о совещании опубликован в журнале «Советская археология» (1962, № 4).

² См. работу Л. П. Хлобыстина в настоящем сборнике.

Ахштырской пещере, относящиеся, видимо, к эпохе мезолита, а также проведены сборы нижнепалеолитических материалов на террасах левого берега р. Мзымты, вблизи с. Ахштырь.

3. Одесский палеолитический отряд (руководитель П. И. Борисковский), работавший в пределах Одесской области, исследовал пять тарденуазских стоянок. Существование культуры тарденуаза с геометрическими орудиями на территории Юго-Запада СССР можно считать окончательно установленным.

4. Верхне-Донская экспедиция, возглавляемая В. П. Левенком, исследовала территорию Липецкой области. Открыты и частично изучены новые памятники, относящиеся к различным эпохам. Закончены раскопки раннеолитической стоянки у с. Долгое. Стратиграфическая расчлененность разновременных комплексов делает этот памятник опорным для изучения неолитических культур Верхнего Дона.

Л. М. Тарасовым были продолжены раскопки Гагаринской палеолитической стоянки. Доследовались остатки конструкций жилища. Собран кремневый и костяной инвентарь, существенно дополняющий коллекцию старых раскопок. В примыкающей к жилищу яме найдена прекрасная женская статуэтка.

5. Верхне-Волжской неолитической экспедицией (руководитель Н. Н. Гурина), проводившей исследование мезолитических и неолитических памятников Верхней Волги и Северной Белоруссии, близ г. Волковыска обнаружены неолитические шахты по добыче кремня — первые на территории Советского Союза. Кроме того, раскопками у д. Свеклино открыто жилище и получены новые материалы для определения возраста макролитической культуры верхней Волги.

6. Южно-Уральская экспедиция (руководитель Л. Я. Крижевская) продолжила работы по изучению памятников неолита и бронзы Челябинской области. Доследовались стоянки на озере Чебаркуль. Поиски новых памятников, проведенные в Учалинском, Абзелиловском и Миасском районах, привели к открытию многочисленных поселений эпохи неолита и бронзы, располагавшихся по берегам озер. Раскопками, впервые проведенными на территории Ильменского заповедника (Миасский р-н), раскрыто поселение эпохи развитой бронзы с остатками жилища.

В составе Красноярской экспедиции продолжали работу палеолитический отряд, руководимый Э. А. Абрамовой, и неолитический отряд, руководимый Н. Н. Гуриной¹.

Палеолитическим отрядом исследовались стоянки в окрестностях с. Кокорево: продолжались исследования стоянки Забочка и заложен разведочный раскоп на стоянке Тележный Лог. К числу интересных находок можно отнести лопатку бизона с вонзившимся в него обломком костяного наконечника копья. Основным пунктом раскопок неолитического отряда оставалось многослойное поселение в устье р. Бирюсы.

Получены обильные материалы, характеризующие неолит и мезолит Енисея, вскрыты на большой площади слои, содержащие остатки сезонных стоянок палеолитических охотников.

В 1962 г. вышли из печати свыше 30 научных работ сотрудников сектора, среди них выпуск свода «Первобытное искусство на территории СССР», подготовленный Э. А. Абрамовой (15 п. л.), и монография М. В. Воробьева «Древняя Корея». В Демократической Республике Вьетнам вышла на вьетнамском языке книга П. И. Борисковского «Основы археологии» (25 п. л.), представляющая курс лекций, прочитанных им в Ханойском университете в 1960—1961 гг.

Л. П. Хлобыстин

¹ См. работу Н. Н. Гуриной в настоящем сборнике.

2. СЕКТОР НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

В 1962 г. сотрудники сектора неолита и бронзы Института археологии АН СССР работали над двумя проблемами: «Развитие первобытнообщинного строя и сложение этнических общностей на территории СССР» и «Развитие социально-экономических отношений у народов Востока».

По первой проблеме подготавливались монографии: «История населения Прикамья в эпоху камня и бронзы» (О. Н. Бадер); «Бронзовый век Башкирии» (А. В. Збруева); «История племен в V—III тысячелетиях до н. э. в Поднепровье» (Т. С. Пассек); «Орудия труда и их производство у трипольских племен» (Е. К. Черныш); «Энеолит Поволжья» (Н. Я. Мерперт); «Каменный век и энеолит Прикубанья» (А. А. Формозов); «Бамутский могильник эпохи меди и бронзы в ЧИАССР»; «Кавказ в древности» (научно-популярная серия) (Р. М. Мунчаев); «Древние племена каякентско-хорочоевской культуры Северо-Восточного Кавказа» (В. И. Марковин); «Бронзовый век на территории Монгольской Народной Республики» (В. В. Волков); «Памятники племен бронзового века Верхнего и северных районов Среднего Поднепровья» (И. И. Артеменко); «Опыт археологического изучения микрорайона андроновской культуры» (Е. Е. Кузьмина).

О. Н. Бадером подготовлена работа, посвященная палеолитической живописи в Каповой пещере. В. В. Волков (новый сотрудник сектора) сдал в печать научно-популярный очерк «Памятники бронзового века Монголии», который будет опубликован в Улан-Баторе.

По второй проблеме работала значительная группа сотрудников. Под руководством заведующего сектором неолита и бронзы члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева был выпущен «Монгольский археологический сборник» по теме «История Монгольской Республики». Одновременно С. В. Киселев работал над большой монографией «Бронзовый век в истории древней Европы и Азии». Два младших научных сотрудника — О. Н. Евтюхова и В. С. Титов выполняли большие библиографические работы по данной монографии. Н. Я. Мерперт — участник Нубийской экспедиции был занят разработкой темы «Древнеегипетское поселение Хор-Дауд в Северной Нубии».

Сотрудниками сектора разрабатывались также выпуски свода археологических источников: «Каменные сверленные боевые топоры» (А. Я. Брюсов); «Фатьяновская культура» (вып. II, Д. А. Крайнов); «Неолит Приморья» (Г. И. Андреев); «Клады и случайные находки эпохи бронзы с территории Средней Азии» (Е. Е. Кузьмина); «Металлургия Южной Сибири эпохи энеолита и бронзы» (Ю. С. Гришин); «Археологические памятники субарктической полосы Западной Сибири» (В. И. Мошинская); «Памятники эпохи энеолита и бронзы центрально-черноземной полосы РСФСР» (Б. Г. Тихонов); «Варианты карасукской культуры в Минусинской котловине и ее окрестностях» (Н. Л. Членова); «Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении» (В. И. Сариниди).

Сдан в печать выпуск свода: В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала; вышел в свет выпуск свода: Т. С. Пассек и Е. К. Черныш. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР.

В 1962 г. сектор неолита и бронзы понес тяжелую утрату. 8 ноября после тяжелой болезни скончался заведующий сектором член-корреспондент АН СССР Сергей Владимирович Киселев — человек неутомимой энергии, большой знаток древностей Европы и Азии. Временно обязанности зав. сектором выполняла доктор исторических наук Т. С. Пассек. В конце 1962 г. ученый секретарь сектора В. И. Марковин передал дела новому секретарю В. И. Сариниди.

В деятельности сектора, состоявшего из 22 сотрудников, принимали участие сотрудники других секторов Института археологии АН СССР научные работники МГУ, различных институтов и музеев. На заседаниях сектора были заслушаны доклады, сообщения по различным научным вопросам и полевым исследованиям. Многие доклады были посвящены археологии Юга и Европейской части СССР. Так, например, Н. О. Бадер (лаборатория ИА АН СССР) сделал доклад на тему «О соотношениях некоторых мезолитических племен Средиземноморья». Докладчик выделяет следующие культурные области мезолита: Крым, Ближний Восток, Верхний Египет, Северная Африка. Для выделения этих областей автором взяты специфические черты инвентаря. В позднем мезолите довольно четко выделяется натуфийская культура Палестины. Возможно, в самостоятельную культуру для этого времени выделится и Закавказье.

Крым представляет самостоятельную мезолитическую область, слегка тяготеющую к Средиземноморью. Изучение мезолита позволит в дальнейшем представить общественно-экономические изменения, происходившие в эту эпоху. При обсуждении доклада С. В. Киселев, Т. С. Пассек, А. А. Формозов отметили ценность работ, проводимых докладчиком, и пожелали в дальнейшем более конкретно использовать собранный материал.

Е. К. Черныш в докладе «Трипольские мастерские по изготовлению орудий в Приднепровье» охарактеризовала многочисленные открытые площадки-мастерские по изготовлению кремневых орудий. Докладчица остановилась также на способах добычи кремня, на типах орудий. Выступившие А. А. Формозов, В. Н. Чернецов отметили, что для решения намеченных вопросов необходим дальнейший сбор материалов.

Большой доклад П. Д. Либерова «Абашевская культура на Среднем Дону» был заслушан на совместном заседании сектора неолита и бронзы и сектора скифо-сарматской археологии. Раскопки, проведенные автором, дали значительный керамический и остеологический материал, на основании которого устанавливается связь жителей среднего Дона с населением абашевской культуры Поволжья, прослеживается влияние срубной и андроновской культур на культуру местных племен. Памятники абашевской культуры на среднем Дону распространены от Липецка до южной границы лесостепи и от Курской и Орловской областей до восточных границ Воронежской области. Датируются эти памятники вторым периодом эпохи бронзы. Эта территория была заселена с Поволжья в связи с изменением климатических условий, в поисках новых пастбищ. Доклад вызвал большое обсуждение.

И. И. Артеменко сделал серию докладов по монографии, посвященной культуре племен Верхнего и северных районов Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. Исследования, проводимые И. И. Артеменко в течение нескольких лет, важны для решения проблемы этногенеза восточных славян и балтов. Сектор рекомендовал работу И. И. Артеменко к защите в качестве кандидатской диссертации.

Г. М. Буров (Коми филиал АН СССР, г. Сыктывкар) доложил основные положения кандидатской диссертации «Древняя история Вычегодского края», дал описание и анализ материалов, начиная от позднелепидеолитического времени и до появления железа.

Серия докладов посвящалась археологии Азиатской части СССР.

В. И. Сариниди в докладе «Памятники позднего энеолита Юго-Востока Туркмении» (выпуск САИ) показал место керамики «геоксюрского типа» на фоне синхронных материалов других памятников культуры анау.

Г. А. Максименко (ЛО ИА) выступил с сообщением «Усть-Собакинская стоянка и ее значение для древней истории Красноярска». Среди материалов раскопок есть аналогичные прибайкальским серовского, китойского, глазковского этапов, а также афанасьевским Минусинской котловины. Стоянка позволяет проследить смену культурно-исторических этапов.

Автору были сделаны замечания как по методике исследования, так и по интерпретации конкретного материала.

А. Я. Брюсов в докладе «О происхождении андроновской культуры» в противовес мнению С. В. Киселева, С. П. Теплоухова о развитии андроновской культуры из афанасьевской выступил с иной точкой зрения. По его мнению, на материале верхнего Тобола можно проследить непрерывную линию развития от докерамического неолита и до «типичного андроновского времени». А. Я. Брюсову выступавшими было замечено, что происхождение данной культуры правильнее обосновывать не по микрорайонам, а по всей территории.

Е. Е. Кузьмина выступила на секторе с «Периодизацией андроновских могильников Еленовского микрорайона», выделив три типа памятников с характерным для них обрядом и инвентарем. Другое сообщение Е. Е. Кузьмина посвятила андроновскому могильнику Байту в Еленовском районе Оренбургской области. Оба доклада вызвали серьезное обсуждение, касавшееся датировки памятников и их общей периодизации.

В. И. Мошинская выступила с большим докладом «Археологические памятники субарктической полосы Западной Сибири», посвященным выпуску свода. Докладчик детально остановился на характеристике усть-полуйской культуры, обнаруживающей сходство с культурой самоедов. Доклад вызвал большой интерес и обсуждение.

Г. И. Андреев рассказал об исследованиях в бухте Валентин (Приморье) в 1961 г., где были найдены земледельческие орудия, относящиеся к середине I тысячелетия до н. э.

На секторе заслушаны также два доклада Н. Я. Мерперта, посвященные итогам Нубийской экспедиции в Египте в 1961—1962 гг. Автор рассказал о поселении Хор-Дауд в Северной Нубии, относящемся к додинастическому времени.

В. И. Марковин сообщил на секторе о впечатлениях от поездки в ГДР, посещения музеев и памятников немецкой культуры в Берлине, Дрездене, Мейсене, Веймаре, Лейпциге. А. Я. Брюсов дополнил его сообщение демонстрацией фотографий некоторых памятников.

Сектор, как и в прошлые годы, большое внимание уделил аспирантским докладам. М. Ф. Косарев сделал два доклада — один, посвященный работам Томско-Чулымского отряда Западно-Сибирской экспедиции, и другой по теме своей диссертации «Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья». Я. М. Сунчугашев сообщил о древних горных выработках в районе Хову-Аксы в Туве. Г. Н. Матюшин сделал доклад «Новые мезолитические и неолитические памятники Башкирии». Доклады аспирантов были всесторонне обсуждены.

В. И. Марковин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМТР — Государственный музей Татарской АССР
ГОМ — Горьковский областной краеведческий музей
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии
ИА — Институт археологии АН СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРКИСВА — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МАЭк — Марийская археологическая экспедиция
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
САИ — Свод археологических источников
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук
ЧКМ — Чувашский краеведческий музей
ЧувНИИ — Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
С. Z. — Коллекция В.И. Заусайлова в Национальном музее Финляндии
J_s — Jashe
J_t — Jacht

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

- Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья 3

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

- Л. М. Тарасов. Конструкция палеолитического жилища в Гагарино 20
Л. П. Хлобыстин. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри) 25
Е. А. Векилова. Неолитическая стоянка Зуя 1 под Симферополем 33
Е. Е. Кузьмина. Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) 39
А. Х. Халиков. Балановские памятники в Татарии 50

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Н. Д. Праслов. Гмелинская стоянка в Костенках 59
Н. Г. Блохина. Анализ углей из палеолитических стоянок в Костенках 64
Г. Н. Матюшин. Стоянки с микролитическим инвентарем в горной Башкирии 66
Л. Я. Крижевская. Новые данные по неолиту Южного Урала 75
М. Ф. Косарев. Десятковское поселение 81
Н. Н. Гурина. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции 88
Г. И. Андреев. Исследования в бухте Валентин 98
И. Г. Розенфельдт. Неолитические стоянки на Тростенском озере 104
О. С. Гадзяцкая. Стоянка Сельцо на озере Неро 107
И. В. Гаврилова. Дюнная стоянка Романовичи 113
И. И. Артеменко. Неолитические стоянки у с. Веть Могилевской области 120
И. К. Свешников. Поселение культуры шнуровой керамики у с. Городок Ровенской области 127

IV. ХРОНИКА

- Работа секторов ИА АН СССР в 1962 г. 135
1. Сектор палеолита (Л. П. Хлобыстин) 135
2. Сектор неолита и бронзы (В. И. Марковин) 138
Список сокращений 141

**Краткие сообщения о докладах
и полевых исследованиях института археологии
вып. 97**

*Памятники первобытного общества
на территории СССР*

*Утверждено к печати Институтом археологии
Академии наук СССР*

*Редактор издательства М. Г. Воробьева
Контрольный редактор С. Т. Попова
Технические редакторы Е. В. Макуни, Н. Ф. Егорова*

Сдано в набор 22/X 1963 г. Подписано к печати 6/II 1964 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆ Печ. л. 9 = 12,33 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 11,8. Тираж 1200 экз. Т. 01994. Изд. № 2028.
Тип. зак. № 2843. Темплан 1964 г. № 121

Цена 83 к.

Издательство «Наука» Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
36	14 св.	застроенным	заостренным
74	6 св.	VI—XV	XV—VI
87	1 сн.	СА. № 0,	СА. № 3,
101	11 сн.	Стоянки	Стоянка